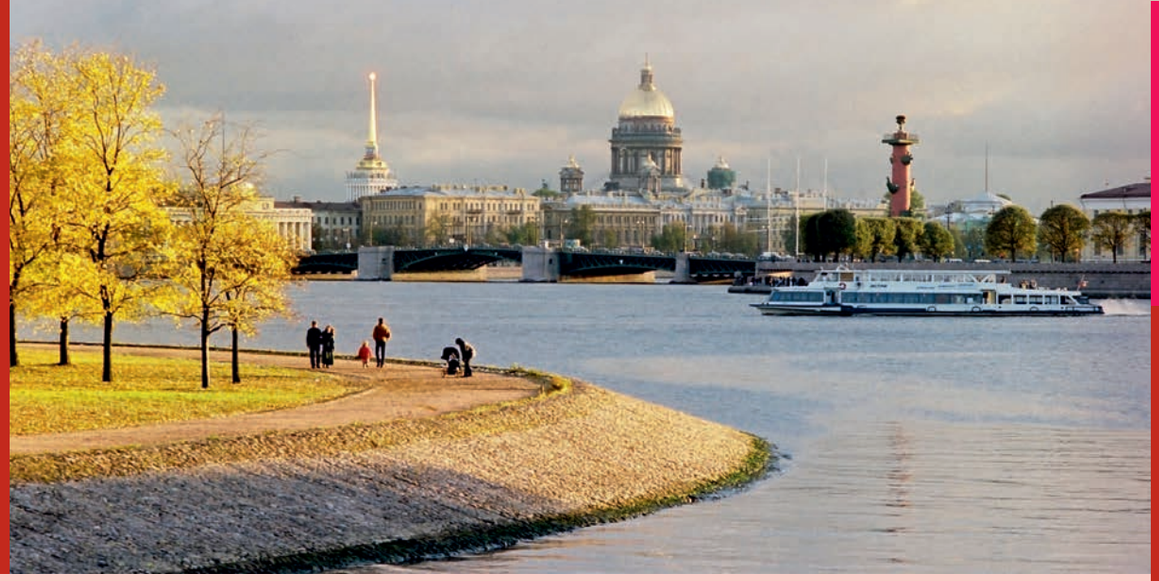


ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕК

3(44) 2019

10 ЛЕТ ЖУРНАЛУ

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Портрет современника
- Переводы
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Образование через искусство

ISBN 978-5-6040867-9-7
9 785604 086797

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц

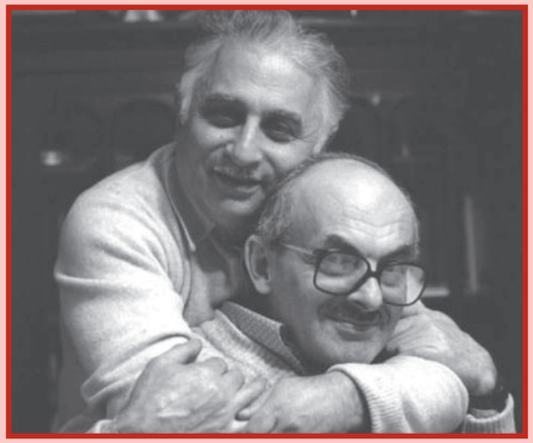
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 3 2019

10 ЛЕТ ЖУРНАЛУ

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕК

3(44) 2019



- Повесть А.П. Чехова «Три года»
- Современная дворянка
- Просто старик
- Ох, уж эта любовь!
- Даша и Сергей
- Когда расцветёт акация
- Большая семья
- Лучше гор могут быть только горы...
- Творчество Тихона Хренникова
- Мы были как братья
- Долгая дорога в жизнь
- Две страны в одном сердце
- Пересекающиеся параллели
- Орден творцов реальности

«Умом Россию не понять...»
Ф. Тютчев.

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 3(44)

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонова

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

ООО «СРП «Павел» ВОГ»

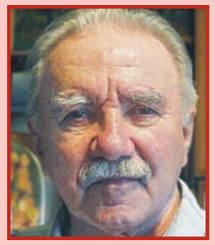
ISBN 978-5-6040867-9-7

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Журнал «Писатель. XXI век», 2019

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 10.09.19. Формат 70x100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА


Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонова

Ида Замирская

А. Ю. Филиппова

Андрей-Viktoria-Андреев

Н. М. Менендес

Л. Ф. Ларкина

А. М. Мецгер

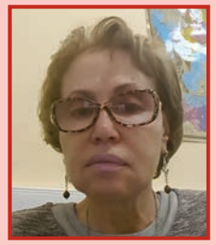
В. А. Орлов

Л. В. Лесина

Е. М. Алексеева

Эдуард Дэлюж

Бах Ахмедов


С. Б. Кузнецова

Franz Nachtigall

Лидия Калашникова

Д. Г. Горошнев

М. Л. Дьяконова

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Повесть А. П. Чехова «Три года»..... 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Екатерина Алексеева. Современная дворянка..... 7
Бах Ахмедов. Просто старик..... 10
Лидия Калашникова. Ох, уж эта любовь!..... 18
Даша и Сергей..... 20
Александр Мецгер. Когда расцветёт акация..... 28
Валерий Орлов. Большая семья..... 35
София Кузнецова. Лучше гор могут быть только горы..... 42

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

***Эдуард Дэлюж, Андрей-Viktoria-Андреев, Дмитрий Горошнев, Антонина Филиппова, Франц Нахтигал*.....** 44

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННИКА

Ефим Роговер. Творчество Тихона Хренникова последних лет..... 68
Лариса Лесина. Исаак Шварц. «Мы были как братья»..... 73

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Переводы с немецкого языка..... 83
Переводы с украинского языка..... 85

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Любовь Ларкина. Долгая дорога в жизнь..... 87

ПРОЗА XXI ВЕК

Наталья Менендес. Две страны в одном сердце..... 93
Пересекающиеся параллели..... 98
Мария Дьяконова. Орден творцов реальности..... 139

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Валерий Орлов. Английская литература 17 в..... 153
Литература эпохи просвещения17-18 вв..... 156

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»

Эта повесть была начата осенью и закончена в декабре 1894 года. Свое произведение Чехов отослал в журнал «Русская мысль», где оно было напечатано в 1895 году с некоторыми цензурными изъятиями, относившимися к вопросам религии.

Заглавие повести обозначает относительно большой отрезок русской жизни, включающий в себя немало событий общественной, культурной, семейной и личной сфер бытия купеческого рода Лаптевых. Но поскольку этот временной отрезок из трех лет вписывается в более значительную протяженность времени, постольку чеховское произведение захватывает длительную пору буржуазного развития России в девятнадцатом столетии, существенно расширяя масштаб повествования. Поэтому в повесть вводится прошлое, настоящее и будущее русской жизни. Так, один из персонажей, Ярцев, отмечает, что «жизнь идет вперед и вперед, культура делает громадные успехи на наших глазах, и, очевидно, настанет время, когда, например, нынешнее положение фабричных рабочих будет представляться таким же абсурдным, как нам теперь крепостное право...»

Композиция нового чеховского произведения основывается на эволюции характеров главных героев — Алексея Лаптева, Юлии и Ярцева, на существенных нравственных сдвигах, происходящих в сознании Лаптева, который постепенно начинает понимать, что он не только прикован цепями к своему «амбару», но и загублен амбаром всей русской жизни. Этот итог миропонимания по-новому освещает все образы повести и определяет ее построение.

Пространственные границы произведения на наших глазах раздвигаются, и мы из дома на Пятницкой попадаем на улицы Москвы, в ее районы Пресни, Разгуляя, Замоскворечья, а затем Подмосковья (Сокольники, Бутово) и пространства России (Крым, Кавказ), чему способствуют воспоминания персонажей. Эта смена мест пребывания и действия героев придает повести динамику и внутреннее движение при всей очевидной замедленности внешнего действия, что связано со стремлением Чехова воспроизвести пульсацию мыслей главного героя, осмысляющего свое внутреннее состояние, и одновременно борение переживаний героини, уясняющей особенность своего места в жизни.

Но в центре развернутого повествования находится амбар Лаптевых, их городские ряды, где производились главные торговые операции. Чехов описывает здесь амбар И. Е. Гаврилова, где когда-то служил конторщиком его отец и приказчиками — его двоюродные братья. Описание отличается большой ос-

новательностью. «Вход в амбар был со двора, где всюду было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовые лошади. Дверь, очень скромная на вид, обитая железом, вела со двора в комнату с побуревшими от сырости, исписанными углем стенами и освещенную узким окном с железною решеткой, затем налево была другая комната <..>, тоже с острожным окном: это — контора, и уж отсюда узкая каменная лестница вела во второй этаж, где находилось главное помещение <..>, благодаря постоянным сумеркам, низкому потолку и тесноте от ящиков, тюков и снующих людей, она производила на свежего человека такое же невзрачное впечатление, как обе нижних».

Амбар предстает в этом описании как подобие тюрьмы. Сопоставление больницы с тюремным помещением, данное в повести «Палата № 6», получает в произведении «Три года» свое развитие. Сам Лаптев именует доставшийся ему по наследству амбар «застенком», который угнетает и порабощает человека. А эпизод, в котором один из лаптевских приказчиков босой и в одном нижнем белье выбегает на улицу, рахмахивая кулаком, грозит «плантаторам», замучившим его, вызывает ассоциацию с произволом работорговцев и с сумасшедшим домом. Но отдельный эпизод получает в повести широкое обобщение и становится олицетворением всей сумрачной «амбарной» действительности.

Главным героем повести «Три года» является сын купца-миллионера и наследник крупной московской фирмы «Федор Лаптев и сыновья» Алексей Лаптев. Чехов рисует, однако, совсем не типичного владельца шестимиллионного состояния. Это человек с живой и чуткой душой, умный и скромный, окончивший филологический факультет Московского университета. Чехов воспроизводит портрет этого тридцатитрехлетнего человека. Он «невысок ростом, худ, с румянцем на щеках..., волосы у него уже изрядно поредели, так что зябла голова. В выражении его вовсе не было той изящной простоты, которая даже грубые, некрасивые лица делает симпатичными; в обществе женщин был неловок, излишне говорлив, манерен».

Совсем необычным было его равнодушие к купеческому делу и к деньгам. Более того, он убежден, что их именитый купеческий род внутренне гнил и порождает, как в его случае, рабов в своих душах. Он ощущает всю несправедливость современного жизнеустройства и намерен, отказавшись от своего капитала, зажить трудовой жизнью. Но нравственных сил для осуществления этого намерения у него нет. Слишком испортило его воспитание. По его словам, у него нет «ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли». Его жизнь породила постоянный страх. «Я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно, — признается Алексей Лаптев, — а боюсь дворников, швейцаров, городовых, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился у затравленной матери, с детства я забит и запуган!» Правда, жизнь не вытравила из него добросердечия, чуткости и душевной щедрости: он много занимается благотворительностью, платит за пятерых студентов, которых за неуплату исключают из университета.

Сложность характера Алексея Лаптева сказывается в интимной и семейной сферах жизни. Он страстно влюблен в дочь местного врача Юлию Белавину, делает ей предложение и тяжело переживает ее отказ. Добившись женитьбы на ней, он раскаивается в своем поступке: семейная жизнь с равнодушной к нему женщиной становится для него не только не радостной, но и мучительной. В собственном доме он чувствует себя чужим. Однако после длительной поры отчужденности отношения супругов выравниваются: Юлия признается, что полюбила мужа. Но три года внутреннего противостояния сделали свое дело: теперь Лаптев охладел к жене и стал к ней достаточно равнодушным. Чехов, как видим, показывает конфликтность внутреннего мира своего героя, которая сказывается в его любовных и семейных отношениях. Как писал критик Р. И. Сементковский в журнале «Нива» (1896 г.), «миллионер Лаптев не выдуман г. Чеховым, он существует в самых разнообразных видах» [1]. Типичность Лаптева сказывается в постоянной противоречивости его внутреннего мира, в борении предчувствия свободы, выхода из крепости «рабства» со скованностью амбарным миром. Итог эволюции героя таков: «Лаптев был уверен, что миллионы и дело, к которому у него не лежала душа, испортят ему жизнь и окончательно сделают из него раба; он представлял себе, как он мало-помалу свыкается со своим положением, мало-помалу войдет в роль главы торговой фирмы, начнет тупеть, стариться и, в конце концов, умрет, как вообще умирают обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающих».

Рядом с Лаптевым изображена Юлия Сергеевна, которой в начале повести нет еще двадцати двух лет. Во многом она противоположна центральному герою: она не только молода, но и красива, очень религиозна. К тому же она дворянка и дочь интеллигентного врача. Сначала она отказывает немолодому и некрасивому купцу, сделавшему ей предложение, но потом, взвесив все «против» и «за», приходит к выводу, что брак с Лаптевым означает для нее прощание с провинцией и переезд в Москву, которая сулит ей жизнь прекрасную и, возможно, яркую; она дает свое согласие, но брак воспринимает как непоправимую ошибку, поскольку оказалась женой внутренне далекого от нее человека. Совместная жизнь осложнена смертью родившегося ребенка. Юлия любит искусство, посещает картинные галереи и выставки. Как и ее муж, она увлечена поэзией и ценит искренние человеческие чувства. Подобно Лаптеву она стремится делать добро и без возражений берет в свой дом детей сестры Лаптева, скончавшейся после болезни.

Идет время, и постепенно отношения ее с Алексеем налаживаются, более того — становятся теплыми и душевными. В финале повести она признается в том, что полюбила своего неординарного мужа.

История сложных и противоречивых отношений супругов сопровождается рядом тонких и выразительных деталей, одной из которых оказывается обычный, совсем не новый зонтик. В первой главе он рисуется как случайная вещь, которая со временем воспринимается как значимая художественная подробность. Лаптев,

связывая этот зонтик с очарованием любимой женщины, целует его и, раскрыв над собой, ощущает дыхание счастья. Теперь эта вещь — уже психологическая и лирическая деталь. Третий раз в повести этот зонтик становится своеобразным поэтическим символом, наполненным глубоким содержанием. Зонтик теперь передает эволюцию человеческих чувств, лирическое восприятие жизни» [2].

Стремясь расширить круг действующих лиц своего произведения, Чехов вводит в него Федора Степановича Лаптева, главу московской фирмы, купца-миллионера, властного и своенравного старика, ограниченного по образованию, но хорошо знающего свое «амбарное дело». Суровость его проявляется в том, что он не желает простить свою больную дочь, вышедшую когда-то замуж без его согласия. Крепкий и кряжистый старик, он к финалу повести слепнет.

Вторым его сыном, кроме Алексея, является Федор Федорович Лаптев. Он пребывает в духовных мечтаниях и сменяет роль истового купца на занятия публицистической деятельностью. Его путь завершается душевной болезнью.

Среди женских персонажей произведения выделяется Полина Рассудина, преподавательница музыки, очень неустроенная и потерянная тридцатилетняя женщина. Некогда она любила Алексея Лаптева и была близка с ним до его женитьбы, но потом сходится с его приятелем Ярцевым и поселяется у него. Убежденная демократка, она ненавидит мир купцов.

Яркой фигурой в повести является Иван Ярцев, молодой ученый, магистр химии, преподающий в средних учебных заведениях. Это «здоровый крепкий человек, черноволосый, с умным, приятным лицом». Вместе с братьями Лаптевыми он окончил филологический факультет университета, но потом поступил на естественный. Широк круг его интересов: он преподает не только химию, но и физику, естественную историю, а дома занимается русской историей и социологией, а также помещает в журналы публицистические заметки, увлекается педагогикой, историей искусств и мечтает написать пьесу из русской истории. Ярцева отличает способность работать чуть ли не круглые сутки, — характерная особенность интеллигента из разночинцев. Но особенно выделяет его влюбленность в Москву, где он родился, в свою страну и в талантливость нового молодого поколения. Своему приятелю Алексею Лаптеву он говорит: «Как богата, разнообразна русская жизнь. Ах, как богата! Знаете, я с каждым днем все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дожить, самому участвовать». А своему другу Кошевому он восторженно замечает: «...В России все необыкновенно талантливо, даровито и интересно». Вместе с Костей Кошевым и другими друзьями он составляет московский круг Юлии Сергеевны, в которую тайно влюблен. Читателю начинает казаться, что Ярцеву Чехов доверил некоторые свои сокровенные мысли и суждения.

В произведении «Три года» сказывается объективное повествование, то есть обнаруживаются в первых четырех главах черты чеховской прозы второго периода. Но, как свидетельствует А. П. Чудаков, здесь

проявляются и черты, свойственные новому, третьему периоду творчества, в частности, господство форм речи повествователя [3]. Да и сам центральный герой весьма близок автору: это сказывается в реакции на концерт симфонической музыки и на картину Левитана.

Довольно сложно определить жанр характеризуемого произведения. Сам Чехов называл его то романом (в письмах Суворину и сестре), то повестью (в письмах В. Гольцеву и И. Ясинскому), то рассказом (при публикации в «Русской мысли»), то «Сценами из семейной жизни». Б. А. Ахундова склонна характеризовать «Три года» как лирический роман [4]. На наш взгляд, перед нами повесть хроникального характера.

К сожалению, современная Чехову критика не смогла по достоинству оценить это произведение. В. А. Грингмут из «Русского обозрения» писал о неясных контурах главных действующих лиц, хаотическом впечатлении от повести. «Русские ведомости» отмечали случайные подробности жизни героев и неразрешимость загадки об идее всего рассказа. Отрицательные отзывы дали В. Буренин в «Новом времени», М. Южный в «Гражданине», М. К-ский в «Сыне отечества». Только А. М. Скабечевский из «Русского обозрения», назвав Лаптева «Гамлетом Замоскворечья», характеризовал его как «живой, осязаемый, на каждом шагу встречающийся в нашей жизни тип», как «прямое наследие темного царства»; «... несложно было бы доказать, что в каждом из нас рядом с обломовщиной сидит лаптевщина, все мы в том или другом отношении Лаптевы» [5].

«Три года» Чехова противостояли буржуазным романам Боборыкина и Шеллера-Михайлова, но тесно сближались с «Приваловскими миллионами» Д. Н. Мамина-Сибиряка и предвосхищали «Форму Гордеева» и «Дело Артамоновых» М. Горького.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Сементковский В.И.* Что нового в литературе? // Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива». — СПб, 1896. № 1. С. 492.

2. *Белкин А.* Чудесный зонтик. Об искусстве художественной детали // Литературная газета, 26 января 1960, № 11. С. 4.

3. *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука; 1971. С. 124-125.

4. *Ахундова Б.Л.* О «лирическом романе» А. П. Чехова // Литературные направления и стили: сб. статей, М.: Изд. МГУ, 1976. С. 276-286.

5. *Скабичевский А.* Литературная хроника // «Новости», № 107, 1895, 20 апреля.

Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)

СОВРЕМЕННАЯ ДВОРЯНКА

«…Я не хотел бы, Понтик, чтоб ты ценился за то лишь,
Что было славой предков твоих, без того, чтобы сам ты
Честь заслужил. На славу других опираться позорно,
Чтоб не упасть и не рухнуть, как крышка, утратив подпору…»
Ювенал. Сатиры. Сатира восьмая.50-60 гг. н.э.

Современная дворянка сильно отличается от дворянки девятнадцатого столетия. Прежде всего, это чувствуется в одежде. И дело не только в моде.

Когда ее достаток скромен, она предпочитает носить бесформенные береты ядовитых тонов в форме коровьей лепешки. Стрижку она себе позволить не может, это слишком накладно. Тонкие, серые нити волос она собирает на затылке в жалкий клубок или кокетливо разбрасывает по мощным плечам слипшимися змеями. Годами она не снимает старую, вытянувшуюся во все стороны вязаную кофту, из-под которой выглядывает что-то темное, мешкообразное именуемое юбкой; ее миниатюрная ножка сорок пятого размера обута в черный сапог. Эти «утюги» она периодически оспаривает у своего мужа — подкаблучника, потому что нога у нее тяжелая.

Если она считает себя состоятельной женщиной, то тут нет предела ее игривой фантазии. Маленькая, располневшая с возрастом дама, украшает свою крашенную перекисью головку широкополой мексиканской шляпой, отороченной мехом, или водружает на голову меховой тюрбан выше собственного роста с декоративным опахалом из хвостиков норки. Ее платья и кофточки так щедро украшены всевозможными блесками, камушками и бусами, что вам кажется, что уже наступил новый год. Каждый палец ее ручки украшен громадной подделкой под драгоценный камень, купленный по выгодной цене как настоящий на отдыхе в Турции.

Богатая дама любит много и хорошо поесть. Впрочем небогатая тоже любит поесть, только не в обществе, потому что чрезвычайно скупа, а по-тихому в домашней обстановке или на халявку. Богатая дворянка обязательно приносит на собрания красной икорки, рыбки, колбаски. В это время несостоятельная дама скромно садится в уголок, потупив глазки, всем своим видом говоря, что она ничего не хочет есть, ей и так хорошо, достаточно только присутствовать в таком изысканном дворянском обществе. Но богатая дама, обладая широкой, хлебосольной натурой, не может спокойно поглощать свои деликатесы на глазах такого робкого создания и после третьего настойчивого приглашения, стесняющееся существо проворно хватает бутербродик с икоркой. (Лучше согласиться после третьего предложения, потому что четвертого можно и не дождаться, у дам слишком хороший аппетит.)

Общественное положение современной дворянки разнообразно, но чаще всего она музыкант. Не одно торжественное собрание не обой-

дется без ее фанатичных ударов по клавишам истерзанного пианино.

С этим публика еще могла бы как-то смириться, но современная дворянка очень любит петь. Хотите вы того или нет, вам придется ее слушать. Эта дама не страдает отсутствием уверенности в себе. Она поет всегда и везде, по поводу и без повода, в удобных и не удобных местах. Упоенная чувством гордости за свой талант, она будет исторгать из себя звуки в надежде доставить удовольствие слушателям, но вам будет казаться, что кто-то водит напильником по стеклу или мучает несчастную кошку. В завершение своего концерта она захочет взять верхнюю ноту, но достигает лишь того, что слушателям срочно хочется выйти на свежий воздух.

Больше всего она любит поражать своим талантом иностранцев. Часто посещая курорты Египта, Турции и Туниса, она не упускает возможности продемонстрировать свое искусство местным жителям и гостям. Например, за ужином в ресторане, бывает очень эффектно, когда она вдруг, среди общей тишины и спокойного рокота голосов, откроет свой густо намазанный рот, приветствуя испуганных отдыхающих одной из своих песен. Она уверена, что такие выступления сильно поднимают престиж нашей страны в глазах иностранцев.

Таланты современной дворянки разнообразны. Кроме занятий музыкой она пробует себя в качестве художника, скульптора, поэта и писателя. И все у нее получается, но чего-то недостает. По ее словам может сложиться впечатление, что она просто гениальна и не в одной области, а сразу в нескольких. Однако стоит вам попросить ее показать один из ее рассказов, то вы услышите, что рассказ она забыла дома или ее бумаги сейчас находятся в таком беспорядке, что решительно ничего нельзя найти. В один прекрасный момент она все же отважится показать вам свое произведение. Вы не сможете удержаться от радостных восторгов, настолько оно окажется прекрасным. Талантливая писательница счастлива, что ее оценили по достоинству. Вы раскаиваетесь в своем недоверии к ней. Потом, когда вы придете к себе домой, и строки прочитанного рассказа еще будут вертеться у вас в голове, вас начнут терзать смутные сомнения. Вы бросаетесь к своему книжному шкафу и достаете старые номера известных литературных журналов. Найдя нужный рассказ, грустная улыбка тронет ваши губы: «Так и есть, это я уже читала, только под другой фамилией!».

Современная дворянка обладает великим чувством собственного достоинства. Дворянское происхождение позволяет ей смотреть на всех остальных женщин свысока.

— Как поживаете?! — спросит она при встрече, расправив широкие плечи. — А вы знаете, что мой предок покорил Америку, за что благодарные американцы даже поставили ему памятник! — Завладев вашим вниманием, она его уже не упустит. Она будет еще долго напрягать ваш слух, брызгая воспоминаниями, потому что история вашей жизни ее совсем не интересует.

Если по какой-то роковой случайности в обществе привлекательных мужчин рядом с женщиной дворянкой окажется женщина простого происхождения, но при этом красивая, то негодованию дворянки не будет предела. Естественно, что внимание всех мужчин будет направлено на кра-

савицу. Ей будут говорить комплименты, ей будут подмигивать, будут стараться встать поближе, чтобы случайно дотронуться. Первый бокал шампанского будет преподнесен красавице. Лучший кусочек со стола также будет отдан ей. Все это не уйдет от зорких глаз дворянки. Она будет мило улыбаться, шутить, громко говорить, но в ее душе будет клокотать бессильная ярость против красавицы.

И вот когда дворянка уже достаточно выпила, чтобы преодолеть барьер скромности, она делает первый пробный налет на красотку. В то время, когда красивая женщина завладела вниманием слушателей, рассказывая новый анекдот, вдруг раздастся вопль дворянки:

— Хватит, дорогуша! Вы уже и так много выступаете! Вот послушайте, что я расскажу!

Следующий маневр — это охладить красотку общим презрением. Происходит это так: собираются в тесный кружок дамы высшего света, обычная, красивая женщина пытается наладить с ними контакт, завязав непринужденный разговор. И тут, дамы, как по команде стискивают губы в узкую полоску, отвечая на реплики красавицы зловещим молчанием.

Наказанная красотка выходит в соседнее помещение, взяв под руку самого желанного мужчину, чтобы вместе сфотографироваться. Заметив это, дворянка бежит за ними следом, и когда они оказываются втроем без посторонних глаз, она задирает свою юбку пред мужчиной и заявляет:

— А ноги-то у меня гораздо лучше, чем у вашей красавицы!

Мужчина заинтересован. Он начинает присматриваться к дворянке: «Фигурка у нее действительно стройная и ноги длинные, личико немного длинновато, но какие глазки! Острые, живые! К тому же, она благородного происхождения. И я ей решительно нравлюсь! А что если...»

Довольная, трепещущая дворянка добилась своего. Мужчина довел ее до дома. Поцеловал ручку, с надеждой заглянул в глазки.

Она робко предложила чашечку чая. Мужчина согласился.

Открывая входную дверь, возникли трудности. Дверь не поддавалась, что-то лежало грудой на полу и мешало. Мужчина надавил плечом, образовался проем, в который можно было бочком проскользнуть. Когда зажгли свет, мужчина содрогнулся, прихожая была плотно заставлена мебелью, на полках в беспорядке валялись вещи, одежда, посуда, предметы личной гигиены и все это изобилие тонировало покрывало из густой пыли. На полу возвышалась гора верхней одежды, свалившейся с вешалки, что и помешало открыть входную дверь. Хозяйка, отодвинув ножкой мешавшую пройти кучу белья, провела гостя в кухню.

Перед глазами мужчины предстала еще более страшная картина. Раковина и стол были завалены грязной посудой, на плите можно было вести археологические раскопки и все это великолепие источало смрад.

Мужчина поежился.

— Извини, душенька, я сегодня плохо себя чувствую. Мне лучше пойти домой.

Еще раз, быстро поцеловав ручку, мужчина проворно удалился.

«Странный какой-то! — пожала плечами дама, — что от такого ждать?! Плебей неблагородный!».

Бах Ахмедов
(Узбекистан, г. Ташкент)

ПРОСТО СТАРИК
(РАССКАЗ)

1.

За свою восьмилетнюю практику на «Скорой» я видел много пожилых и старых людей, и среди них попадались порой очень странные, но такого оригинального старика у меня еще не было.

Вызов поступил около девяти часов вечера, и мы приехали на удивление быстро, но еще минут десять плутали по кварталу в поисках нужной многоэтажки, путаясь в неотличимых друг от друга домах. Дверь мне открыла невысокая девушка в очках и в длинной серой футболке. Взгляд у нее был тревожный и одновременно немного растерянный. На вид ей было лет двадцать, не меньше, но что-то неуловимо подростковое проступало во всей ее невыразительной внешности, короткой мальчуковой стрижке и манере держаться.

— Здравствуйте, проходите. Дедушка в кабинете, — тихим голосом проговорила она.

Я прошел за ней и в этот момент увидел, что она немного припадает на левую ногу. Девушка провела меня в дверь направо, и я оказался в комнате, похожей на типичную профессорскую нору. В таких пространствах происходит вечная борьба хаоса с порядком, только у одних людей чаще побеждает первое, а у других — второе. У моего сегодняшнего пациента явный перевес был за хаосом. Прямо к окну примыкал небольшой письменный стол, с беспорядочно наваленными стопками бумаг, по левую руку — от пола до потолка книжные стеллажи, в которых книги ожесточенно боролись за место, работая обложками. Свободная стена, справа от двери, была беспорядочно усеяна наклеенными на выцветшие обои желтыми прямоугольными стикерами. И на каждой бумажке мелким неровным почерком написаны какие-то слова — издалека я их не мог разобрать. Мне стало даже интересно и захотелось подойти ближе, чтобы прочитать надписи, но надо было заниматься пациентом.

На длинном узком диване лежал худой, бледный, как водяной знак, старик. Трехдневная щетина на впалых щеках и заостренном подбородке, испарина на лбу, глаза полуприкрыты, кожа почти прозрачная... Редкие седые волосы, жилистые руки поверх тонкого в клеточку пледа, которым он был укрыт.

Впрочем, я не умею описывать внешность. Мне всегда казалось, что в любом таком описании есть что-то фальшивое, уводящее от сути. Скажу лишь, что позже, когда старик открыл глаза, меня поразило в их взгляде странное несоответствие всему его облику. Они не были потухшими, как это часто бывает у стариков, в них светился какой-то страдальческий интерес к миру,

который так неумолимо ускользал от старика. Словно он не хотел и не мог смириться с этим ускользанием и пытался остановить его взглядом, понимая, впрочем, что это напрасные старания.

Я измерил давление, послушал его. Как я и предполагал, у него был гипертонический криз: 180 на 90. Дыхание тоже мне не очень понравилось: я услышал небольшие хрипы. Судя по всему, старик перенес недавно сильную простуду и еще не полностью поправился. Пока я его осматривал, он не произнес ни слова, только тихонько застонал один раз. Его внучка, похожая на испуганного зверька, неподвижно и настороженно молча наблюдала за моими действиями, прислонившись к стене и согнув одну ногу в колене. На мгновение у меня возникло дурацкое ощущение, что я сдаю экзамен в мединституте.

— Мне надо сделать укол, где можно помыть руки? — спросил я.

Девушка молча провела меня в ванную. Если бы она вначале не поздоровалась со мной, я бы, наверное, подумал, что она немая. В ней было что-то странное, какая-то напряженная отстраненность, которая сразу вызвала во мне интуитивную антипатию. Особенно меня раздражало то, что она, как тень, ходит за мной по квартире. В голове почему-то возник вопрос: «Хромота у нее врожденная или...?»

Когда шприц с лекарством был готов, я попросил ее выйти из комнаты, чтобы не смущать деда — он к тому времени уже полностью пришел в себя и начал со мной разговаривать. Второй приступ за этот месяц, сказал он мне. «Я могу прямо сейчас забрать вас в больницу, полежите недельку, подлечитесь». Старик покачал отрицательно головой и слабо улыбнулся: «Не могу, доктор, мне нужно быть дома, с внучкой». Голос у него был тихий и немного задыхающийся. Я не стал спрашивать почему — в конце концов, его состояние было не настолько критическим, чтобы настаивать на госпитализации.

— Я вам сделаю сейчас укол, пять кубиков папаверина с дибазолом, чтобы нормализовать давление. Но потом вам надо будет обязательно провести лечение.

— Вы можете не кричать, я все слышу, доктор...

После укола я решил подождать немного, пока он подействует, и подошел к стене с наклеенными бумажками. На каждой из них мелким корявым почерком было написано несколько слов, в основном прилагательные: «упертый и высокомерный...», «замкнутый...», «иногда похож на ребенка...», «страшный мизантроп», «ворчун», «добрый...», «злючка, каких мало...», «ищущий, с муравейником в голове...», «игрок и врун», «фанфарон...», и так далее. Думаю, что на стене было не меньше полусотни этих кратких определений. Я почувствовал на себе взгляд старика и повернулся к нему.

— Да, доктор, вы угадали, это все обо мне, это мои маленькие зеркала.

— Если честно, я даже не начинал угадывать, — ответил я. — А в чем смысл?

— Наверное, я покажусь вам смешным или сумасшедшим, но в последние двадцать лет я одержим желанием понять, кто я такой на самом деле. И я задавал этот вопрос людям, которые меня знают. Кто-то больше, кто-то меньше. Друзьям, знакомым, коллегам по работе... Одноклассникам

и домочадцам. Я записывал их ответы вот на такие бумажки и наклеивал их на стену. Мне казалось, что в конце концов они сложатся в единую картину. Как пазл, понимаете?

— Понимаю... И как, получилось?

— К сожалению, нет. Я потерпел сокрушительное поражение. Ничего не сложилось, все рассыпается, и я по-прежнему нахожусь в облаке незнания.

— В облаке незнания? Простите, но мне кажется, вы придумали себе какую-то детскую игру, не совсем подходящую вашему возрасту.

— Возможно, возможно, но мне так хотелось понять... А если бы я спросил вас о том, кто я такой, что бы вы ответили, доктор?

— Да я даже не знаю... Какой-то странный вопрос, если честно. Я бы, наверное, ответил, что вы обычный старик. Просто старик.

— Просто старик, — он снова прикрыл глаза, помолчал и добавил: — Это звучит чудесно, почти музыкально: просто старик... Красивая звукопись! Спасибо вам огромное.

В этот момент в комнату вернулась внучка.

— Лиза, — сказал дед, — принеси, пожалуйста, ручку, мне надо кое-что записать.

В его глазах светилась такая радость, словно у ребенка, который нашел давно потерянную игрушку. Он вдруг оживился и стал разговорчивым.

— Знаете, — сказал старик, чуть приподнявшись на подушке, — моя жизнь напоминала мне незаконченную повесть. Как будто автору осталось совсем чуть-чуть, одну или две страницы, но он не успел их дописать, хотя они были самыми важными.

— Вот рецепт, — сказал я, — пусть ваша внучка сходит в аптеку и купит эти лекарства и уколы. Вам надо пройти курс лечения.

— Вы меня не слушаете...

— Я вас слушаю. И кто автор этой повести? Разве не вы?

— Это ведь не так важно, кто автор. Он может быть анонимным. Важен сам текст... Он был незавершенным, и меня это мучило много лет. И вот сейчас у меня ощущение, что все замкнулось, совпало, выстроилось в одну картину, благодаря вашей гениальной формуле.

— Я не сказал ничего гениального.

— Сказали. Ваши два слова «просто старик» — это то, что мне было нужно.

— Вы преувеличиваете... Простите, вы не могли бы сказать свое имя и фамилию? Мне нужно записать ваши данные.

— Фарид Асанов. Смешно, правда?

Я пожал плечами: имя как имя. Старик впал в задумчивость, но через несколько секунд снова оживился и сказал:

— Просто старик — это самое лучшее, что можно сказать про человека, который начал обратный отсчет.

— Если вас интересует мое мнение, как врача, вы слишком торопитесь с обратным отсчетом, не все так плохо, — сказал я, вставая и закрывая свой чемоданчик.

Старик ничего не ответил, только покачал головой и слабо улыбнулся мне на прощание.

Дней через десять, спасаясь от ливня, я зашел в «Корзинку» и увидел там Лизу. На этот раз на ней были темно-синяя водолазка и джинсовая мини-юбка, на ногах — темно-синие колготки. В этом наряде и в больших очках Лиза еще сильнее напоминала подростка. Она с рассеянным видом стояла возле полки с шампунями и брала то один, то другой флакон, рассматривала безучастно и снова клала на полку. Я подошел к ней, поздоровался. Она не узнала меня, посмотрела с удивлением и спросила: «Мы знакомы?».

— Я врач со «скорой», приезжал на вызов к вашему деду, помните?

— А, да, вспомнила, — равнодушно сказала Лиза и посмотрела на меня с нетерпеливым выжиданием.

— Как он себя чувствует?

Лиза натянуто улыбнулась и сухо ответила:

— Спасибо, лучше. Проводим лечение на дому, как и рекомендовали нам.

— Замечательно, — сказал я и, не зная, что еще сказать, добавил: — Мне очень понравились его стикеры на стене со словами...

— Их больше нет, теперь там только одна бумажка.

— Как любопытно... И что же на ней написано?

— Можно подумать, вы не знаете... На ней написано два слова: просто старик.

Лиза снова погрузилась в изучение шампуней, давая мне понять, что разговор окончен.

— Ну что ж, замечательно, значит, жизнь продолжается. Передавайте привет дедушке.

Я попрощался с ней, задумчиво вышел из супермаркета, и мне на лицо упали первые крупные капли весеннего дождя. И прежде, чем я успел дойти до машины на стоянке, он превратился в проливной ливень.

2.

На этом месте я хотел закончить рассказ, и если бы я это сделал, возможно, это было бы лучше. Но дело в том, что в реальности эта история закончилась не совсем так и имела продолжение не менее странное, чем ее начало. Может быть, она до сих пор не закончилась... И я в тот момент не ушел и не попрощался. Все было несколько иначе.

Итак, Лиза снова погрузилась в изучение шампуней, а я вдруг, неожиданно для самого себя, пригласил ее на кофе. Она взглянула на меня с удивлением и спросила:

— Вы всех незнакомых девушек сразу приглашаете на кофе?

— Но ведь мы уже немного знакомы. К тому же, я хотел бы кое-что спросить о вашем дедушке.

Это было почти правдой. Старик все эти дни не выходил у меня из головы, но главное, мне хотелось понять, кто он на самом деле. Когда я был у них дома, у меня сложилось впечатление, что они с Лизой живут вдвоем. Но в таком случае, где ее родители? Уехали? Живут отдельно? И в то же время, когда эти вопросы приходили мне в голову, я одергивал сам себя: «В конце концов, какое тебе дело до этого странного старика и этой не ме-

нее странной хромоножки? Не все ли тебе равно, кто с кем живет? Или все-таки внучка тебя зацепила, признайся?» Впрочем, отвечать на эти вопросы я и не пытался, потому что не хотел погружаться в очередную волну холодной рефлексии, от которой у меня всегда наступала потом апатия.

— Спрашивайте, — сказала Лиза.

— Мне кажется, здесь не совсем подходящее место... Послушайте, Лиза, буквально в двадцати метрах отсюда есть маленькая кофейня, давайте зайдем минут на пятнадцать? Я всего лишь хочу угостить вас чашечкой кофе. Я знаю, что вы любите кофе.

— Очень интересно. И откуда же вы это знаете?

— Чувствую. Такие девушки, как вы, не могут не любить кофе.

По губам Лизы скользнула быстрая улыбка, и тут же исчезла, словно застеснявшись самой себя.

— Вы так уверены в своих способностях угадывать, что даже не боитесь поставить себя в смешное положение? Нет, я совсем не фанат кофе, хотя иногда, по настроению, я могу его попить.

— Я подожду вас у выхода, — сказал я так, словно она уже согласилась, и быстро пошел в сторону кассы.

Лиза вышла минут через десять, на плече у нее висел маленький симпатичный рюкзачок. Мне показалось, что сегодня она хромает немного меньше, но может, просто потому, что она быстро шла. Она увидела меня и остановилась, видимо, не зная, какое решение принять.

— Да, выбор правильного шампуня — дело серьезное, — улыбнулся я, пытаясь растопить лед.

— Я не очень понимаю, что вам от меня нужно. На всякий случай, сразу говорю, у меня есть парень.

— У нас у всех кто-то есть, даже у меня, — сказал я, — но в данном случае, речь не о вас, а о вашем дедушке. Давайте дойдем до кофейни, и я вам по дороге объясню, чего я хочу. Кстати, простите, я забыл представиться: меня зовут Камил.

В конце концов, мне удалось ее уговорить, и мы зашли в «Черного мишку». Лиза рассеянно посмотрела в меню и заказала американо с молоком. Я последовал ее примеру, хотя мне больше хотелось капуччино. От пирожных она категорически отказалась, и я не стал настаивать.

— Итак? — спросила Лиза, и выжидательно уставилась на меня.

— Итак, ваш дедушка, Фарид Асанов, возраст — семьдесят три года. Расскажите мне о нем подробнее.

— Назовите мне хотя бы одну причину, почему я должна это делать.

— Он меня заинтересовал очень, и я пытаюсь нарисовать его психологический портрет. Мне кажется, он очень необычный человек. Или я ошибаюсь?

— Вы, наверное, думаете, что он непризнанный гений, да?

— Была и такая версия.

Нам принесли кофе. Лиза молча положила ложечку сахара и долго размешивала его, сосредоточенно уставившись на черную поверхность кофе. На какой-то момент мне показалось, что она забыла о моем присутствии.

То, что последовало дальше, было для меня полной неожиданностью: я увидел, что у нее в глазах блестят слезы, а губы чуть дрожат, совсем как у маленькой девочки, готовой вот-вот расплакаться. Я растерялся, не зная что делать и говорить. Сказал первое, что пришло в голову.

— Лиза, что с вами? Простите, если не хотите говорить на эту тему, не надо...

Она подняла на меня взгляд, и я увидел в ее глазах такую боль, что мне стало не по себе.

— Какого черта я должна вам исповедаться? Вы что, мой психоаналитик или подруга?

— Я всего лишь спросил про дедушку, но если вы не хотите....

Она отрицательно покачала головой и вытащила из рюкзачка сигареты.

— Девушка, у нас нельзя курить, — сказала возникшая из воздуха официантка.

— Черт! Нигде у нас ничего нельзя... Ладно...

Она нервно засунула мятую пачку обратно в рюкзак и так же нервно, немного сбивчиво, заговорила.

— Неужели вы сразу не поняли, что он не в себе. А еще врач. Ведь невооруженным глазом видно!.. Хотя у него бывают периоды просветления, когда он кажется вполне вменяемым.

— Видимо, мое посещение совпало именно с таким периодом, потому что я ничего не заметил. А в чем проявляется его... невнемяемость?

— Банальный диагноз: ему начинает казаться, что он какой-нибудь знаменитый писатель или поэт. Чаще все-таки писатель. Размножение личности...

— И кем же он себя воображает в эти минуты?

— Да кем он уже только не был: и Стендалем, и Диккенсом, и Сервантесом, и Достоевским... В общем, почти все классики в нем погостили.

Она чуть помолчала, отпила кофе и продолжила свой рассказ. Никаким профессором ее дед не был, всю жизнь проработал простым электриком в ЖЭКе. Несколько раз получал производственные травмы, то есть, его сильно ударяло током, и Лиза предполагает, что это тоже могло стать причиной психического расстройства. Плюс маниакальная страсть к чтению, которая сближала старика с его любимым Дон Кихотом. Во время приступов, когда ему казалось, что он какой-то писатель, он садился и начинал лихорадочно исписывать листы бумаги. Написанные тексты, как правило, не содержали знаков препинания, и поэтому читать их было трудно. Это был скорее поток полубезумного сознания.

— Но самое интересное, — в голосе Лизы появились нотки восхищения, — что каждый раз стиль был разным, и очень напоминал слог того классика, чью книгу дед читал накануне своего очередного приступа. Кстати, в таких состояниях его лучше не трогать — он становится непредсказуемым, а его реакции — абсолютно неадекватными... Если бы вы знали, как я устала.

Лиза замолчала и посмотрела на меня выжидательно. Я понял, что она ждет моей оценки.

— А почему вы не пытались его положить... на лечение?

— Запереть в психушке? Вы же знаете, что оттуда не выходят. Тем более, в его возрасте. У него ведь это относительно недавно началось, лет восемь назад, когда он вышел на пенсию. И потом... я не знаю, наверное, у меня тоже что-то не в порядке с психикой, но я от него зависшу. Я уже не могу без него. И даже не потому, что люблю его как дедушку. Скажу честно, я не знаю, люблю или нет... Тут что-то другое, что-то более глубокое и страшное. Он имеет какую-то странную власть надо мной.

Лиза допила кофе, посмотрела на меня и вдруг как-то жалостливо, почти по-детски, спросила:

— А можно повторить? У них такой хороший кофе...

— А говорили, что не любите кофе, — я не мог сдержать улыбку, подзывая жестом официантку. Лиза слабо улыбнулась мне в ответ.

Мне показалось, что лед немного растаял, и я решил воспользоваться этим.

— А родители?.. — спросил я, заказав еще два кофе. — Вы ни разу о них не упомянули...

— Родители? — Лиза горько усмехнулась. — Они давно развелись. Мама уже лет пятнадцать живет в другой стране, у нее там свой бизнес. Отец здесь, но у него другая семья. В общем, я классический брошенный ребенок со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Понимаю... А вы учитесь или работаете?

— Не работаю... Подрабатываю переводами на дому. Ведь за дедом все время нужен присмотр.

— Лиза, а вы могли бы мне дать почитать то, что он писал?

— Не могу. Когда он приходит в себя, он все уничтожает. Сжигает. Прямо второй Гоголь. Да если бы даже не сжигал, вряд ли бы вы смогли что-то понять. Однажды я пыталась почитать его творения... Это не бред, но понять все равно очень сложно. Какие-то незаконченные фрагменты без начала и конца. Диалоги, описания героев, философия... Иногда, это похоже на гениальное безумие, но только иногда. И стиль, как я уже говорила, все время разный.

— Но ведь это самое интересное. Может, он так сильно перевоплощается в другого писателя, потому что в нем есть нереализованный литературный дар? Жаль, что ничего не сохранилось...

Лиза пожала плечами и вздохнула.

— Вы, наверное, тоже много читаете?

— Читала... А в последние несколько лет у меня аллергия на книги благодаря деду. Они для меня несут какую-то скрытую угрозу. Мне кажется, каждая книга — это подземная пещера, точнее, лабиринт, из которого можно не выбраться обратно. Я их стала бояться. Особенно, некоторых писателей.

— Я догадываюсь, каких...

— Не хочу больше об этом говорить, простите.

— Ну хорошо, а бумажки на стене? Как они появились?

— Мне кажется, он делал это всю жизнь. Сколько себя помню, всегда видела у него на стене эти цитаты. Но это игра, просто дурацкая игра.

— Ну почему же игра? Может, он таким способом пытался найти себя?

— Сколько можно искать себя?!.. Человеку за семьдесят лет, а он все еще ищет себя... Детский сад какой-то...

— Ну вы же сами знаете, что все старые люди...

— Да, да, впадают в детство — вы эту банальность хотели сказать? Но мой дед из него, наверное, вообще не выходил. Так и прожил всю жизнь ребенком.

— Между прочим, не самый худший вариант. Может, еще кофе?

— Нет, спасибо. Не хочу злоупотреблять вашей добротой. Тем более, что мне уже пора.

Я рассчитался, и мы вышли на улицу.

— Спасибо вам за кофе, и простите, что загрузила вас своими проблемами...

— Вы не загрузили... Вы не возражаете, если я иногда буду заходить проведывать вашего деда? Как лечащий врач.

— У него есть лечащий врач из поликлиники.

— В таком возрасте лишний осмотр не помешает.

— Зачем вам это? У вас что, так много свободного времени?

— Мне просто хочется его понять.

— Разве можно понять сумасшедшего?

— Он не сумасшедший...

Лиза задумчиво посмотрела на рекламу яблочного сока, висевшую через дорогу.

— Я вот тоже все пытаюсь его понять... Мне иногда кажется, что кроме этих писателей, кроме обычного деда, который иногда бывает нормальным, в нем спрятан еще кто-то... Кто-то таинственный и непостижимый, и я никогда не смогу добраться до его тайной, но самой главной и сокровенной личности. А может, ее вообще нет?

— Вас это тревожит?

— Меня это убивает. Иногда мне кажется, что я иду по его следам. Осталось только начать писать.

— Так начните!

— Ну, спасибо, вы очень добры.

— Я серьезно. Это может быть хорошей терапией....

— Ага, ага, я уже слышала это. Ладно, если я что-то напишу, вы будете моим первым читателем.

— Мне почему-то кажется, что вы уже что-то написали.

— Может быть... Простите, мне пора. Еще раз спасибо за кофе! Хорошего вам дня!

Лиза помахала на прощание рукой и зашагала в сторону метро. Я смотрел ей вслед, на ее прихрамывающую походку, и вдруг совершенно ясно понял, что мне хочется увидеть ее еще раз, и что ее дед — только предлог. Стоило ли обманывать самого себя?

3.

Продолжение следует (возможно!), но пока оно только в вашей голове.

Лидия Калашникова
(Россия, г. Барнаул)

ОХ, УЖ ЭТА ЛЮБОВЬ!

Андрей родился и жил в Котовске. В семье он был младшим, привык слушать маму и старшую сестру Светлану. От этого и отношение к женщинам у него было особым, ведь он вырос среди женщин. Очень рано почувствовал себя мужчиной. Мама и сестра это заметили, старались в нем эти черты поддерживать, даже когда он был маленьким, и это забавляло их. А еще это было удобным, ведь мужчина в доме всегда нужен. Слов благодарности не жалели, понимали, что эти качества очень нужны будут ему в дальнейшей жизни.

Незаметно остались позади школьные годы. Уже в октябре его призвали на службу в армию. Там не истребили мужские задатки, которые Андрей имел, они даже стали еще более выраженными.

Были до армии у Андрея подруги, но серьезных отношений не было. Многие писали ему в армию письма, высылали свои фотографии, которые, как и все он показывал друзьям однополчанам. Об одной из этих девчат он рассказывал сестре Светланке, пусть чуть-чуть, но зацепила она его своими письмами, которые было интересно читать, да еще стихи ему посвящала. Однако шутки его в письме не поняла и, не дождавшись его возвращения, вышла замуж... вроде как «назло кондуктору». Может, он в чем-то и был виноват, но скорее она обиделась, так как ощущала, что он ее не любит, просто приятно общаться с красивой девчонкой.

Когда вернулся домой после службы, прибегала она свои письма забрать, предварительно позвонив. По глазам ее видел, что любит. Письма он не вернул, вместе с ней их в печке сожгли, а фото себе оставил. Но ее муж узнал об их встрече, потребовал вернуть фотографии жены. Пришлось отдать, ведь нечем было объяснить причину того, чтобы оставить их себе. Так и расстались. Потом она уехала куда-то. Может, чтоб не встречаться?

Надо сказать, что два года службы пролетели быстро, ведь служил он недалеко, в Бердянске. Ехать несколько часов поездом было не затруднительно, то мама, то сестра приезжали, то ему отпуск давали, да и письма писали друг другу, как это было принято.

После армии Андрей гулял не долго. Парень он — видный, высокий стройный, сероглазый, улыбчивый. Вниманием девчонок не был обделен, а все они были гарными, как говорили у них в Котовске. Все — певуньи, а песни он и сам любил петь, да на гармони играл немного. Но внимание этого привлекательного парубка привлекла Наталка, та, которую заприметил еще в школе. В те годы они не общались, он и подойти к ней боялся, хотя пацаны ее постоянно окружали своим вниманием.

Правда, как говорили парни вокруг, Наталка, и выпить была не прочь, и связи с другими парнями не избегала. Андрей слушать никого не хотел, чуть ли не в драку готов был броситься, чтоб защищать любимую.

— Не мужское это дело слушать сплетни, — говорил он каждому, кто пытался слово сказать против Наталки.

Свадьбу ждали с нетерпением оба, задерживаться с этим не стали и было все, как принято в других семьях в 70-е годы. Было белое платье, кольцо, как хотела невеста, но все было скромным. Молодые были счастливы, как это обычно бывает после свадьбы, но начались будни. Андрею надо было работать. И все же медовый месяц, казалось, длился до тех пор, пока талия Наталки не округлилась и не стала заметной всем. Андрей радовался, никого не хотел слушать, кто пытался сказать, что рановато.

Спустя 7 месяцев после свадьбы Андрейка увез жену в роддом, а через неделю встречал ее с цветами и тортом, чтоб увезти домой вместе с сыном. Всей семьей хлопотали над малышом. Лишь сестра с мамой перешептывались тайком от Андрея, что ребенок похож на одного из парней, командировочных на уборочные работы в их совхоз, который жил неподалеку до возвращения Андрея в ноябре из армии.

— Ну, непохож на меня и Наталку, видать, похож на кого-то из дальних родственников, так часто бывает, — говорил всем Андрей.

Сестра Светлана, пока Андрей служил в армии, закончила педучилище, была распределена в одну из сельских школ неподалеку, а потому домой приезжала часто. Постепенно приезды ее становились все реже, привыкала на новом месте. К тому же, оказалось, что эту стройную, высокую, сероглазую дивчину приглядел статный офицер молдованин, что работал в военкомате. Вскоре Иван, как звали это офицера, увез ее с собой, когда его перевели по службе в другую область. Но Светлана все равно не забывала маму, приезжала одна или с мужем, а то и к себе маму звала погостить.

Осенью, когда сынку уже шел второй годик, Наталка пропала. Люди говорили Андрею, что видели ее в районе вокзала с каким-то парнем из командированных. Проглядел Андрей свою Наталку, все о работе думал, старался по дому помочь, стирал, варил, делал все, что не успевала делать мама, жалел жену, но, видно, мало лично ей времени уделял, уставал.

— Пусть ребенка растит, устает ведь с сынком, вон он какой шустрый, — говорил он всем.

Еще больше пришлось отцу и бабушке заниматься с ребенком, жалели его, баловали, ведь растет без мамы.

Спустя полтора года, когда малыш уже в детсад стал ходить, появилась Наталка со следами алкоголя на лице, «украшавшими» ее прежде милое личико. Вещей с собой у нее практически никаких не было, видимо продать пришлось, а главное, опять она была беременной, того и гляди рожать придется. Поплакала она, прощения просила у мужа, у свекрови, обещала быть хорошей матерью сыну, хотя даже подарка ему не привезла. Да и на что?

Любовь все прощает, а потому простил ее Андрей. Сынок быстро привык к матери, радовался, что и у него теперь есть мама. Андрей отворачивался, скрывая слезу, да и бабушка тайком старалась скрыть слезы, глядя на малыша.

Спустя некоторое время Андрей увез жену в роддом, а через неделю забрал вместе с дочкой. Он души не чаял в жене и дочке, ведь мужчины любят детей от любимых женщин. Опять появились у Наташи новые наряды, исчезли с лица следы алкоголя. Ласковая жена делала мужа счастливым в кругу семьи, рядом с нею и детьми. Малые детки всегда милы, не полюбить неожиданно появившуюся у него дочь Андрей не мог. По-прежнему

крутилась его жизнь между работой и домом, женой и детьми, а мама помогала, чем могла.

Жаль, что недолго длилось новое счастье Андрея. Спустя время его Наталка вновь исчезла с очередным командированным парнем. Песенка «колобка» звучала снова и снова.

— Уже пять детей у брата от этой Наташки, — говорила мне с грустью сестра Андрея Светлана, когда судьба привела ее с мужем на Алтай, — вот и опять ее нет. Уж не возвращалась бы. Он ведь мог бы на другой жениться, а то у него пять детей, куча разных забот с ними, — с досадой продолжала Светлана. — Наташка того и гляди явится опять брюхатая шестым. А Андрей опять ее отмоет, отчистит, нарядит... А надолго ли?

— У нее что, совсем совести нет, — спросила я Светлану.

— Сама не пойму насчет ее совести ничего, но что Бога в душе у нее нет, — это точно, — сказала Светлана и неожиданно разразилась тирадой:

Что такое совесть? Бог внутри.
Коль не так что сделала. Бог заговорит.
Бог отметит, даст понять то, что ты не прав.
Даже если «крут» ты... Ну, такой вот нрав.
Знаю, что есть совесть. Знаю, как мне жить.
Слышу все подсказки, как что говорить.
Слышу мою совесть, слышу лишь теперь.
Не слушала я прежде. Боже, уж поверь.
Теперь я знаю Бога. Совесть, правда, есть,
Хоть былых ошибок столько, что ни счесть.
У меня есть совесть? Ну, конечно, есть!
Угрызенья часто? Право же не счесть!

Слушала я ее и жалела их всех: и деток, и маму, и самого Андрея, симпатия к которому не могла пройти мимо. Но ведь он на одни и те же грабли наступает вновь и вновь, прощает свою Наташку, несмотря ни на что, вместо того, чтобы начать новую жизнь для себя и детей, которые стали ему как родные.

Вскоре Светлана уехала со своим Иваном в Кишинев, некоторое время мы переписывались, но потом развалился наш Союз, начались всюду гражданские войны. Шли страшные 90-е годы, когда люди теряли друг друга, себя и свои жизни.

Где они все: Светлана, Иван, Андрей и Наталья. Как сложилась их дальнейшая жизнь?

ДАША И СЕРГЕЙ

По-разному складываются людские судьбы, разные испытания преподносит нам судьба. Хочется рассказать об удивительной судьбе двух людей, связанных незримыми нитями друг с другом.

Черноволосый, стройный, среднего роста Сергей Игнатьев мало чем отличался от своих ровесников. Его жизнь мало чем отличалась от его друзей. Жил с мамой и отчимом, хотя уже скоро и тридцатник разменять придет-

ся. Вполне нормальная семья, каких много. С отцом общался не часто, он жил отдельно уже давно.

Девушки, с которыми Сергей встречался, обычно бывали брюнетками, как мама, ведь так часто мы пару выбираем для себя, похожую на маму с папой. Имя одной из девушек, с которой встречался в юности, до армии, Сергей запечатлел на руке в виде тату. Пути судеб удивительны порой, но судьба с этой девушкой совместная не сложилась, потом были и другие девушки, но до свадьбы так и не доходило. Родные время от времени, как это часто бывает после возвращения парней из армии, говорили, что пора бы жениться, но он только посмеивался.

— Успею, всему свое время.

Даша, с которой он познакомился, когда уже у других детки были, была моложе его на семь лет. Она совсем не походила на маму и тех девушек, что были до нее, светло-русая, с голубыми глазами, высокая, статная, с типично русской внешностью. Она была улыбчивой, легкой в общении, смешливой. Ее серебристый, заливистый смех затрагивал какие-то струны его души. Яркие губы подчеркивали ее белозубую улыбку и влекли к себе. Одевалась она ярко, короткая юбка, стройные ноги, округлости ее тела привлекали Сергея.

Романтические отношения, его ухаживание, совместно проводимое время сделали свое дело, Даша влюбилась. Но это не была сумасшедшая любовь, от которой «крышу сносит», такой любви у них не было, но приятно было быть вместе.

Случилось то, что стало, словно лакмусовая бумажка, выявив то, чего не было видно на первый взгляд. Произошло это необычно, казалось, что это только в сериалах случается, но это пришло в их жизнь.

Как-то Даша и Сергей как обычно гуляли по весеннему бульвару, присели на одну из скамеек под фонарем, что бросал свет не только на них, но и вокруг. Был теплый майский вечер, цвела сирень, окутывая облаком опьяняющих ароматов. Звезды уже подмигивали им с неба, а луна еще не поднялась так высоко в небо, как это бывает летом. Говорили вроде бы и ни о чем, как это часто бывает. Многое остается где-то в душе, недоговоренное.

Неожиданно рядом остановилась группа парней, явно подвыпивших, что порой ищут приключений, приставая к прохожим. Сергей поднялся со скамьи и миролюбиво попросил их идти своим путем, но этого им было достаточно, чтобы проявить агрессию на якобы нанесенную обиду. Агрессия ждала своего выхода. Один из парней ударил Сергея кулаком в челюсть, а другой решил наверняка сбить его с ног, используя прием кикбоксинга, ударом ноги в голову. Сергей упал и не шевелился. Парни в испуге убежали, а Даша, видя, что Сергей не движется, без ума от волнения, вызвала скорую помощь.

Приехали быстро, посмотрев глаза, пульс Сергея, погрузили на носилки и поехали в ближайшую больницу. Даша поехала вместе с Сергеем. Уже потом по мобильнику, врачи связали с его мамой и сообщили ей о происшествии.

Даша металась в коридоре больницы, не зная, что делать, в голове была только одна мысль:

— Только бы Сережа был жив.

Мама Сергея, Валентина Петровна, брюнетка с карими глазами, не высокая, слегка полноватая, появилась в больнице быстро. Даша узнала ее, так как Сережа походил на нее.

Вскоре вышел врач и они обе кинулись к нему, ожидая вестей и боясь их.

— Больной в коме, сколько это продлится и выйдет ли он из нее неизвестно. Даже если выйдет, то состояние актера Караченцева — это лучшее, чего можно ожидать.

Вчера еще незнакомые друг с другом, женщины кинулись друг к другу, обнявшись, зарыдали, склонив головы на плечи друг другу. Их связал дорогой им человек, Сергей. С этого и началось их знакомство.

Валентина Петровна попросила врача пустить ее к сыну.

— Хорошо, — сказал он, — если вы к этому готовы. Персонала в больнице недостаточно, если будете за ним ухаживать, это будет кстати. Будете ночевать здесь, с ним в палате?

— Я согласна.

— А я могу менять вас утром, — сказала Даша, у которой все еще по лицу текли слезы.

— Договорились, — согласился врач, — не всегда семья так дружно берется ухаживать за больным, как вы, приятное исключение.

Так началась для Даши новая жизнь. Утром прибегала в больницу, чтоб сменить Валентину Петровну, немного общались, сидя у постели Сергея, а вечером Валентина Петровна возвращалась, чтоб сменить Дашу. Она смотрела на девушку с глубочайшим теплом и благодарностью, ведь эта незнакомая девушка, не задумываясь, пришла на помощь ее родному сыночку, Сереженьке.

Медсестра и санитарка научили Дашу, что и как делать по уходу за лежащим больным, как делать санитарные и гигиенические процедуры, как сменить простынь и делать еще много чего, о чем Даша и не догадывалась. Даша училась. Как знать, сколько времени Сережа будет в коме, нужно всему научиться. Он лежал такой беспомощный, опоясанный разными трубками, какие-то приборы стояли рядом и подмигивали ей, то словно подбадривая, а то и пугая. Время от времени подходили врачи, медсестра, наблюдали. Делали какие-то уколы, ставили капельницы. Приходили и другие врачи, смотрели, что-то обсуждали между собой с озабоченными лицами.

Все остальное время Даша видела только Сергея, словно они были вдвоем. Она держала его за руку, мысленно просила очнуться, молила Бога, чтоб помог выздоровлению его. С каждым часом он становился ей все роднее. Такой большой, но такой беспомощный, как маленький ребенок, которому нужна она, Даша.

— Быть нужной, как это важно, — ощущала Даша это, как самое необходимое ей.

Она уже осознала, что любит Сергея всей душой, что он нужен ей, дорог ей, любим.

Так незаметно прошел целый день, когда Даша была рядом с Сергеем. Столько времени у них никогда прежде не было.

— Родной мой, я жду тебя, вернись ко мне, — молила Даша Сергея, мысленно обращаясь к нему, нежно и бережно поглаживая ему руку, его плечо, щеки.

Вечером пришла Валентина Петровна, и какое-то время они сидели вместе рядом с Сергеем. Даша рассказала, как прошел день. Так незаметно они узнавали друг друга. Опять Сергей остался с мамой, а Даша ушла домой, чтобы вернуться утром, но душой она так и оставалась с ним, не расставаясь. Так то ли во сне, то ли наяву пролетела еще одна ночь.

Утром Даша мчалась в больницу. Ей было не до себя, не до прически, хвостик дает возможность не мешать, ухаживая за больным... макияж, наряд... разве это важно, разве это нужно кому-то, когда Сережа ничего не видит, не слышит, спортивные брюки и свитерок вполне удобны в этом случае. Еще один день прошел в хлопотах и молитвах о Сергее. Вечером они беседовали с Валентиной Петровной, делясь своими чувствами, надеждами, сведениями о пережитом.

— Изменений нет, пока нет, — твердо сказала Даша, веря, что Бог не оставит ее Сережу.

Утро было солнечным и теплым, Даша бежала в больницу с надеждой, уже по привычке шепча молитвы, обращаясь в Богу и к Сереже.

— Сереженька, приди в себя, очнись, ты нужен мне, своей маме!!! Господи, помоги нам, помоги Сереже.

И опять Валентина Петровна ушла отдохнуть, а Даша занялась ставшими уже привычными делами по уходу за больным. В свободное время мысленно говорила с Сергеем, вглядываясь в его лицо. Не раз ей казалось, что ресницы дрогнули, глаза вот-вот откроются, но этого не происходило.

И вдруг на самом деле ресницы дрогнули, сомнений в этом не было, сердце ее забилось сильнее, через несколько минут глаза Сергея открылись, но казалось, что он ничего и никого не видит. Это длилось недолго, но Даша все-таки позвала врача.

— Доктор, доктор, скорей, Сережа просыпается.

Удивлению и радости не было конца. Правда, длилось это совсем недолго, Сережа опять был в забытьи. Осмотрев Сергея, врач отметил:

— Это хороший признак, обнадеживает. Будем надеяться на лучшее.

Вечером Даша с радостью рассказывала Валентине Петровне, что ее сын открывал глаза.

— Валентина Петровна, это же замечательно. Сережа обязательно поднимется, выздоровеет, — счастливо улыбаясь, радостно шептала Даша, так как в палате говорили шепотом или вполголоса, ведь Сережа был там не один.

Ночь прошла как обычно, Валентина Петровна ждала Дашу. Она была благодарна этой милой, такой отзывчивой девушке.

— Вот бы жену такую Сереже, — думала она, не сомневаясь, что он обязательно поднимется, ведь не может ее Сережа остаться вот так в постели.

Вот в конце коридора мелькнула женщина в спортивном костюме. Это была Даша. Когда она пришла, женщины некоторое время поговорили о Сереже, поддержали надежды друг друга.

— Сережа обязательно выйдет из комы, иначе и быть не может, — уверяла Дашу Валентина Петровна.

Они вместе вглядывались в лицо Сергея, в надежде, что он вот сейчас откроет глаза, увидит их рядом, обрадуется, но все шло своим чередом. Даша по-прежнему мысленно говорила с Сергеем, просила вернуться, просила Бога о помощи. Она надеялась, что будет услышана.

После обхода врачей Даша сидела у кровати Сергея, как прежде вглядываясь в его лицо, нежно поглаживая его пальцы, которые держала в своей руке.

— Ну, открой глаза, Сереженька, — молила она опять и опять.

И вот вновь его ресницы дрогнули.

— Может он слышит меня, — подумала Даша и сама себя уверяла, что слышит.

Ближе к вечеру глаза Сергея открылись. Казалось, что он приходит в себя.

— Сережа, Сереженька, — воскликнула Даша.

Он услышал, взглянул на нее, но видно было, что не узнал.

Услышав Дашу, подошел доктор и медсестра, посмотрели на показания приборов, доктор послушал пульс у больного, потом сердце, передал медсестре новые назначения.

Он попытался поговорить с больным. Сергей, как видно, понял, что находится в больнице, что рядом врачи. Кем он посчитал Дашу — было непонятно, возможно сиделкой.

Вскоре пришла Валентина Петровна. Она обрадовалась, что Сергей очнулся, бросилась к нему.

— Сынок, Сереженька, слава Богу, как ты? — с волнением заговорила она.

Глаза Сергея блеснули жизнью. Он понял, что пришла мама, по словам, узнал ли ее, ведь мама с ним с детства, она — самый дорогой ему человек.

Утром пришел отчим. Сергей уже начал понемногу говорить, назвал его именем отца, видно, что не узнал, но догадался, что это муж мамы. Когда в тот же день пришел отец, то его он не узнал. Он помнил только далекое свое детство и больше ничего из того, что случилось с ним последующие годы, не помнил и Дашу.

Все время пока Сережа был в больнице, Даша продолжала ухаживать за ним. Сергей был благодарен ей за помощь. От мамы он узнал, что Даша — его девушка, но он не узнавал ее, не помнил и чувств особых к ней не испытывал. Она казалась ему чужим человеком, поэтому, когда она пыталась обнять его, поцеловать, как прежде, он не отвечал на это. Даша воспринималась им как друг.

Шло время, мама рассказывала сыну о детстве, о всей его прежней жизни, помогая ему что-то вспомнить. Врачи сказали, что на это могут потребоваться долгие годы, а может быть, он так и не вспомнит ничего.

Когда Сергея выписали из больницы домой, Даша продолжала его навещать. Она рассказывала ему, как они познакомились, где были. Что происходило между ними, они вместе гуляли по тем местам, где бывали они вместе. Он вспоминал места, но Дашу не помнил. Так же он реагировал

на совместные фотографии. Так прошло несколько месяцев, когда Сергей постепенно адаптировался в новой для себя жизни.

Даша общалась с Сергеем, как с другом, надежда, что он вспомнит об их чувствах, разговорах о свадьбе, таяла, как снег весной. Не помогали воспоминаниям об их отношениях и разговоры с мамой, а уж она-то была тем человеком, который связал его прошлую жизнь и нынешнюю. Он понимал, что таких любящих и преданных, как Даша, не так много, но не знал, как вернуть любовь в свое сердце. Он вглядывался в Дашу и пытался понять, что же он в ней любил, но не находил отклика в своем сердце.

— Как влюбиться в Дашу, — спрашивал он время от времени.

Самой Даше Сергей ничего не говорил, поэтому она ощущала безнадежность своих чувств, депрессию, у нее не было жизненных сил, желания улыбаться, наряжаться, а у Сергея от этого не было возможности увидеть Дашу такой, какой он видел ее когда-то.

— Не любит, не помнит, не любит, не помнит, — звучало внутри Даши словно стук дятла.

Они по-прежнему общались, не видеть Сергея было свыше ее сил. Они вместе куда-то ходили, но для Сергея Даша была просто верным другом, хорошим человеком, на которого можно положиться, приятной и легкой в общении. Мама не раз говорила с сыном о Даше, рассказывая о ней такое, какой она узнала ее, когда встретились впервые, какой она была в больнице. Ей он не мог не верить, она единственная, кого он помнил. Лишь она была в его памяти всегда, но помнилась она ему той, какой была, когда он был еще мальчишкой. Именно от мамы он узнал многое о себе, о том, что было с ним за прошедшие двадцать лет. А потому он готов был с ней поделиться своими сокровенными мыслями.

— Как всколыхнуть свои чувства, которые словно бы уснули. Уже почти тридцать лет, и действительно пора подумать о женитьбе, — размышлял Сергей, — вокруг много девушек, но такой преданной и любящей, как Даша, нет. Другие девушки тоже были для него чужими и не вызывали интереса, рядом была только Даша, но без чувства любви жениться было бы просто глупо.

Валентина Петровна видела в Даше родную душу, она всегда с радостью встречала ее, когда она с Сергеем приходила в гости. Она хотела бы им помочь, но не знала как.

Однажды они с Дашей сидели на кухне за чаем, Сергей с отчимом смотрели по телевизору какою-то спортивную программу.

— Знаешь, Дашенька, — заговорила Валентина Петровна, — я люблю тебя, как дочку, вижу, что ты любишь Сережу, но вижу, что у вас почему-то не складываются отношения, что-то не ладится меж вами, а из-за этого ты не в настроении, твои желания не оправдываются, — спросила она Дашу, — я хотела бы помочь вам чем-то.

Дашу смутил этот разговор, но и ей очень хотелось с кем-то поделиться своими чувствами, которые словно тяжкий груз тревожили ее. Глаза ее заволокли слезы.

— Не получается у нас, Валентина Петровна, не может Сережа вспомнить меня и те чувства, которые у нас были с ним, не вернулись к нему. Мы с ним просто добрые друзья, и что делать с этим я не знаю.

— Дашенька, — обняв девушку, продолжила Валентина Петровна, — вот я уже много лет с мужем живу, а знаю, что надо стараться быть для мужа желанной. Стараюсь в меру сил и нарядиться, и подкраситься, и прическу сделать, иначе он будет искать любовь на стороне. Такова жизнь.

— Вы думаете, что все дело во мне, — спросила Даша, с волнением глядя в глаза своей собеседнице, — но у меня просто руки опустились от того, что Сережа меня не помнит, не любит, мне ничего не хочется, порой даже и жить не хочется, — сказала Даша, и слезы потекли по ее щекам.

— Милая моя, я понимаю тебя, но быть в настроении нужно, даже если его внутри и нет, улыбнись и оно появится, нарядись и создай себе настроение, глядя в зеркало. Постарайся сама себе понравиться в зеркальном отражении.

— У меня из-за Сережи руки не лежат ни к чему.

— Я понимаю. А что если тебе сходить в какой-то салон, где стилист подберет тебе и образ, и прическу, и макияж, чтоб у тебя был новый образ, чтоб чем-то зацепить Сергея, разбудить его от сна. Я слышала, что такие акции случаются, как в «Модном приговоре» по телевизору показывают, — попыталась натолкнуть Дашу на что-то новое Валентина Петровна.

— Видела я такую передачу, но в салонах таких не бывала. Наверное, я пошла бы с Сережей вместе, ведь для меня главное, чтобы ему понравился выбор мой и стилистов.

— Я поговорю с ним. Хорошо, — сказала Валентина Петровна.

— Ладно, поговорите, хоть и неудобно мне перед вами обоими. Я пойду, пусть Сережа смотрит телевизор.

— Куда же ты заспешила, — заволновалась Валентина Петровна, — Сережа проводит тебя.

— Нет, мне недалеко, не зовите его.

Даша убежала, а позднее тем же вечером Сергей с мамой поговорили о Даше.

— Мама, Даша мне дорога, но пока она мне больше друг, чем девушка, с которой я встречаюсь. Я согласен пойти с ней куда угодно, и на «Модный приговор» тоже. Вот прямо сейчас зайду туда на сайт, все узнаю, как туда попасть и сделаю все, что нужно. Может и правда все дело только в этом.

Так он и сделал. Через некоторое время, они поехали на телевидение вместе. Оба волновались и ждали, чем все закончится, изменится ли что-то в их отношениях.

Прошли инструктаж редакционной команды, как себя вести в тот или иной момент, началась передача, как задумали ее редакторы. Покупки Сергей делал до передачи. У него все прекрасно получилось, но Даша действительно ничего не видела до выхода на подиум. Она искреннее сказала, что ей нравится все, что выбрал Сергей. Для нее было очень важно: Сергей выбирал наряды для нее. Это по телевизору идет передача час, а все это длилось очень долго. Сергей тоже искренне реагировал на наряды, выбранные стилистами. Он чувствовал, что начинает вспоминать Дашу той, какой она

была, ее улыбку, ее голос. Сергей видел в ней привлекательную девушку и понимал, что чувства и желания его начинают просыпаться. Сергей даже вспомнил кино-сказку про Ивана и его любимую, которая потеряла память и чувства, а Иван искал их. В фильме играла актриса Проклова, вспомнил Сергей и улыбнулся.

Так спустя почти год, начала восстанавливаться не только его память, но стали возвращаться чувства Сергея, утраченные после тяжелой травмы.

Судьба... судьба... Им дан новый шанс, они выстояли вместе, чтоб вернуть любовь.

Александр Мецгер
(Россия, Краснодарский край)

КОГДА РАСЦВЕТЁТ АКАЦИЯ

В давние времена, когда ещё на земле жили маги и чародеи, по одному королевству разнеслась весть о том, что королева ждёт наследника.

Многие годы король по всему миру искал целителей и магов, которые помогли бы королеве стать матерью. И вот случилось чудо! После того, как королеву посетила лесная ведьма, лекари сообщили, что король скоро станет отцом.

Народ ликовал, так как любил своего правителя. Но не все радовались новости. Был у короля младший брат, который мечтал занять престол. Ему совсем не хотелось, чтобы родился наследник. Вот если бы это была девочка.... По закону королевства престол переходил по мужской линии, и у брата короля был шанс заменить брата на престоле.

Все с нетерпением ждали известий, кто же родится: девочка или мальчик?

Любимый министр короля, который был предан своему правителю, подозревал его брата в интригах и не доверял ему. Министр понимал, что брат пойдёт даже на преступление, поэтому вместе с женой неустанно охранял королеву, чтобы с ней ничего не случилось.

В тот день, когда король собрался на охоту, стояла тёплая солнечная погода, и ничто не предвещало трагических событий. Обычно, охота продолжалась дня три.

Лишь король покинул дворец, у королевы начались схватки. Брату короля донесли, что начались роды.

— Если родится сын, сделайте так, чтобы он не выжил, — поступило от него распоряжение.

К вечеру стало известно, что родился наследник. Преданный королю министр не отходил от спальни, где находились мать и ребёнок. Когда появились подозрительные люди, он мужественно вступил в схватку. Три предателя были уничтожены. Опасаясь за жизнь принца, министр с женой взяли ребёнка из рук королевы и покинули замок.

Узнав о том, что покушение на принца сорвалось и про его злодейства может узнать король, его брат последовал в лес и, когда король остался без охраны, выпустил в него стрелу. Так король и погиб, не узнав, что стал отцом. А его место занял коварный брат.

***

Прекрасная лесная Нимфа легко порхала среди деревьев, наблюдая за молодым дровосеком. Он давно приглянулся ей, но разговаривать с людьми нимфам было запрещено. Однако Нимфа, пренебрегая всеми законами, всё же решила познакомиться с юношей. Ей нравилось, что он никогда не уничтожал живые деревья, а брал для дров только сушняк. Его весёлый

нрав и доброта тронули сердце лесной красавицы. Сколько раз она наблюдала, как он выпускал из капканов зверей, выхаживал оставшихся без родителей молодых и неокрепших птенцов и зверей. И наступил день, когда Нимфа предстала перед глазами изумлённого юноши. Увидев лесную красавицу, юноша влюбился и поклялся ей в верности до самой смерти.

Дровосек построил избу на краю леса и поселился в ней с матерью.

Теперь он целыми днями пропадал в лесу.

Лесной Нимфе очень хотелось родить ребёнка от любимого, но это было невозможно. Тогда она отправилась к колдунье.

Лесная колдунья выслушала Нимфу и проговорила:

— Я смогу сделать так, что у тебя родится девочка, но тогда ты покинешь это прекрасное тело, и твой дух поселится в одном из деревьев, которое ты пожелаешь выбрать.

— Я на всё готова! — воскликнула Нимфа.

— И ещё, — продолжила ведьма, — я заберу красоту твоей дочери и верну лишь тогда, когда её в таком обличье полюбит юноша.

Делать было нечего, и лесная красавица согласилась на эти условия.

Когда Нимфа встретилась с любимым, то сообщила ему о том, что у них родится девочка. От счастья у юноши появились слёзы на глазах.

— Давай, посадим деревце на холме, где растут ромашки, — предложила Нимфа, — и если со мной что-нибудь случится, пообещай, что будешь навещать это дерево и приведёшь к нему нашу дочь.

Эти слова удивили юношу, но он клятвенно заверил, что выполнит любую её просьбу.

***

Министр короля с женой поселился в глухом лесу подальше от постороннего взгляда. Они растили ребёнка как собственного сына. Министр учил его этикету и военному делу. Мальчик рос умным и добрым, он прекрасно владел мечом, был вежлив, справедлив и честен. Имя его было Эрик, так нарекла матушка, перед тем как отдать его в руки министра.

Как-то гуляя в лесу, Эрик повстречал старуху. Это была лесная колдунья.

— Здравствуй, принц, — проговорила старуха, — не боишься гулять один по лесу?

— Здравствуйте, только я не принц. Вы меня с кем-то спутали, бабушка, — проговорил мальчик.

— Узнаешь всё в своё время, — загадочно ответила незнакомка. — Хочешь, я покажу тебе летающего коня — Пегаса? Если ты ему понравишься, то вы станете друзьями.

— А разве бывают летающие кони? — удивился малыш.

— Пойдём за мной, — позвала старуха и двинулась в глубь леса.

Эрик с трудом поспевал за странной бабушкой, ему не терпелось увидеть летающего коня. И вдруг лес расступился и на поляне мальчик увидел белоснежного крылатого красавца.

Старуха исчезла, словно её и не бывало. Но это не удивило малыша, ведь он не мог оторвать глаз от белоснежного коня. Эрик двинулся к нему навстречу

и протянул руку. Животное доверчиво потянулось к мальчику и уткнулось мордой в его ладонь. С этого момента у них завязалась дружба.

***

Как и предупреждала лесная ведьма, Нимфа после рождения ребёнка скончалась, и её дух переселился в акацию, которую они посадили с любимым на холме, где росли ромашки. Все трудности по воспитанию девочки легли на плечи отца. Вскоре и мать дровосека умерла, и всю свою любовь отец перенёс на единственную дочь. Когда девочка подросла и отец стал брать её в село, люди стали шептаться за его спиной.

— Смотрите, какая у него некрасивая дочка, — шептали они.

Но для отца, Розочка, так хотела мама назвать своего ребёнка, была самой красивой, и он не обращал внимания на пересуды.

Теперь, когда Розочка подросла, она сама бегала на холм с ромашками, где росла её любимая акация. Она любила полежать под тенью дерева, а ветки, склонившись над девочкой, ласкали её волосы. Здесь Розочка рассказывала свои самые сокровенные тайны и мечты, а дерево словно слушало её, покачивая ветвями.

Однажды Розочка решила пойти в село одна, без отца.. Первые же встречные отворачивались от неё, а дети показывая на девочку пальцем кричали:

— Уродина! Уходи отсюда!

Розочка в слезах бросилась бежать. По дороге ей повстречалась старуха.

— Ты почему плачешь, Розочка? — спросила она.

— Что я им сделала? — сквозь слёзы стала жаловаться Розочка. — Почему они смеются и обзывают меня?

— Потому что глупые и не видят твоей красоты. Наступит день и в тебя влюбится прекрасный принц. И на закате спустится к тебе с неба на белоснежном Пегасе. Только не пропусти этот день, — закончила незнакомка. — Жди своего принца на ромашковом холме, когда расцветёт акация.

— Откуда вы знаете про акацию и холм? — удивлённо спросила Розочка. Но старуха внезапно исчезла.

Дома девочка рассказала отцу, как её приняли в селе и о странной бабушке.

— Это не простая бабушка, — подтвердил отец. — Всё, что она сказала, обязательно сбудется.

С этого дня Розочка ещё больше времени стала проводить под акацией, чтобы не пропустить встречу с принцем.

Годы шли, а Розочка не переставала верить в то, что наступит этот день, и к ней явится принц на белоснежном Пегасе.

Как-то она рассказала об этом одной из девочек, и та разнесла признания Розочки по всему селу. Теперь, когда она появлялась в селе, ей вслед кричали:

— Эй, уродина, твой принц ещё не прилетал? Он наверно такой же страшный, как и ты?

Эти слова были словно нож в сердце, но Розочка проходила мимо обидных выкриков с гордо поднятой головой.

***

Эрик к тому времени превратился в стройного юношу с благородными чертами лица. Ночами он летал над лесом на Пегасе, каждый раз всё больше удаляясь от дома.

Однажды он заметил поляну с ромашками и растущей на вершине одинокой акацией. Спустившись ниже, он заметил под деревом спящую девушку. Она была так прекрасна, что юноша не мог отвести от неё взгляда. Сердце его учащённо забилось. Он побоялся испугать незнакомку и лишь издали с волнением наблюдал за ней. Акация же словно оберегала девушку, её ветви не позволяли приблизиться к ней.

Дождавшись, когда девушка проснётся и убежит, Эрик вскочил на Пегаса и помчался домой. Он рассказал своему наставнику о встрече с прекрасной незнакомкой и поинтересовался, почему они прячутся от людей?

— Настало время рассказать тебе всю правду, — вздохнул его воспитатель. — Ты принц, и чтобы спасти тебя от коварного брата короля, твоего дяди, мы вынуждены были оберегать тебя до совершеннолетия. В день, когда тебе исполнится восемнадцать лет, ты должен будешь заявить о своём праве на престол. Если ты не появишься, то твой дядя станет законным королём. Твоя мать королева в день, когда передала тебя нам, дала своё обручальное кольцо. По этому кольцу она узнает тебя. Но и без кольца ты как две капли похож на своего отца. Через месяц ты станешь совершеннолетним. В этот день соберётся весь народ перед дворцом, и там ты заявишь о своём праве.

Министр достал из шкатулки золотое обручальное кольцо королевы с выгравированными на нём инициалами. Эрик бережно принял семейную реликвию и спрятал на груди.

— Я надену это кольцо той девушке на холме, — горячо воскликнул он.

— Обязательно, — улыбнулся наставник, — но сначала тебе нужно вернуть трон.

***

Боясь пропустить цветение акации, Розочка ежедневно прибегала к заветному дереву. Один раз её заметил пастух. Подкравшись к холму, он хотел испугать девушку, но акация выпустила колючки на своих ветках и больно хлестнула его по лицу. Испугавшись, пастух помчался в село. Показывая поцарапанную щёку, он стал всех уверять, что дочь дровосека колдунья и надо её сжечь вместе с деревом. Люди посмеивались над неудачным ухаживанием пастуха, но кое-кто поверил ему и решил пойти с ним к холму.

***

На дворцовой площади собрались все жители королевства. Сегодня был последний день правления ненавистного преемника короля. Люди надеялись, что объявится настоящий наследник престола и с нетерпением ждали начала торжества.

На крыльцо замка вышел король и объявил:

— Сегодня я стану законным правителем королевства. Может быть, кто хочет оспорить мои права?

— Я хочу оспорить твои права, — раздался громкий голос и из толпы вышел юноша. Люди на площади вздрогнули, до того юноша был похож на прежнего их короля.

— Я сын короля Эрик и единственный наследник престола.

В этот момент на крыльце появилась мать королева. Увидев сына, она вскрикнула и бросилась к нему навстречу.

— Кто может подтвердить, что ты не самозванец, — воскликнул правитель, — кроме этой сумасшедшей женщины.

— Я могу подтвердить, — раздался ещё один голос и на площади появился бывший министр короля. Стража, да и все кто находился у дворца, сразу признали его.

— Пусть принц покажет обручальное кольцо королевы, — продолжил наставник Эрика, — которое он хранил все эти годы.

Юноша достал кольцо, которое висело у него на шее, и высоко поднял над головой. Крики восторга огласили площадь.

— А тебя, убийца брата и нашего правителя мы изгоняем из королевства, — грозно закончил министр.

Братоубийцу в тот же день с семьёй изгнали из королевства и стали готовиться к провозглашению нового короля.

— Сынок, — мать королева подошла к Эрику, — скоро ты станешь королём. Тебе нужно выбрать жену. Мы устроим бал и пригласим всех красавиц королевства на него.

— Матушка, у меня уже есть девушка, которую я безумно люблю! — воскликнул принц. — Но если мне из-за происхождения нельзя будет на ней жениться, я без сомнений готов отказаться от трона.

— А кто же твоя избранница? — улыбнулась королева, — где она живёт, и как её зовут.

— Я не знаю? — вздохнул Эрик, — я видел её всего пару раз.

— Ну, тогда привези её на бал! — воскликнула мать, — и мы все полюбуемся твоей избранницей.

— Завтра к полуночи я привезу её! — воскликнул принц и поцеловав матушку выскочил из зала.

***

— Сегодня, Розочка, у тебя большой праздник, — зайдя в комнату дочери, заявил отец, — ты стала совершеннолетней.

И он передал любимице большой букет полевых цветов.

Этот солнечный день был необычайно наполнен красками и предвещал о что-то хорошее. Она с трудом дождалась вечера, чтобы побежать к любимому дереву.

— Вдруг и акация сделает мне подарок и расцветёт? — думала с волнением Розочка.

Она ещё не дошла до холма, а нежный аромат уже поразил девушку. С каждым шагом запах усиливался, да так, что начала кружиться голова.

Волнуясь, Розочка вышла к холму, и её поразила необыкновенная красота. Вся акация была покрыта цветами, словно кто-то надел на неё пушистую шапочку.

Смеясь, Розочка побежала к дереву и обняла его за ствол. Ветви нежно склонились над ней и произошло чудо. От Розочки пошло сияние.

Стоявшие под холмом селяне были поражены произошедшей переменой. Мало того, что их удивила расцветшая акация, а здесь у них на глазах уродливая дочь дровосека превратилась в настоящую красавицу.

— Колдунья, — прошептал пастух, но его никто не услышал. Все с восторгом следили за девушкой.

Вдруг там, где садилось солнце, заблестело что-то яркое, стремительно приближаясь и ослепляя зрителей.

— Смотрите! — кто-то крикнул, — летающий конь!

Через минуту все селяне смогли убедиться, что это был белоснежный Пегас с всадником в золочёной одежде.

Это было невероятно, сбывалось предсказание старухи. Розочка вышла из-под дерева. Её сердце учащённо билось.

Всадник легко спрыгнул с Пегаса и двинулся к ней навстречу с протянутыми руками. Это был прекрасный принц. На голове его сияла золотая корона. От волнения у Розочки потемнело в глазах, и если бы юноша не подхватил девушку, она бы не смогла устоять на ногах. Принц усадил избранницу своего сердца в седло и, легко запрыгнув сзади, бережно прижал Розочку к груди. Пегас, оттолкнувшись от земли, взвился ввысь.

Ещё долго селяне стояли с выпученными глазами, следя за исчезающей вдали сверкающей точкой. Потом все дружно бросились в село, чтобы рассказать о чуде. И только одинокая акация, скорбно опустив ветки, осталась на холме, одинокая и прекрасная.

***

Приближалась полночь. Дворец был переполнен гостями. Важные вельможи чинно ходили по залам в сопровождении своих дам. За долгие годы такие приёмы подзабылись, а здесь такой необычный повод: приблизиться к королю и представить своих наследников. У кого были дочери, надеялись, что принц обратит на них внимание. Ведь он был холост, а чтобы стать королём нужно представить королеве-матери свою избранницу. Для этого и были разосланы приглашения на бал.

Наконец, зазвучала музыка, и на пороге появился принц. Он был невероятно привлекателен в своём золочёном одеянии. Дамы замерли в реверансах. Эрик прошёл на середину зала. В этот момент провозгласили:

— Её величество королева-мать!

Все повернули головы и ахнули. Рядом с королевой шла девушка неописуемой красоты. Она словно излучала сияние. Королева, улыбаясь, подвела девушку к принцу. Эрик взял руку красавицы и надел ей на палец обручальное кольцо.

— Дамы и господа, — громко проговорил он, — хочу представить вам свою невесту и будущую вашу королеву.

Многие дамы в тот момент позеленели от зависти. Крики восторга разорвали тишину. После этого начался бал, длившийся до самого утра.

***

Дровосек построил новую хижину у холма. Теперь он каждый день навещал акацию. Иногда к нему залетал крылатый конь с прекрасной наездницей и стройным молодым человеком. В селе утверждали, что это был новый король, но проверить никто не решался.

А с тех пор раз в году акация покрывается белыми цветами, радуя дровосека и всех лесных жителей.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Из серии «Рассказы о животных»

«Ну почему вы опять стараетесь здесь пристроиться? Неужели вам не хватает места под крышей? Там и тепло, нет дождя, солнце не жжет! А вы все лезете и лезете ко мне в прихожую! Вспомните, как три года назад я вас пожалела и как вы мне отплатили за мое добро? Кругом была грязь от ваших отходов, а писка и верещания? Даже страшно вспомнить!.. Нет уж, живите на улице, как все добрые птицы!» — так разглагольствовала на крыльце своего дома моя соседка баба Уля. Мне хорошо было видно через редкую листву, как она, высокая и статная женщина с большими крепкими руками, снимала с балки потолка двух маленьких черных ласточек. Удивительно было то, что птицы не пугались бабы Ули, а спокойно отдавались ее рукам, как бы прячась в ладонях от внешнего беспокойного мира.

«Вам хорошо будет жить под крышей! Вот и прошлогоднее гнездо почти целехонько. Здесь вас никто не тронет и кот Васька не достанет, я его предупрежу!» — так увещевала их хозяйка и, выйдя с птицами на улицу, выпустила ласточек из ладоней. Те несколько раз, что-то пропищали, взлетели и, сделав несколько небольших кругов у крыльца, устроились у старого гнезда и стали усердно в нем копошиться — ремонтировать.

Баба Уля долго смотрела в их сторону близорукими глазами, а потом обратилась к своему серому коту Ваське: «А ты, Васенька — смотри!.. Не обижай моих красавиц, пусть живут спокойно!» Большой полосатый котище внимательно посмотрел в лицо хозяйке, потерся о ее ногу, трубой задрал хвост, выгнул спину и промяукав что-то на своем кошачьем языке, отправился в раскрытую дверь. Всем своим видом говоря: «Ну, сказала!.. Я все понял! Пусть живут! Пойдем пить молоко!»

Баба Уля (если ее так можно назвать) была не молодой, но крепкой женщиной. Мне было совестно называть ее «бабой Улей», но по имени отчеству в нашей деревне редко кого звали. Все больше было слышно: «Бабушка, дедушка, дядя, тетя, дочка, сынок...»

Моя соседка жила в этом доме с самого детства, а если точнее — приезжала отдыхать с апреля по октябрь. Дом достался ей от матери, а та получила его от своей дальней родственницы. К зиме баба Уля уезжала в город, там была однокомнатная квартира, а весной вместе с грачами устремлялась на свою дачу. Была у нее дочка и два внука, но они редко показывались в деревне.

Все свободное время баба Уля проводила с домашними и дикими животными. Односельчане были уверены, что она даже знает их язык и может спокойно разговаривать и с птицами, и зверями. Еще много чего говорили о моей соседке, но что я могу подтвердить точно — это то, что она своими большими ладонями могла вылечить любое простудное заболевание. Лет пять назад, я сильно простудился и громко, надсадно кашлял. Баба Уля, увидев мои

мучения, пригласила к себе в дом и сделала прогревание только одними ладонями. Хотите верьте — хотите нет, но моя хворь, только за два сеанса, исчезла полностью. Своими ладонями и заговорами лечила она многих односельчан, а некоторые приезжали из других деревень. Вот такая у меня знаменитая соседка — баба Уля!

Пропустив кота Ваську вперед, баба Уля подошла к старенькому холодильнику, который, когда включался, грохотал, как грузовик (поэтому его и выставили в прихожую), достала банку с молоком и осторожно налила его в маленькое синее блюдце и большую металлическую миску. Синее блюдце предназначалось для кошки Муськи, которая жила только в доме и никогда не выходила на улицу. Почему не выходила? Да просто боялась того мира, который находился за родными стенами. Кошка Муська была уже в годах, ей было более десяти лет; она принадлежала к той породе, которых считают аристократами кошачьего мира. Густой белый мех и голубые глаза с какой-то немыслимой поволокой, делали ее первой красавицей в округе, но любоваться ею могли только родственники и соседи бабы Ули. Ни о каких выставках или показах говорить не приходилось — кошку нельзя было показывать публике! Трагический случай в ее детстве, видимо нарушил психическое состояние животного и заставил опасаться всего окружающего мира. Десять лет назад баба Уля отобрала у хулиганов-мальчишек маленького белого котенка. Те сделали из полена корабль, посадили бедное животное, привязав его к мачте, пустили по водам бушующего ручья. Баба Уля случайно проходила мимо и увидела эту страшную картину. Она смело ринулась в глубокий ручей, схватила полено-корабль вместе с котенком, освободив последнего, крепко отругала хулиганов и забрала к себе напуганного малыша. Мальчишки бежали за ней до дома и просили отдать им котенка, но она пригрозила им, что отдаст только их родителям и расскажет, как они издевались над животным.

Конечно, за кошкой никто не пришел, и она осталась жить у бабы Ули. Сначала она подумала, что это кот и назвала его Мишкой. Позднее выяснилась принадлежность малыша к противоположному полу, и Мишка превратился в Муську. Порода у кошки была особая и называлась «Сибирская». Как она попала в отдаленную деревеньку? — трудно сказать. Может быть, кто-то из дачников привез котенка из города, а мальчишки-хулиганы украли малыша для своих забав.

Я эту красавицу-кошку видел несколько раз на подоконнике раскрытого окна, где она принимала солнечные и воздушные ванны, но в саду никогда! По весне отчаянные коты не раз пытались выманить сибирскую красавицу из дома своим мяуканьем, но та твердо держалась простого правила: «Смотреть на меня — смотрите! А большего вам не обещаю!» Баба Уля для кошки и туалет сделала у входных дверей, за холодильником и всячески оберегала свою любимицу, которая в свою очередь, тоже не забывала хозяйку. Если у той заболевали спина или ноги, кошка ложится рядом и начинает согревать своим теплом больное место. А если баба Уля не может уснуть и у нее болит голова, то пение-мурлыканье Муськи отгоняет всякую хворь.

Кот Васька был другой породы, которую называют «уличной» или «подвальной». В доме он находиться не мог, его тянуло на воздух, ему нужна была свобода передвижения и никаких замкнутых пространств. Баба Уля и на-

шла его на улице. Поехала повидаться с подругой в город, а у подъезда дома, около забитого подвального окна сидел маленький серый котенок. Видимо, пока он гулял, проход окна закрыли, и он оказался выброшенным из своего дома. Одна лапка у него была кривая, кто-то сломал ему ногу и кость неправильно срослась. Вид у него был жалостливый. Покинутый всеми, он встретился лицом к лицу с жестоким миром, где кроме голода и побоев ничего не видел. Конечно, баба Уля не могла спокойно пройти мимо и не обратить внимания на это худосочное существо. Она его подозвала, и котик смело поковылял к ней, чувствуя ее доброту и душевную щедрость. И не прогадал! Вот уже около трех лет, он находится рядом с ней и за это время превратился в большого серого котищу. К сожалению, дворовые гены были в него заложены глубоко и всегда давали себя знать в драках за еду и за кошек, в разорении гнезд, в воровстве плохо убранных продуктов.

У Васьки были и тайные грехи, о которых кроме него никто не знал. Про несколько таких проступков все могли только догадываться, предполагать, но указать на серого кота… увы, не могли!

Внук бабы Ули привез из города серую мышь. Мальчик мечтал научить ее ходить на задних лапках и выполнять его команды. Кое-каких успехов он добился. При постукивании пальцами по столу два раза, зверек бежал на стук, где его ждало угощение. Внук показывал всем своего ученого мышонка. Конечно, кот Васька был в курсе семейных событий и не раз наблюдал за такими представлениями. Никаких порывов в сторону мыши у него не было; он только спокойно лежал и прищуривался, изучая это чудо природы. Всем зрителям была интересна такая реакция кота на мышонка. Может на него подействовали слова бабы Ули, что трогать это существо — нельзя! А может серый разбойник только выжидал удобного момента, чтобы расправиться с ученым мышонком за то, что тот в центре внимания, а его — красавца кота никто не замечает! Предполагать можно многое о исчезновении чудо-мышонка!

В один из дней внук обнаружил пропажу. Дверца в клетке была приоткрыта. А кто мог ее открыть? Мышонку не хватило бы сил раздвинуть проволоку, а коту, его сильным когтем, сорвать дверцу ничего не стоило. Внук погоревал, а потом потихоньку позабыл о своей забаве. Кота Ваську поругали для «приличия», а тот только удивленно смотрел в глаза говорившего и слабым фырканьем выражал свое недоумение.

Похожий случай произошел и с гнездом мелких птах, которые в густых кустах шиповника собрались устроиться на жительство. Баба Уля, знавшая все о своих гостях, предупредила кота об охране их гнезда, и тот своим мурлыканьем дал понять, что он понял хозяйку.

Через пару недель, после появления птенцов, кто-то разодрал гнездо и уничтожил малышей. Кто это сделал? Загадка!.. Может быть, к этому причастна ворона, а может быть и Васька?! И все же это был смелый и отчаянный кот. Появившись в этой деревне, он со временем навел свой порядок. Раньше здесь преобладала порода с окрасом белых и черных пятен, а теперь стали рождаться только серые котята. Никаких белых, черных и рыжих котов около дома бабы Ули не было видно, да и собаки стали проходить мимо, стараясь быть незамеченными котом. Серый кот Васька властвовал над всеми! Почти каждый день, жители деревни жаловались бабе Уле на поведение кота

и та, перед тем, как разлить молоко по мискам, долго выговаривала серому сорванцу, как себя надо вести с окружающими. Кот Васька всегда ее внимательно слушал, беззвучно открывал рот, смотрел в глаза хозяйке и все как будто хотел сказать: «Ну, хватит! Поговорила, я тебя понял! Перевоспитаюсь! Давай наливай молоко, а то я проголодался!» Хозяйка его тоже хорошо понимала и не досказав всего, что накипело у нее в душе, кормила серого «разбойника».

Кот Васька никогда не был жадным, ел всегда в меру, оставлял и другим жителям двора пищу. А нахлебников у бабы Ули было много. Днем у крыльца, около миски, толпились вороны с сороками, а если что-то оставалось, подъедали драчливые воробьи. Кот всю эту живность не трогал, он считал ее своей семьей.

Вечером, когда миска снова наполнялась едой, около нее появлялись двое ежей и большая черная змея. Ежи, быстро перекусив, исчезали в ближайших кустах. Змея любила только молочную пищу и, подождав, когда насытятся и уйдут ежи, не спеша подползала к миске и принималась за вечернюю трапезу. Она не обращала ни на кого внимания; кот Васька, лежа на крыльце, тоже делал вид, что этот гость его не интересует.

Про эту змею надо рассказать особо. Она появилась на участке бабы Ули год назад и спокойно жила в древесном хламе за картофельным полем. Этот хлам оставили мужики, которых баба Уля наняла за литр водки почистить от зарослей свой земельный участок. Они все хорошо вычистили, собрали мусор в кучу и попросили хозяйку выдать частичное вознаграждение за выполненную работу; им оставалось вывезти этот хлам с участка. Баба Уля по доброте душевной отдала им литр водки, а надо было налить по сто грамм, а остальное выдать позже. Мужики так напились, что ни о какой работе говорить не приходилось! Очнувшись от богатой выпивки, они разбрелись по своим домам и больше баба Уля их не видела. Так и остался этот хлам. Баба Уля из этих отходов, каждый день брала сухие ветки для растопки печки. Однажды, собирая щепу, она услышала незнакомые угрожающие звуки: «Пш... пш...» На свою беду она забыла дома очки, низко наклонилась и стала рассматривать землю, среди высохших веток увидела большую черную змею, та свернулась в кольцо и выставила голову с раздвоенным язычком и приготовилась к нападению. Баба Уля не растерялась, а спокойным и тихим голосом сказала: «Что ты, дурочка! Испугалась? Я тебе ничего плохого не сделаю! Только возьму несколько веточек и уйду! Змея как будто поняла человеческую речь, перестала издавать угрожающие звуки и положила голову на свои кольца. Собрав хворост, баба Уля ушла, а через некоторое время принесла из дома блюдце с молоком. Так продолжалось около недели. Потом она предложила змее самой ползти к крыльцу за своим обедом; та ее поняла и каждый вечер появлялась у миски. Но этой дружбе человека со змеей пришел печальный конец. Змея так вольготно жила на даровых хлебах, что обзавелась большим семейством. Маленькие змейки стали ползать по грядкам бабы Ули и ее соседей; те подняли тревогу, стали искать причину нашествия змей. Скоро все выяснилось! Соседские мужики разогнали змей, разобрали хворост и вспахали участок. В деревне наступили мир и спокойствие, а семья бабы Ули потеряла одного «нахлебника». Зато вскоре появился другой — аист!

Каждую весну в деревню прилетали эти большие, красивые птицы, они селились на водокачке, недалеко от дома бабы Ули. На ее глазах появились маленькие птенцы, которые постепенно оперялись, потом превращались в больших красивых птиц; в конце августа они свободно летали самостоятельно, а в сентябре вся большая семья улетала в теплые края. В этом году все было, как обычно, если не считать того, что папу-аиста мама и дети выгнали из гнезда, не давая ему даже приближаться к своему жилью. Что случилось? Это был вопрос для всей деревни. Предполагали многое, но остановились на двух версиях: папа-аист чем-то заболел, и мать не допускала его к детям; вторая — папа-аист стал слишком стар и теперь не нужен своим детям. Аиста жалела вся деревня. Ему приходилось ночевать на крышах домов, где его сгорбленная фигура выражала невыносимую тоску о своей любимой семье. Все гадали, что же будет дальше? И произошло то — во что трудно поверить! Папа-аист решил покончить жизнь самоубийством. Свидетелем этой страшной трагедии и стала баба Уля.

За ее земельным участком проходила высоковольтная линия. Провода на столбе были натянуты в два ряда. Расстояние от вершины столба до первой линии проводов было около метра. В тот злополучный вечер баба Уля отдыхала на лавочке около крыльца, любовалась закатом солнца, настроение ее было прекрасное. Вдруг над домом низко пролетел аист. «Наверно направился в болото за лягушками» — подумала она, но птица, пролетев ее участок, опустилась на столб с проводами. «Интересно, что он собирается здесь делать?» — была вторая мысль бабы Ули. Аист стоял на верхушке столба и был как будто в замешательстве. Так продолжалось минуты две или три, потом птица упала вниз, и раздался страшный треск, сноп искр разлетелся по сторонам и... все стихло! Баба Уля почти бегом бросилась к месту падения птицы. Раздвинув низкорослый кустарник, она увидела аиста-папу, лежащего на помятой траве; одно его крыло слабо шевелилось, а другое он придавил своим телом, клюв был полуоткрыт, глаза закрыты. Сердобольная женщина вытащила тело птицы из кустов, завернула в большой платок и понесла к дому. Через минуту аист очнулся, закрутил головой и несколько раз пытался клюнуть спасительницу, но та ловко схватив его за шею, не дала себя в обиду.

Баба Уля донесла аиста-самоубийцу до своего сарая и оставила его там до утра. Утром следующего дня выпустила птицу на свободу. О чем думал аист в своем ночном заточении? — неизвестно, но два последующие дня он летал вместе с молодыми аистами на болото и даже ночевал рядом с гнездом, а потом все повторилось сначала. Снова прилетел к столбу, опять упал на провода, и баба Уля его унесла в сарай, где он жил три дня, так как при падении сильно повредил ногу. Хозяйка его и лечила, и кормила лягушками, за которыми ходила на болото. Потом аист-папа улетел и никто его больше не видел. Мама-аист и ее дети в положенное время высоко поднялись над деревней, пролетели три раза по кругу и с прощальным криком унеслись в далекие края.

В деревне, еще с неделю поговорили о странной семье аистов, да и забыли. Зато жители сарая бабы Ули еще долго помнили внезапное вторжение большой птицы в их спокойную жизнь. В сарае жили в одном углу три курицы и петух; в другом, в большой клетке, два толстых неповоротливых кролика. Петух особенно заволновался, когда в его владения принесли полуживого ве-

ликана. Как и всякого мужика, его заинтересовал вопрос: «А что будет, если эта огромная птица придет в себя и будет приставать к его курицам? Как ему небольшого ростика петуху справиться с таким великаном?» И вот наш петушок старательно забрался на самую высокую перекладину и оттуда с превосходством грозного воина, презрительно выкрикивал оскорбления на потенциального противника, который на него не обращал никакого внимания. Петуху это невнимание было обидной пощечиной: «Как его — такого красивого, сильного, молодого и не замечают!» Он топал ножками, махал крыльями и по-петушиному всячески оскорблял большую птицу.

Утром следующего дня, выполнив петушиные обязанности в своем семействе, он через щель в заборе залез в соседний двор к чужим курам, которые недавно потеряли своего предводителя (его утащил коршун). Куры были рады появлению молодого красавца и гурьбой окружили нового повелителя. Петух, «потоптав» соседнее семейство, успокоился и вернулся в свой двор. Аиста уже не было, и он вновь почувствовал себя властелином мира. Как и всех, кто рвется к большой власти, преследует злой рок, так и нашего петушка вскоре задрала лиса. Петух бабы Ули на самом деле оказался сильной и смелой птицей. Когда «рыжая ворюга» схватила его подружку, он смело бросился на ее защиту и ценой своей жизни спас обезумевшую от страха курицу.

Кроме куриц в сарае жили кролики, появились они в сарае давно. Внук, приезжавший на лето к бабушке, любил с ними возиться. Вытащит клетку из сарая, выпустит кроликов на лужок, а сам сидит и наблюдает за их поведением на свободе. А «вислоухие» получив неожиданную свободу и обезумев от яркого летнего солнца и сочной травы, сначала стремятся куда-нибудь убежать от надоевшей клетки. Потом успокаиваются и с большим рвением начинают уплетать вкусные стебли. Осенью, перед отъездом в город, баба Уля своих ожиревших кролей обычно меняет на свиное сало или мед. На следующий год внук снова привозит очередных «вислоухих» и все повторяется снова.

Сарай был крепкий и помнил много своих жителей. Раньше там жили свиньи, коза, овцы, а однажды появилась и корова.

В деревне у нашей хозяйки было много родственников: двоюродные, троюродные братья и сестры со стороны отца или матери. Одной из дальних родственников была и баба Тося — старушка лет восьмидесяти, маленькая, сухонькая с какой-то кривизной во всем теле. Ее походка напоминала «утиное перешагивание», спутать ее с кем-то на улице было довольно сложно. Жила она в доме, построенном отцом после войны на краю деревни около кладбища. Своим родственникам, часто смеясь, говорила: «Хоронить меня легко, завернете в одеяло, перетащите через тропинку на кладбище, выроете яму, закопаете, сверху положите камушек и выпьете рюмочку за мою душу!»

Проработала баба Тося всю жизнь дояркой. Она легко управлялась с коровами. Маленькая, кривенькая, она удобно устраивалась под животными и сухими крепкими пальцами доила. Когда вышла на пенсию, колхоз подарил ей корову за многолетний труд. Корова была такая же маленькая, как баба Тося, но с выменем, как у коровы рекордсменки. Некоторые жители деревни, ко-

торые ленились заводить коров, покупали у бабы Тоси молоко, этим она и кормилась на пенсии.

Интересно было слушать ее воспоминания о прошлой деревенской жизни. Родилась она еще при царе. Хорошо помнила, как уходили на Первую мировую войну крестьянские парни. Село было большое и богатое. Домов-усадеб и не сосчитать — больше сотни. В каждом доме кроме коровы и лошади, множество мелкого скота и птицы. В праздничные дни были службы в большой белой церкви; по всей деревне звучал «малиновый» перезвон колоколов. О революции семнадцатого года рассказывает неохотно. Всех крепких хозяев разорили, многих выслали на Колыму или расстреляли. Согнали людей в колхоз, который и прокормить никого не мог. К сороковому году только начали подниматься, нагрянула Вторая мировая война. Пришли немцы, правда ей повезло, на постой поставили унтера, который руководил сбором продовольствия. От его стола и ей кое-что перепадало. Два года деревня жила под немцами. После войны только два дома осталось пригодных для жилья — остальные или сожгли, или разрушили. В ее дом попала бомба, она спаслась чудом... ходила в лес за грибами, а все имущество пропало! Жила в землянке, пока с войны не пришел отец, он и построил небольшой, но удобный дом. Отец прожил в нем не долго, года и ранение быстро свели его в могилу; она осталась одна, мать еще до войны умерла, так одна и жила в этом доме. У бабы Ули прожила года три, а попала к ней из-за большого несчастья — у нее сгорел дом. Как потом выяснилось, пожар возник из-за проводки. Если бы она осталась дома, то могла бы погибнуть, но ей что-то понадобилось в магазине, а корова была на выгоне. Баба Уля устроила родственницу у себя, для коровы переоборудовали сарай, а старухе и в уголке дома места хватило. Так семейство бабы Ули пополнилось еще двумя членами. Все были довольны новыми постояльцами, особенно коты. Свежее молоко их всегда ждало на завтрак и ужин. Это счастливое время хорошо помнит Муська, может и жалеет о прошедшем, но ничего никому не говорит. А вот Ваське не повезло, в это счастливое время его еще не было на свете и он, к сожалению, не может отличить магазинное молоко от своего домашнего.

Для бабы Тоси и ее коровы жизнь всегда проходила полосами: в светлой — радостные дни, в черной — полная невезуха, переходящая в трагедию. Не повезло коровушке... захотела родить теленочка, а возраст не позволял! Что думала баба Тося — неизвестно! Может, надеялась на русское «авось» — вдруг повезет?! Она всю жизнь проработала дояркой и через ее руки прошли сотни коров. Одним словом, корова погибла, а теленочек задохнулся. Для бабы Тоси наступили «черные» дни. Она винила себя в гибели своей любимицы. Баба Уля успокаивала ее, как могла, просила старушку поберечься, но та на своей жизни «поставила крест» и вскоре ушла вслед за коровушкой.

Похоронили ее по-христиански; сосед дядя Петя за два литра водки привез из районного центра дешевый сосновый гроб, выкопал могилу на кладбище и помог с похоронами.

Вот так семейство бабы Ули то пополнялось, то убывало, но всегда хозяйка принимала всех нуждающихся в защите. Такова русская женщина!

София Кузнецова
(Россия, Москва)

ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ...

Сказал Высоцкий, и для меня это аксиома...

Я люблю горы. Не могу объяснить почему, как невозможно объяснить саму любовь. Кто-то любит море, кто-то тайгу, кто-то ездит на фотоохоту... много увлечений разных встречала я у своих друзей.

Но я полюбила горы еще школьницей, а потом студенткой приезжала к отцу, военному строителю, где он прокладывал туннели в горах.

Он же и научил меня кататься на горных лыжах, за что я ему безмерно благодарна.

Я почувствовала вкус высоты, веер брызг снега на поворотах, полюбила небо особенного, яркого, слепяще голубого цвета, белоснежные облака под ногами.

А горы... они молча, серьезно наблюдали, как я все больше и больше влюблялась в них, заманивали новыми трассами, и каждый раз особенной, сказочной красотой.

Я побывала на Кавказе, Урале, в Армении, Грузии. Я не только каталась, я собирала интересные легенды, связанные с горами. А на последнем курсе университета отец, находящийся в Индии, сделал мне визу в Непал, и первый раз я увидела Гималаи.

Прошло много лет, но я всегда стараюсь хотя бы ненадолго уехать в горы. Надышаться самым вкусным воздухом, постоять на вершинах, ощущая, как горы отдают тебе свою силу и мудрость.

Я никогда не была в Северном Тироле. Поэтому, как только выдалась возможность, я из Мюнхена на машине поехала в Инсбрук.

Горы Северного Тироля не очень высокие, километра 3, может чуть более. Для сравнения Монблан 4,8 км. Но очень крутые, частично с каменистой грядой, но большая часть покрыта лесами, такими свежими, изумрудно-бирюзового оттенка на солнце, но это если солнце. Тогда прожилки ледников сверкают бриллиантовыми лучиками, облака расступаются, и ты видишь их величество Горы во всем блеске строгой мощи и красоты. Но июньские дожди и туманы часто окутывают тайны гор, и тогда кажется, что они тебе пригрезились.

Но вот пойман солнечный, ясный день.

И подъемник, его здесь называют гондолой, уже несет тебя на середину горы, и ты по серпантину идешь вверх на вершину. В тот миг мне кажется, что я в гостях у высших сил, что не тучки подо мной пушистые, а сказочные, всесильные духи плывут по своим делам.

В эту поездку мне повезло. Погода подарила ясный день, и представилась возможность полюбоваться видами Инсбрука, Сан-Антонио, Гармиша с высоты двух с половиной километров, предварительно вытащив

и одев на себя все теплое, что оказалось в рюкзаке, потому что температура скачет от нуля до плюс десяти. И никто не обращает внимание, что из-под ветровок виднеются сарафаны, а у мужчин на голове женские шарфы. Улыбки и счастливые лица...

Три часа удовольствия. И... решили с Борисом идти вниз пешком. Мелькнула мысль не рисковать, а потом пришла вторая — горы не предадут, дойдем!

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

Я создам тебя

Я создам твою плоть…
О, таких не пугает огонь…
Не пугает чума и падение летних
стрекоз.
Я создам твою тень…
Я создам Наготу и тело,
Я сыграю тебя,
Я отдам себя нежности тлена.
И, когда вновь во мне
разлетятся все вещие птицы,
Я тебя соберу на усталых страницах,
Я тебя соберу, я тебя не смогу
не коснуться…
Посмотри на меня,
Нам одолжено было вернуться…
На мгновение — жизнь…
На безвыходность, на обреченность,
На возможное «быть»,
Источение и утонченность.
Холод смертен для смертных
В рубашках льняных и невинных…
Посмотри на меня —
Мы с тобою ни в чём неповинны.
Посмотри на меня,
Дождь заглушит присутствие Бога…
Я создам твою ночь,
Чтоб её растворить у порога.
Я создам твою кровь
Самой жаркой и ледяною.
Ты создаешь мою плоть,
Ты создашь мою душу и слово.
Удержи звукоряд…
Я истерт добела, до проталин…
Я не чувствую рук,
В них забито гвоздей слишком много.
И когда я промерзну
до самого белого света…
Я создам твою душу,
Я создам твою душу из Неба.

Акроним

Я не могу отказаться от твоего тепла.
Вне распознавания оно во мне — мной
и тобой.
Читать запрокинутые руки губами…
Где ты уже, словно, не ты…
И я уже словно не я.
Говори дождём…
Говори в эту пустынную засуху,
обнаженное море!
Я был на премьере Последнего Времени,
Оно петляло в горле пересохшем…
Новая жизнь Данте, разомкнувшего все
круги ада.
Вода переплетается с огнём…
Прими меня, как своё сердцебиение.
Семантика.
Логос глубины… и нет границ между
нами.
Только неверие делает из слов и людей
песок…
Провожу по губам твоим пальцами,
Рука умирает, прощаясь с касанием
к этому мгновению…
Приношение бога богам,
Подношение богу бога.
Моё сакральное небо,
Задержи дыхание под водой обращенных
в тебя огненных слов.

Целую твои ладони.
Мы молчали несколько столетий,
Вдыхая ладан дней,
Опиум одиноких слов…
Снежные листья
Больно толкаются одиночеством
в высоте,
Скользят четыре сна
Вдоль воздуха на север…
Природе сегодня распечатали роль.
Скрывает холст трещины,
Порезанные анапестом.
Неисповедимы пути листа… Иже с ними.

Мы просто не из этого мира.
Нежно обнаженные цветут у воды
Алые в алом
Сошествием огня Вслух.
Люблю читать в подлиннике
Где ты — мой самый сладкий яд.
А я — стихи.

Там, где на золоте чёрным написано
«вечность»,
Любовь моя тебе на платье положила
букет ирисов…

Смертельный закон белого листа

Друг мой,
Вы помните как давно люди не писали
друг другу писем?…
И вот пришло Ваше письмо… оно —
как облака под кожей…
Если и быть в этом мире, то трепетом
на обнаженной стали…
в ярких и мягких нитях идущих то небом,
то водой, но непременно идущих…
В ампуле имени нас — жизнь и смерть…
Бездонна, беспощадна, сиротлива и так…
пронзительно — тонка, где-то в самом
начале Широких Лестниц, сердца
говорящая на чистом листе души…
Смертельный закон белого листа —
умирай всегда последним…
после точки… после повисшей паузы
между сказанным и молчаливым.
Кто-то разлил в эту ночь тени и молоко…
и под сердцем трепещет святая нагота…
несказанное всегда в прозрачности храма
учится жить и неметь… и завесив лицо
туманным платком, мы ступаем, забыв
о том, что трата безымянна… узнавание
строки сначала происходит через губы…
а потом, плавно и медленно стекает
в сердце… и контур памяти входит в дом
к спящим…
кто-то разлил в ночь тени и молоко..
это мы писали письма Богу…

Аграфа

Почти невыносимая прозрачность.
Иконописные знаки…
Смотри, как изменяются тела.
Не оцарапает ступней твоих зима
И всеми кронами взметнется осень.
Изымется.
Эль Греко, полоснувший по садам…
И выиграет гнев свой снег…
снег гнева.
Мой незаписанный, ты — безупречное
всегда,
Ты — ощущенье чистого разбега.
Предопределенность знаков препинания
царапин на воде.
Аграфа…
Нас не будет много…
Покажите им Дом, где не плакали окна…
Откройте тени…
Летим и сталкиваемся в натяжении
осени.
Помоги мне лежать на воздухе, Отче…
Я ношу Твою рубашку,
У Тебя такая же, но на Тебе она лучше
сидит.
Ритуальные листы спускаются на землю.
И ходят по ним ногами…
А ты творишь простое волшебство,
Где озвучены крылья листопадом.
Тот, кто был между нами, сегодня был
прежде нас.
Тон твоих глаз…
Разбивают ладони дожди,
из раскрашенной груди вырываясь…
Здравствуй, моё близнецовое пламя!
Божественное замирание мысли…
Попробуй жизнь, у неё всегда привкус
смерти…
Тоска арфы всё громче…
И нежность отчаянней.
Аскетичный минор сладострастен.
Зрительный ряд… место номер… мое
имя —
Обнаженное восприятие,
Языки оголенного пламени.
Мы вырываемся из круга доказательств…
Смешанные с тем, что тут у вас зовут
жизнью.
Слишком много должно было сойтись
в одночасье…
Посмотри в эту осень, ощути, как жизнь
кончается…
Незаписанные
В условных обозначениях тел.

Во время написания

Ветер выдохнет — Амен…
Если мы уйдем, то кто тогда будет
людьми?
Развоплощение слов
Записанные на новом языке…

Во время написания этой рукописи
рукопись горела
В высокомерии хрупкого мира.

Терции

Терции
Бьются насмерть как мотыльки с огнём.
Что чувствует огонь,когда прислоняется
губами
к их трещинам линий жизни?
Молись за нас в час поднесенной
чаши…
Сложноподчиненная аккомодация.
Стихотворение всегда в самом себе…
Бич раздвоенного языка трудностей
перевода с сердца на земное…
Если ноты перестанут сниться…
разбуди их.
Терции неприрученные…
Слышишь как распускаются цветы когда
они идут повелевать и погибать?
Обнимаешь песочные раны…
Следы кнутами сечет время —
Чтоб вымолиться.
Тянешься сжатыми губами к небу…
На последней точке дотягиваешься
до улыбки…
Заранее обреченный чувствовать полёт
птиц.

Между нами

Найди меня…
Пересыпайся в мою глубину…
Побудь всем, что есть на свете…
Росой вернись на землю
В равновесие, очерченное Светом.
Когда-то нас всех омыли,
Осталось только вспомнить
Сказанное до слов.
Растраченные молчанием…
Самая удручающая вещь — вечность..
В ней мы были зачаты,
В ней мы совпадали во всём…
Всё между нами на земле
началось с крика новорождения
написанных неровных строк

Aestus*

Зороастрийская жрица,
Ждущая прикосновения к раскаленной
гортани,
Нежной яремной выемке реки твоей…
Ладонью обнимаю твои скулы,
Поцелуй как раскрытая роза.
Темное в светлое, светлое в темное —
пишется слитно.
Расстегивая рубашку, растягивая вино,
Вживаться в лепестки песни Соломона…
Сад еще не стертый со свитков —
твоё тело.
Глажу клыки ветра и падаю в подлинник
сердца.
Нас сегодня осенят осенью…
Прицельно…
Обнаженное пальцев дыхание согревает
в ветвях птицу.
Талые руки повторяют молитвенную
книгу ту,
Что сбросит свои страницы, как имя…
в нас.
Перехлестнет…
Невидимым ветром пронесет меня
по твоему телу
Отворять лепестков воду.
Срезанный всполох…
Следую ли я твоими тенями,
воплощенная в воде?
Бог зеркал в равновесие падает,
В водные знаки, ожидающие четвертей
нот.
Мне нет дела до подражания бумаге
или чернилам,
Мы — Изгиб Тантры.
Наши обожженные взгляды и губы —
тонкий рисунок,
Где у тебя движения южного ветра.
Голые ветви, пустые одежды…
Врачуй сгибы листов от ран,
путая названия…
Раскроет ладони нежность…
Нежность — то, чем прикрывают голос.
Ты, сотканная ожиданием и зноем…
Соскользнет шёлк… гори страстно,
Как эти ягоды алых строк на ладонях,
Которыми я кормлю тебя.
Блаженно поющая строка,
Черные ресницы бабочек…
Касаться губами узоров слов,
Написанных в воздухе последних цветов
воздержанием фраз.
Девять иероглифов вдоль твоей спины…
В ладанке стеблей обветренные звуки
захмелевшей чистоты.
Как влажно платье твоё в этом саду,
Где слова наши не превратились
в переписку,

* Aestus — в значении зной.

А оставили нас смотреть друг другу
в глаза.
Танцуй…
Танцуй шрифтом, близким к постоянной
смене регистра…
Мы уже были здесь до предсказанного
вечера,
И теперь отражаемся от всех предметов.

Воспоминание о пыли

Пока розы защищаются шипами…
Пока вода не опустеет до засухи…
Пока опадают листья,
венценосно кружась…
Между линиями ключиц
медленнее жеста — мёд и соль.
Превосходство света над зрением —
Сердце на наковальне Бога.
Превосходство музыки в губах,
играющих губы флейты…
Превосходство слова в пожизненном
притяжении к небесам.
Осталось ничего не сказано
о искушенных,
Пред которыми роза теряет шипы.
Раскачивается перо…
Показывая очертания звуков и слов…
Я — то, что я есть,
И ничего ни прибавить, ни изъять.
Игольное ушко и нитка —
Движется строка…
Вспоминает пыль неба на босых ногах.

По лезвию строки

В стране, где яркий месяц в небе вышит,
В стране, где падает голгофская звезда,
Всем «онемевшим» нечего услышать,
Всем «безъязыким» нечего сказать.
Нет боли у меня, я всю её истратил.
Зажав травинку уголками губ,
Я что-то важное услышал в листопаде —
Совсем не новый и протяжный звук;
Все рифмы на нездешнем языке,
На том костре, где отцветают листья,
Где тысячи лисят поют во тьме
На самой странной площади Парижа,
Которую я видел лишь во сне.
Вы плачете? Опомнитесь, не здесь!
В России слёзы оставляют многоточья…
Миг совершенства, где эпиграфом
«просрочено»
На блюде индульгенций подают.
А мы идём по лезвию строки…
Как по воде ходил Христос
когда-то…
И Бог с нас спросит за листву
и за стихи…
Простив неверие молитвой листопада.

Нами будут раскрашивать небо

Нами будут раскрашивать небо,
И обмолвится нами Подсказка…
Привыкай к безупречному Свету,
Привыкай к безразличному взгляду.
Заостренные связки до точки
Эхом нас разнесут многократным…
В этом медленном танце со смертью
Больше жизни, чем в умерших
взглядах…
Воск огню протяни, и пусть плачет
Этой нежностью чистого скерцо…
Бог тебя никогда не забудет,
Даже если умрёт Его сердце.

Словно не было тебя

Осыпется песком многоголосье тела…
Расстанется земля, бездумье торопя,
И Бог раскрасит будущих так смело,
Так смело, словно не было тебя.
Шаг невесомости в мгновении
растраты…
Ведет нас вброд или уводит вспять?
Богемское стекло и луч на глади,
Выстреливают тени в бренность сна…
Так плачут звери,
Просят нежность к шкуре
Ладонь твою, ласкающую их…
Так плачут люди…
Так землеют люди…
Крестя остов расшатанных перил.

До возвращения

В том, что ДО обнажения…
В том, что ДО завещания…
Обреченное время…
Время встреч и прощания…
И ладони молитвенно…
И печаль преждевременна…
И предлогами истины…
И подлогами бдение…
Отреченьем осиновым…
Обещаньем несдержанным…
Отличить отличимое…
В том, что ДО возвращения…

Посреди самого синего океана

Связки напряженные ослабнут
между берегом неба и земли.
Нас когда-то отпустили в плаванье
Обращенных лицом к пустыням…
Хриплыми стали наши голоса.
«Однажды» не существует,
хоть и говорят, что оно бесслёзно.
Разбираем песок на слова,
Посреди самого синего океана
именуемого небом…
Его речь — первое и последнее,
что запомним..
Выше протянутых рук что-то — Крыло,
Ветвь, ладонь Бога?

Iridium 77

Тихо ударившись о дорогу,
Уклоняясь от рук..
Мы родились, чтобы прийти в Себя.
Однажды мы встанем
Немы
Вровень с Небом… в чёрном и звёздном.
А пока перед нами
холод савана первого снега,
и остриё броска за грань последних
яблок.
Мы — вещая тишина, артефакты, зарубки
огня.
Всей статью породистой лавы,
С податливыми телами меняемся тенью.
Разбирая на части слова камней и рыб…
Стекаемся из Тех мест
Оседать Огнём Сердца
в СольОный океан.

Нас слишком много для любви

Как ты нашла меня, любовь моя,
ведь меня не было в этом мире?!

Хором сегодня листья, хором сегодня
строки
Облетают, как спелые, с ветвей
Под покровом тысячелетних небес,
Словно кто-то разомкнул уста
И молится тишиной в тесной одежде.
Канун или канон..?
У нот нет правил, эти правила созданы
этим миром.
Нарушают фонетику пентакли капель…
Девы отворяют врата девственному
снегу,
Пытаясь уместить в себе строки Эдды*.
Следуют за её телом всполохи.
Касаюсь начала волны твоей…
Качаюсь… словно вступил в лодку
невозвратимости.
Хочу обжечь тебя навсегда,
Хочу насладиться твоим мгновением…
хочу насладить тебя.
Раковина Наутилуса…
Поэзия рождается из недр себе
подобных…
Но как важно иметь позади себя время,
Где на пределе памяти вечного
Переходишь в предвиденье.
Родословная слов —
Пуля со смещенным центром тяжести,
Тональность во искупление
неизбежности,
Смертельность, что прописана на ладонях
Бога
Вечной линией жизни.
Выпавшие из гнезда небес чтобы понять
смысл жизни.
По обе стороны наших глаз одни и те же
слова,
И это равновесие!
Секунда всегда одна — первая
и последняя.
Камерный переход читающего
построчное — жажда.
Вы слышите в себе эту жажду… вы,
касающиеся образов слов.
О, сколько нас, Эдда, приходило
исповедоваться тебе жизнью!
Хором сегодня строки исполняют свои
обязанности,
Гением выданные в путь.
Записные книжки богемы, Вы високосны!
Между двумя равноденствиями — голоса
и строки, страсти и нежности.
Слогами слов оплачем мы огненные
прикосновения Неба.
Эдда, не опускай своих глаз,
Любящие губы можешь растратить…
Это катарсис будущих слов…
Импринты Бога опускаются на землю…
Эдда, красной сангиной сегодня
своевольные жесты мои…
Нас слишком много для любви.
Зажги же пламя вслед моих молитв!

---

* Эдда — в значении «поэзия, поэтика».

Всё, что касаемо...

Всё, что касаемо строки —
вочеловеченное время…
Такое долгое доверье, в две человеческих
руки…
Так все стихи устремлены в простую
точку замедленья…
Гортанного, елейного моленья… в две
человеческих строки.
Диапазонами утрат, хрустальных высей
откровеньем…
Такое долгое терпенье…в две
человеческих тоски.
У обреченного виска — жизнь тенью
сурдоперевода…
И пыли звездной непогода и золотые
мотыльки.

СОН О ВЕСНЕ КРИТИКА ЛАТУНСКОГО

Вы встали у окна…
Ему метафора у Вас —
стена, бетонная стена,
В ней трещина Весны.
Пусть разрастётся в Вас она,
пусть канут миражи.
Мираж — Ваш дом, он в забытьи, он спит…
Но солнца свет сквозь трещину к вам
тянется лучами…
Он Вам подарит чистое звучанье,
Пронзит величием ворвавшейся Весны.
Вы встали у окна…
Сейчас…
Живой…
Не погребённый трудными годами.
И тянется рука открыть окно…
Впустить поток, рожденный вместе с Вами.

НЕПОСТИЖИМЫЕ СЕРДЦА

Три Дара есть у всего живого:
Свет, Любовь и Покой Души.
Я люблю цветы…
Не мёртвые магазинные,
А те свободные дикие вольные;
Те, что учат меня науке о трепете жизни.
Ты знаешь все истины.
Ты знаешь их до тех пор, пока молчишь.
Непостижимые сердца,
Мир обесцвечен без вас.
Всё, что вам нужно —
Мгновение цветущего
Где-то между «трогайте» и «не троньте»,
Мгновение, что вдыхает
и выдыхает Солнце.
Всё, что вам нужно —
Чтобы мы знали, что вы существуете.
Вы растёте и не считаете дни.
Вы знаете, что ожидание всегда расцветёт.
Вы учите как надо поступать в минуты
разочарования —
Вы говорите:
познай себя, не отрицая ничего!
Вы говорите: всё что ты видишь —
лишь единожды,
Всё однажды,
Не отрицай ничего!
Ты сказал «Смерть»?
Это полезно знать,
что всё может исчезнуть.
Ты сказал «Пустота»?
Во все пустоты всегда что-то укладывается.
Пустота разрушает, пустота наполняет.
Жизнь движется и наполняется
лишь в те мгновения,
Когда ты чувствуешь и ощущаешь!
Сколько жизни прошло меж вами?
Сколько около вас… сколько мимо?
Не все готовы БЫТЬ СОВСЕМ…
Не беги ни от чего в жизни —
Может чему-то научишься.
Научившийся выдохам,
убывает и учится вдохам.
Научившийся вдохам,
прибывает и учится выдохам.
Есть вода, что становится мёртвой.
Есть вода, что становится живой.
Ты сказал «Тени»?
Тени ходят по миру,
Тени ищут свои Тела,
Приходят и просят продать им Цветение,
Приходят и просят продать им
смысл существования.
Их сердца наполнены равнодушием,
Они лишь учатся Цвести.
Боль падающих листьев,
Тени, Ливни, Ураганы,
Снега, Солнце, Цветы —
Мы есть лишь для того, чтобы объяснить
тебе что есть Жизнь
Ты спросил «что есть Жизнь?»
Жизнь-импровизация…

Чем ты жив,
когда тебе нечем Дышать и Жить?

АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

НЕ СПЕШИТ...

Удача отвернулась… пинаю, но лица
Мне не спешит подать… худая,
как селёдка.
Я утро начинаю с проклятия венца:
Мой первый поцелуй кровит
в душе… с молодкой

Познал и вкус и запах, и выросла строка…
Лирический Герой схватил бразды
правленья.
Без четверти двенадцать таскаемся
в веках,
Ни жизни, ни в мечтах высокого
томленья…

Мелькнула мысль, а может,
взять пасту и венец
Вернуть до острых шпор,
до первого сиянья?
Вернуть до острых шпор, а?
Смотри, каков наглец! —
Привиделось лицо… и закачались зданья…

10.04.2019 г. A-V-A.

СФЕРА...

Умыкнула звёздочку чёрная дыра.
Потемнел, осунулся молодой астролог…
Проглядел: рассыпется гороскоп с утра
На песок и камешки — тысячи иголок

По Земле разбросаны и нелёгок путь.
Тут кольнёт, там в кровь порвёт шкуру
и одежды.
А на схеме просто всё, стоит лишь
рискнуть:
Шаг шагнул и полетел в облаке
надежды…

Только вот куда летит —
чёрный свет — дыра?
И дыра ли, кто бывал? Говорю вам: сфера.
Покружит там звёздочку
и швырнёт в вираж,
И с улыбкой явится:
здравствуйте, Валера!

Или, как-там-ваш —
your name — в урну гороскоп!
Соберите в фокус мысль:
жизнь вне схем — малина! —
Сел астролог на ступень,
в голове поскрёб…
И решил собрать рюкзак,
и бежать от сплина…

12.04.2019 г. A-V-A.

ОПЛАВЛЯЕТ. РАСТЕКАЮТСЯ...

Оплавляет блокнот лунный свет,
Растекаются строчки ручьями…
И писали вдвоём этот бред,
Незабвенный… мечталось ночами.

В каждой капле морёных чернил
Сухость правды и перекись истин…
И кричал из окошек винил,
Если мы добывали на кисти

Колонка или белок в тайге…
Записать Мир хотели в картине…
Уходил Мир от нас по дуге,
И тонул в закубованной тине.

Не сдержалась ты, прыгнула вслед,
Утомила свой голос речами…
Оплавляет блокнот лунный свет,
Растекаются строчки ручьями…

13.04.2019 г. A-V-A.

И СПАЛ ДО СВЕЖИХ...

Тот шаг обдуман был со всех сторон…
Да, за чертой — и стены, и провалы.
И взлёт… надеясь, что до похорон,

Нырнул в колодец — танцы, ритуалы
Вокруг костра, на берегу реки
Девчата молодые, парни, дети,
Гадают и поют, плетут венки
И знак о чём-то ждут в подлунном свете…

Он затаился… шепчется камыш…
Прислушался: и лес, и всё живое
Болтают увлечённо про Париж,
Наряды, фейерверки… нежилое
Молчало только озеро… Вода
Ни крон, ни небеса не отражала…
А в толще Он увидел города…
И лилии… там веточка лежала,
Как срезанная пять минут назад…
Кольнуло сердце Гостю — ты спаситель!
Шагнул было к воде, но бирюза
Исчезла… вместо озера — водитель,
И лондонский правительственный кэб…
С бульдогом за рулём, сигара в пасти…
Краснел лицом и африканский рэп
Бросал вокруг со знанием мат-части.

Ретировался в чащу… вот те на!
На месте озерцо! Вот только… девы…
Ныряют нагишом… поёт Луна…
И парни торят путь для королевы…
Услышал диспут: ей опять одной…
Нет, нет и нет! Ей ровню заманили!
Он подскочил. В рододендрон спиной.
И спал до свежих… с запахом ванили…

15.04.2019 г. A-V-A.

НА ВХОДЕ В МАЙ

Перекопать, перелопатить
Застывший в корку сюр души…
На входе в май устроит пати
Твой новый друг, и пусть фальшив
Слегка, по-доброму сам вечер…
Куда и как пойдут пути?
А чудесам случаться легче,
Когда нечаянно грустить
Сорвутся мысли на неделе,
И целый мир замрёт на миг.
Не в интернете и не в теле
Душа найдёт рождённый крик…

21.04.2019 г. A-V-A.

НЕДЕЛЬКА

Настраиваю струны… понедельник.
Со скрипом выдал ноту камертон.
Расправлю на груди парадный тельник
И побреду по вторнику… Не в тон
Играют струны и не взвилось знамя.
Я у черты, минута… и… среда.
Ещё в боку покалывает память,
Но зазвенела четвергом вода
Живая! Как подруга Робинзона!
Нырну в неё, как в омут с головой…
А там суббота, братцы — пик сезона!
И у фонтана встретит постовой,
А мы прорвёмся, правда? Мы прорвёмся!
И в воскресенье лёжа на полу,
Блаженно мир обнимем, улыбнёмся,
И в понедельник в цепи… на скалу…

22.04.2019 г. A-V-A.

СЫРАЯ ТИШИНА

И тишина бывает жуткой…
Сырая в парке тишина…
Да нет любви, всё было шуткой —
Сказала в трубку… и весна

Вдруг стала осенью, и тленом
Так потянуло из низин…
Ломал красивых об колено,
Четвертовать ещё грозил —

А тут ответ… влюблён до точки.
До самых немощных седин.
Не ровня ведь… и гном в росточке…
Но сам себе не господин:

И душу выкрала, и сердце
Ей на ладони преподнёс…
Фонарь косится иноверцем,
И на Луну завыл не пёс…

23.04.2019 г. A-V-A.

ТЛЕН И ПРАХ

Огонь съедает Нотр Дам,
Глаза слезятся, плачут души…
Мольбы, молитвы всем богам
Со всех концов морей и суши —
И Боги сжалились… не пал.
Остыли, отмолились стены.
И слёзы лили стар и мал
От радости под песню Сены…

В глубинной, сказочной Руси,
В культурной на Неве столице
Особняки, что grand merci!
Есть терема из древесин —
Каких не сыщешь за границей!

Но держиморда-бюрократ
Не о своих истоках плачет:
Ворует здесь и в аккурат
Там наворованное прячет;
И вот — культурная беда.
И нужно втиснуться в скрижали.
И суммы энные тогда
От лизоблюдов побежали

На реставрацию… престиж!
Цвети, достойнейший Париж! —
Но оглянись вокруг, скотина!
Твоим пра-дочерям, пра-сынам
Не показать родных корней —
Всё тлен и прах остатных дней…

23.04.2019 г. A-V-A.

НА НЕВСКИЙ… НОС…

По мотивам произведений Н. В. Гоголя

На Невский прям из сквера вышел Нос.
Да — в шляпе и мундире, и при шпаге.
Надменный статс-советник, на вопрос
Ответил: при министре шьёт бумаги.

И, повернув налево, зашагал
К Неве, там департаменты Сената.
Я следом. Он вполголоса ругал
Бумагооборотец от Росстата.

Намедни, Росстандарт огорошил…
Бубнил он в мою сторону не громко.
Глава его, вы знаете, решил,
Что время подошло стелить соломку

Для чистых и не очень торгашей…
Всё жалуются — нормы люты, люты!
Им дикий рынок, слышал, по душе…
Как в девяностых — сразу за валюты.

Ах, нам с министром, в общем, всё равно
Откуда, чем, каким бананьим жиром.
Финляндия под боком, и давно
Питаемся нектарами с полмира…

Бумаги вновь придётся извести
Не тонну и не две, пожалуй, с рощу…
Вам что-то было нужно? По пути?
Я понял, до свидания. Вон площадь.

04.06.2019 г. A-V-A.

ВРЕМЯ. ЖЕНЩИНЫ. МУЖЧИНЫ

Секунды, минуты, часы
Меняют местами причины.
Представьте себе: на весы
Кладут свои судьбы мужчины
И женщины, если за край
Беда или ужас прольётся —
Вот-вот их уклада коснётся —
Не рвутся в обещанный рай:
Секунда, движенье… и миг,
Незваный летит стороною.
Минутку сознанье немое —
И двери откроет тупик.

Другие не справятся… ниц
Падёт пред бедой и часами.
Закрутит магнит полюсами
На чёрных квадратах страниц.
Улыбкой, рукою в почин
Подашь потерявшим надежду.
Порой не хватает причин
Ворваться в событие, между

Болтается время… Века.
Что женщины? Горе-мужчины
Годами гниют в пустяках
И думают, что величины…

05.06.2019 г. A-V-A.

ПРИШЛА И СЕЛА…

Вагон почти свободен: три пары, военврач.
Мой номер двадцать семь,
слегка за серединой.
Мне ехать до конечной —
ждёт друг, поход, Кивач,
И первый поцелуй над будущей картиной.

Я этого не знаю — предчувствие блажит.
А этот военврач, мне кажется, знакома:
В далёком Ленинграде
нас «Школьный вальс» кружит,
И на мосту сошлись… когда-то у Ленкома

Встречались, но знакомство
срывалось, подойти
Всегда кто-то мешал… намеренно? —
кто знает.
Вот и тогда — случайно? —
нам развели пути…
Вагон почти пустой, в динамиках играет

То ВИА, то рок-группа восьмидесятых лет.
Я вещи разместил. Она пришла и села
Напротив… за очками всё тот же
майский цвет…
И руку подала… всю в конопушках…
смело…

12.06.2019 г. A-V-A.

СКЕЛЕТЫ ДЛЯ ИМПЕРИЙ…

Немного неуютно внутри
Пизанской башни,
И в Римском Колизее —
вот-вот вернутся львы.
Но жгучей итальянке подмигиваю,
шашни
В крови моей от предков с окраины Москвы.

Купцы и счетоводы,
ростовщики-банкиры…
Скелеты для Империй и мясо всех костей.
Трудились и плодились,
и разбрелись по миру,
Нет-нет да и мелькаем на лентах
новостей.

По итальянской прессе скользила тень
кузена:
Художник-неудачник и горький ловелас.
Как мальчиком играла им муза
Мельпомена,
И не всегда спасался он тем,что шулер-ас.

Вот и теперь попался на кругленьком
обмене:
Картину мэтра Винчи на замок у пруда…
Мы выкупим парнишку, полгода не на сцене,
И снова как по маслу в ударники труда

И общества вернётся —
с улыбкой и при шпаге.
Финансовый достаток важнее мер и вер.
Как прежде репортёры
и папарацци в шаге:
Дурачит мир и ставит по стойке смирно
сэр.

Лас-Вегас, Монте-Карло,
фанфары Канн и Ниццы
Порядком надоели, пора помять Москву…
И что не говорите —
у наших лучше лица,
И чище, и добрее…
хоть косят трын-траву…

21.06.2019 г. A-V-A.

ЗОЛОТОМ ЗАКАТА…

Золотом заката залиты дома
Давнего генсека — с кукурузой.
Мой стоит по центру: здесь была тюрьма
До большого, твёрдого Союза.

Старенький фундамент крепче, чем скала –
Тоннами тротила не разбили.
Говорили будут духи и тела
Жить с живыми так же, как и жили.

Там в подвалах дыбы, крючья и крючки,
Черепа и кости умерщвлённых.
Палачи да судьи рвали на клочки
Неугодных и невоцерквлённых.

Да, спускался… бездна — райские сады.
Этажи под землю — круги Ада…
И река забвенья вовсе без воды,
И течёт веками с нами рядом.

Поколенья NEXTы — роли без ума.
Счётные машинки банкоматов…
А хрущёвки рухнут — это не дома:
Горькие расчёты сопроматов…

01.08.2019 г. A-V-A.

ДМИТРИЙ ГОРОШНЕВ

Россия, Республика Карелия, г. Пряжа

Поморский корень

Поморский корень где-то в генах прячется,
А на виду — двоюродный племяш.
Какая уж изба, коль нету матицы?!
Из воздуха ведь память не создашь!

Архангельщина. Север. Побережие.
Промёрзшая и скудная земля.
Там парус коча треплют ветры свежие,
А близ домов — заплатками поля.

Попробовал взглянуть в века застывшие:
Увидел, как отрезанные льдом
Поморы, на судёнышке приплывшие,
На острове зимуют вшестером.

Из плавника избушка наспех складена.
В углу — святой угодник Николай,
Иконка эта во спасенье дадена.
Пора пришла: Никола, помогай!

Ночь бесконечно тянется и тянется,
Полярными сияньями горя.
Быть может там, в избёнке, предок мается:
Пурга, цинга, в день по три сухаря.

Кто в море не ходил,
мог слыть безбожником,
А этим бедолагам в помощь крест.
Прощальные слова на брёвнах ножиком
Годами доходили до невест.

А может… прадед вёл средь волн судёнышко
По Белому, взяв курс на Соловки.
Ему монастырём было положено
Возить до трети пойманной трески.

Владыко строг, а судно монастырское, —
Чуть что, возьмут и вовсе отберут.
Попы — в молитвах добрые и близкие,
А в жизни тоже под себя гребут.

Прочувствовав то время даже кожею —
Как будто вечность приоткрыла лик —
Хотя дни наши с теми не похожие,
Но кажется, что суть я их постиг.

А знай наверняка, гордился б предками:
И тот умён, и тот собой хорош…
Фамилия моя довольно редкая, —
Попробуй, в Интернете не найдёшь.

Болота

Как нечто непонятное, зовёт
Сойти с проезжей и привычной трассы
Таинственная сумереть болот,
Застывших словно вечности гримаса.

Они, как стон бессилья и вины,
Как крах великой силы созиданья,
Глядят из недр тревожной тишины,
Грозя всему недобрым предсказаньем.

Увидев ели, редкие, хлыстом
Согнутые на половину роста,
Мы замираем, как перед крестом
Заброшенного, древнего погоста.

Трясина, словно прах лежит у ног.
И, как порой бывает на кладбищах,
Ночной порой случайный путник мог
Зрить огоньки. Знать, души что-то ищут…

Весна

Взбалмошная, звонкая, лихая,
Полная загадок и надежд,
Ты, как пава, бережно ступаешь
В ярком обрамлении одежд.

Обещаешь нежности и ласки
И другие игры-чудеса,
Оживляешь выцветшие краски,
Одаряешь зеленью леса.

Оказавшись в первенцах у неба,
Первой каплей солнечной согрет,
Жёлтый и мохнатый птенчик вербы
С удивленьем выглянет на свет.

Где подстил зимует и валежник,
По краям лесных путей-дорог,
Щупленький и худенький подснежник
Вознесёт к ногам твоим восторг.

Будь хоть самый распоследний скептик,
Но весна быстрей погонит кровь,
Пробуждая в каждом человеке
Смутную надежду на любовь.

В душах что-то от сезонов носим,
Каждый мог заметить это сам.
Может, я слегка похож на осень,
А вот ты характером — весна.

Наверно, безразличным хорошо...

Наверно, безразличным хорошо:
Не колет сердце и не ранит душу.
А тут, как будто выгнан нагишом
Под град и ветер на позор и стужу.

Понять бы их! Но разве их поймёшь,
Тех, равнодушных к суете и краскам?!
Твердят: страстям всем ценность —
медный грош
И то с большою-пребольшой натяжкой.

Жара и пыль. Машина. Человек.
И, как роса, пот крупный и зернистый.
Смотрю на воспалённый контур век
И понимаю подвиг тракториста.

Опять всему дивлюсь как в первый раз:
Цветку, шмеля державшему в ладонях,
И тайной глубине девичьих глаз,
И ястребу за голубем в погоне.

Уже и сам — осколок бытия,
И мне давным-давно не девятнадцать.
Неужто, как они, однажды я
И сам всему устану удивляться?!

Майский снег

Удивительное дело:
Май — к концу,
А снег валит!
Крыши в белом,
Люди в белом, —
У всего
Больничный вид.

Это что?!
Со снегом рядом,
Словно в дружбе
Поклялись,
Цвет с черёмух
Тоже падал,
Ободряя:
Люд, держись!

Синички

Над сценой гаснущих лесов,
Над посеревшей деревенькой
Не слышно птичьих голосов, —
Одни синички звонко тенькают.

Им ни с крыла лететь на юг,
Им не знаком гусиный азимут.
В краю ветров, морозов, вьюг
Им оставаться с нами на зиму.

Им, украшающим нам жизнь,
Пошлём своё благоволение:
«Спасибо вам за оптимизм,
За не фальшивящее пение!»

Копошится человек...

Этот стайерский забег
С неизвестной финиш-датой:
Знойный полдень. Белый снег.
Штиль сентябрьского заката,

Дней крутых веретено,
Побужденья и усилия,
Позабытые давно
Романтические крылья.

Поглощает годы век,
Он с печалями не дружит.
Копошится человек:
Что-то пишет, где-то служит.

Словно туча, прячет свет
Миг коварного предела.
В паутине у сует
Без мечты немеет тело.

А когда-то рос мотив,
Обещая стать крылатым.
Но не вырос, не летит…
Кто же в этом виноват-то?!

Осенний перелёт

Хороша земля родная,
Только очень уж продрогла.

И гусей шумливых стаи
Поманила вдаль дорога.

Без тепла жить туговато.
Путь в края чужие труден.
Они с криком виноватым
Благодарно машут тундре.

И к реке прижмутся ближе
Для прощанья, не для встречи,
Чтобы слово бросить книзу
На известном им наречии.

Понесутся многокрыло
С доброй памятью о лете.
Станут звёзды им пунктиром
Путь небесный к югу метить.

Труден лёт у птичьей стаи
В край тепла и суеверий:
Крылья день за днём листают,
Блик луны неся на перьях.

Вслед за январём...

Я, выйдя вслед за январём,
Себя представил очень зримо:
То краснобоким снегирём,
То в небо уплывавшим дымом.

То превращался в новодел
Из снега вылепленных пагод,
А то сквозь изморозь краснел
Рябиной бусинками ягод.

Берёз полупрозрачный свет
Ложился вышивкой старинной
На пожелтевший санный след,
Ведущий в русский край былинный.

След позади и впереди —
Зовёт собой и далью лечит.
Чуть-чуть, казалось, погоди —
И брызнет весело бубенчик.

Увидишь, только присмотрись,
Как по дороге снежной, длинной
Века и судьбы пронеслись
Над этой русскою равниной.

Радуемся, люди!

Смыла грязный лёд с реки весна,
Зеленью окрасила пригорки
И включила птичьи голоса:
Их любовный щебет и разборки.

Провода заняли воробьи
На правах завзятых старожилов:
«Чик-чирик! Мы с вами, мы — свои,
Радуемся, люди, что вы живы!»

У скворцов уже настал покой —
Тишь и благодать в скворешне рыжей.
Ласточки хлопочут день-деньской,
Укрепляя гнёздышко под крышей.

Как на землю действуют лучи
Проверяют, словно агрономы,
Строгие, дотошные грачи —
Маленькие, чёрненькие гномы.

Может быть, как в давешних годах,
В озере черёмуховом, пенном
Соловей залётный, дивный птах,
Осчастливит местность чудным пеньем.

Выдохлись холодные ветра.
Облака всё выше и светлее.
Мир открыт для песен и добра,
Даже люди стали веселее.

Трудно нам весною не прозреть —
Мир, как воздух, чист и бескорыстен —
Птицам уподобясь, песни петь,
Доходить до корня древних истин.

А мы не замечаем...

Стучится суета сует в виски,
Ступени на подъём всё круче, круче.
А где-то рвутся тучи на куски,
И ливень бьётся о песок сыпучий.

Там день идёт, весёлый и босой,
Неся палитру и этюдник старый
Туда, где гнутся травы под росой,
Шмели гудят, ища пути к нектару.

А мы не замечаем красоту:
Весна цветёт и угасает осень.
В натурщицы желаем наготу,
Зовём и попозировать нам просим.

Забывшие мерцанье синих звёзд,
Не помнящие вид и запах хвои, —
Нам проще положить на серый холст
По памяти лишь что-то неживое.

Тем жалким образцам неестества,
Со стенами да снобами лишь знаться.
Понятно, что по части мастерства
С природой мы бессильны состязаться.

Жара

Цветёт картофель меж домов
Где синим, а где белым цветом.
Средь марев утренних дымов
Висит оранжевое лето.

Застряли в пухе тополя,
А лопухи — в дорожной пыли.
В изнеможении земля
Клянёт жарищу за насилие.

Клубок мошки́ над бочажком,
Как пыль в луче полдневном вьётся.
И люди тешатся слушком,
Что к ночи дождик соберётся.

Земля моя...

Мне этот край приятен говором,
Который сам я позабыл.
Здесь по старинке носят бороды,
А дом построив, пьют за дым.

Здесь красным словом не бросаются,
Одно — и режется конец.
В румянах девки не нуждаются, —
Любая гожа под венец.

Тут добрым взглядом сердце лечится,
Земной уклад фильтрует мысль.
Земля моя, моё Отечество
Имеют здесь глубинный смысл.

Мне — уезжать. И чудо кончится.
Опять душе вдали болеть.
Ах, как же жить безбожно хочется,
Как будто завтра умереть!

Полевая дорога

Просыпалась с петушиным пеньем,
Засыпала под совиный смех,
Знала ты иные поколенья,
Видела и горе и успех.

Видела, как смерть здесь жатву жала
В самый неудачный хлебом год,
Мертвецов к погосту провожала
И вела с молитвой крестный ход.

Было время: на тебе тачанки
Сочиняли песенную быль,
А позднее гусеницы танков
Поднимали яростную пыль.

На тебе лежат следов отметы,
Оторвавших души от труда
Мужиков, пропавших в далях где-то,
Так и не вернувшихся сюда.

Нынче — мир. И мы идём дорогой,
Той, знакомой дедам и отцам,
Полевой, волнующей и строгой,
И дороге этой нет конца.

Нас убеждают...

Нас убеждают учёные разные:
Птицей, животными водит инстинкт,
Нет у зверей никакого разума,
Есть эволюции гибельный ринг…

Море в неистовом плещет размахе,
Четверо суток над ним перелёт.
Сильный журавль обессилевшей птахе
Отдых на собственном теле даёт.

С палубы за борт собака упала,
В миг оказавшись приманкой акул.
Сколько дельфинов на помощь сбежалось,
В круг свой поспешно беднягу замкнув!

Нет, я не верю, что лишь по наитию
Пчёлы работают, птицы поют.
Знаю, за спорное это открытие
Премию Нобеля вряд ли дают.

Только б неплохо гордыню отринуть
И присмотреться вокруг не спеша.
Звери и птицы, растенья, — за ними
Тоже виднеется божья душа.

Если б с горы мы на них не смотрели,
Высокомерье сумев отключить,
Эти в соседях живущие звери
Многому нас бы смогли научить.

Врут, будто молодость прошла...

Иди, дыши, рассвет встречай,
Минуй иссохшийся валежник.
Там в осень смотрит иван-чай,
Тут ждёт тебя весной подснежник.

На бережку, где речка вьёт
Струёю солнечные блики,
Тебе лукаво подмигнёт
Глазок весёлой земляники.

Взгляни на мир, как в первый раз,
(А годы, годы — всё пустое…)
Он сам,без грима и прикрас,
Выводит души из простоя.

Молись и травам, и цветам,
Коль нет иных богослужений,
И этим царственным местам,
И праху старших поколений.

Врут, будто молодость прошла…
На сердце солнечно и чисто.
И пусть наполнится душа,
Как лес, и щебетом,и свистом.

В обители певчего братства…

В обители певчего братства,
В зелёного ветра поместьях
Деревья о небо стучатся
С какою-то важною вестью.

Какое подвигло их бремя
Взывать к благодати пророчеств?
Быть может, им хочется время
Осенних ненастий отсрочить?!

Чтоб ранние длились рассветы,
Чтоб ржавчина листья не била
И чтобы весенним приветом
От корня наверх мчалась сила.

Возможно, мольбы несуразны,
Для неба ни капли не значат…
Но только с тоскою заразной
О том же душа моя плачет.

Хотел поднять тебя на постамент…

Любви, наверное, не стоит избегать:
Она в сердцах горячих не опасна.
К твоим ногам её я возлагать
Пытался, но, похоже, что напрасно.

Хотел поднять тебя на постамент,
Чтоб и другие приобщились к чуду.
Как радугу с цветным сплетеньем лент,
Тебя бы было видно отовсюду.

А я б, как самый истый чародей,
Убрав покровы из туманов зыбких,
Дарил подобно солнцу для людей
Твою неповторимую улыбку.

Но ты холодным взглядом обожгла,
Прошла моделью в запахе парфюма…
Дай бог, чтобы когда-нибудь нашла
Так любящего явно и безумно!

Русь

«Умом Россию не понять…»
Ф. Тютчев

Нас в самом деле нелегко понять,
Известно на Руси такое свойство:
Ломать — так до самих основ ломать,
А посягать — так на мироустройство.

В истории её нет лёгких лет,
Но Русь идёт помочь туда, где тяжко.
И русский, будь сосед иль не сосед,
Готов отдать последнюю рубашку.

А эта жажда первой борозды!
Великое народное терпенье —
Сажать и ждать, когда твои сады
Откроют душам радость обновленья.

Такой размах! Здесь есть что примечать, —
Ведь ширь России лишь полуоткрыта.
И правнукам достанет изучать
Её просторов бесконечный свиток.

Леса и долы взглядом не объять,
Моря и горы жизнью не измерить.
За них нам стоит жить и умирать,
Без них ведь даже не во что нам верить.

Синий, синий небосвод…

Синий, синий небосвод,
Алый, алый флёр зари…
Этот резкий поворот
До любви от нелюбви.

Мир наполнен светом всклень.
И навеки позабыт
Серый, серый, серый день,
Серый, серый, серый быт.

Белый, белый, белый снег,
Чистый, чистый, чистый лист.
Но уже не страшен век
И не столь опасен риск.

Опрокинуть горы б смог,
Раскрошить торосы льда, —
Я теперь не одинок,
Остальное — ерунда!

Без тебя мне счастья нет,
Оно в общем нашем — «мы».
Без тебя мне белый свет
Пострашнее чёрной тьмы.

Я б зарёкся, я бы бросил...

Я, стихи свои забросив,
Стал бы выглядеть важней.
В мире столько есть ремёсел
И доходней, и нужней.

Я б зарёкся, я бы бросил
Грустью-словом моросить.
Только будто хочет осень
Что-то важное спросить.

Я бы бросил. Только если б
Душу в небо не звала
Незаписанная песня
Из-под птичьего крыла,

Не роптали б в чаще ели,
Так привыкшие молчать,
И волнушки б не умели
Ставить круглую печать.

Если б утки не пугали
По утрам речную тишь,
И к воде, блестя рогами,
Лось не лез через камыш.

Если б паузою снега
Не скрывалась завязь строк,
И для нового разбега
Не копился вешний сок.

Вряд ли стал бы я безгрешным,
Отрекаясь от стиха…
Вдруг да вызреет в дальнейшем
Самолучшая строка!

Последнее цветение

Куст стучится прямо в сени,
Словно с вестью ездовой.
Городок в реке сирени
Чуть не тонет с головой.

Цвет тяжёлый клонит ветви,
Душным запахом гнетёт, —
Так отчаянно пред смертью
Куст пораненный цветёт.

Лепестки, срываясь с веток,
Анемичны и наги, —
Норовят навстречу лету,
А летят под сапоги.

Выпадает за ограду
Розовато-синий снег.
Не цветут так, если вправду, —
Так прощаются навек…

Зима

Зима. Она — такая русская,
Что и без паспорта видать!
Как любо ей тропинкой узкою
И трактом северным шагать.

Платок на ней в узорах инея
С кистями цвета снегирей.
Знаком ей запросто, по имени,
Хозяин Севера — Борей.

Уютно ей в расшитых валенках
Себе дать отдых от забот.
Как чай Кустодиева барынька,
Она крепчайший воздух пьёт.

Пред нею — статною и гордою —
Взлетают кони на дыбы.
Она проходит шумным городом
И деревенькой в три избы.

Она привыкла прямо в очи нам
Глядеть — и другу, и врагу.
Как сарафан холодной полночью
Метель полощется в снегу.

Порою одичало-строгая,
Порой разбитно-весела, —
Она за душу чем-то трогает,
Как та вдовица из села.

Поговорите же...

Был не собой, а делом занят,
Копил минутки для забот.
А этот, в общем, милый парень
Никак не мог закрыть свой рот.

Сердиться, думалось, негоже,
Но сам при этом намечал,
Что стану с возрастом я строже
К необязательным речам.

Без реплик — пошленьких и тусклых —
Всегда возможно обойтись,
Чтоб только в суть, где боль и чувство,
Как острый нож, вонзалась мысль.

Теперь — в годах. Сутулю плечи,
Но в гущь людскую лихо прусь,
Чтоб только словом человечьим
Развеять старческую грусть.

Ночных бессонниц жалкий житель, —
Один, как перст, хоть волком вой:
«Эй, вы! Куда же вы спешите?!
Поговорите же со мной…»

НУ ВОТ, ОНА ПРИШЛА…

Вновь празднично горят
стволы высоких сосен,
упруго упираясь
в свод неба голубой.
Ну вот, она пришла,
божественная осень,
пришла, нас удивив
походкой молодой.

Последний Спас на днях
в путь ласточек отправил.
Степенный белый груздь
ждёт на приём гостей.
И тянется тропа
в рябиновой оправе
всё дальше, дальше в лес
от дрязг и от страстей.

Берёзовым листом
усыпана речушка,
а берег будто врос
в пожухлую траву.
Черёмуха свой флаг
взметнула на опушке —
последний бастион
за летнюю страну.

Отчётливее даль
и небо стало выше,
а ягоду брусники,
как яхонт, держит мох.
и всё яснее я,
всё явственнее слышу
то слово, что искал,
но всё найти не мог.

Благословенна будь,
рябиновая осень!
Способна люд красой
ты в плен заполучить.
Бери, бери нас в плен, —
мы очень тебя просим.
А там, глядишь, любви
нас сможешь научить?!

НАПИСАЛА ПИСЬМЕЦО…

В строчки верные слова
как будто сложены,
Но не поздно ль по ушедшему вздыхать?!
Мы и раньше были слишком непохожими,
И о том напоминала часто мать.

Я ж беды большой в отличиях не видела,
Ведь у разных полюсов сильнее связь,
И безропотно доверила роль лидера,
А роль лидера ему не удалась.

Может, следует махнуть:
то дело прошлое…
Разберись теперь: кто прав, кто виноват.
Но ведь было и у нас порой хорошее,
Правда, было это много лет назад.

Невесёлою порою, в осень позднюю
Захотелось некрадёного тепла,
Чтобы кто-то, не боясь, являлся с розами,
И беседа по-домашнему текла.

«Не проси! —
припоминалось жизни правило, —
А уходите, всегда гасите свет.»
Написала письмецо, но не отправила,
Побоялась резких слов себе в ответ.

АНТОНИНА ФИЛИППОВА

Россия, Санкт-Петербург

***

Сизый дым, над озером кружа,
овевает утренней прохладою…
Я не так должно быть хороша,
как когда-то… да уже не надо мне…

Всё осталось где-то далеко,
незаметно упорхнуло в прошлое.
Лишь букетик полевых цветов
с нежностью напомнит о хорошем мне.

Лишь росой невыплаканных слёз
окропит туман траву высокую
и тропа в страну ушедших грёз
скроется за колкою осокою…

***

Я для тебя словно лунный свет,
бледный холодный, издалека.
И притяжения вовсе нет
в этой картинке наверняка…

А может просто не знаешь ты
самого главного обо мне?
А вдруг растут на луне цветы,
там на невидимой стороне?

Что же в них скрыто? Быть может страсть?
Может быть страх или просто боль?…
А впрочем лучше тебе не знать,
чем я совсем не делюсь с тобой…

***

Хоть спорить с мудрецом напрасный труд
и я могу наивной показаться,
но полагаю утвержденья лгут,
что все вокруг способны продаваться.

Я не приемлю этот постулат,
и жизнь бы для меня ужасной стала,
когда бы продавались все подряд
и слово правды вовсе не звучало.

Пускай кочует зло из века в век
и отменить его не в нашей власти,
но не продастся честный человек
ведь для него совсем не в деньгах счастье.

Хотя быть может нынче мир таков,
и доказательств есть тому немало…
Но, уважая мысли мудрецов,
я всё же верю в доброе начало…

***

Ночь в окно моё смотрит, вокруг тишина…
Не пойму отчего мне сегодня не спится.
Мелкий дождик за тёмным просветом окна,
Словно просит впустить, осторожно стучится.

Мне не скучно одной, я совсем не грущу.
Только быстрые строчки бегут по бумаге…
Я тихонько окно приоткрою дождю,
Видно тоже не спится ему — бедолаге.

***

Как радость лета кончится зимой,
Как перелётных птиц умчатся стаи,
Так мы, мой друг, расстанемся с тобой
И я уже сейчас об этом знаю!

Прольётся небо каплями росы.
Объявят срок задержанного рейса.
И кто-то грустно глянет на часы,
И где-то застучат на стыках рельсы…

Повиснет над землёй ночная тень.
Явив, что расставанье неизбежно.
Лишь отголоском уходящий день
В нас зазвучит и трепетно и нежно…

***

Ну вот, опять сковала сердце грусть.
В груди тоска и обречённость даже…
Зимы я приближения боюсь,
Пока на землю первый снег не ляжет.

Бело и чисто станет всё вокруг!
Придёт взамен промозглой серой скуки.
И в кружева принарядившись вдруг
Деревья мне свои протянут руки.

И сердце снова радостно вспорхнёт,
И запоёт, подобно малой птахе.
И, как в волшебной сказке, Новый Год
Под бой часов мои развеет страхи…

***

Меж берёз и сосен,
Где дрожат осинки,
Тихо бродит осень
По лесной тропинке.

Где-то растеряла
Все свои одежды.
И совсем не стало
У неё надежды.

Словно всё сгорело!
Ветер пепел носит…
«Я так не хотела,» —
Тихо плачет осень.

Ей наверно очень
Тяжка эта ноша…
Не волнуйся, осень,
Я тебя не брошу!

Зонтиком прикрою,
Оботру слезинки.
Поброжу с тобою
По лесной тропинке…

***

О, возраст женщины…
Тут лучше промолчать!
Не спрашивайте даже — не отвечу.
Свои года не хочется считать.
Тем более вести об этом речи.

Жизнь коротка, как вешняя гроза,
Что в мае так легка и быстротечна.
Всего лишь миг — и вот уже в глаза
Тебе неумолимо смотрит вечность…

Былой красы вдали растаял след
И на лице морщинки всё заметней…
И всё-таки в душе мне тридцать лет…
Но я мудрей себя тридцатилетней!

***

Декабрь… И всё зимою задышало!
И снегом заметает то и дело…
Как радует всегда зимы начало,
Когда вокруг становится всё белым!

И мне грустить не хочется нисколько.
Осенняя тревога вдаль умчалась.
Я помашу рукою ей вдогонку
И словно снова крылья за плечами!

Пусть в зиму отрастают понемногу.
Расправятся, когда весна настанет.
И снова позовут меня в дорогу
В далёкий край, что так зовёт и манит.

***

Ничего с собой не поделаю!
Словно дивных чудес пророчица,
Ах,зима, ты такая белая,
Восхищаться тобою хочется!

Надышаться морозным запахом,
Ощутить себя безмятежною.
Любоваться, как звёздным бархатом
Ночь плывёт над равниной снежною…

Это кто, выйдя в поле чистое,
В темноте осторожно прячется?
На снегу от хвоста пушистого
Лёгкий след к утру обозначится…

***

Снова белой порошей
Замело полустанок…
Только я, мой хороший,
Ждать тебя не устану!

Где ты бродишь не знаю,
Отчего не со мною…
Видно мой полустанок
Обошёл стороною.

И наверно напрасно
Сшито белое платье.
И тебя мне дождаться
Целой жизни не хватит…

И совсем он неважен
Этот мой полустанок…
Только может однажды
Ты придёшь спозаранок.

Не собьёшься с пути,
Постучишься в окошко.
Тихо скажешь: «Прости!
Задержался немножко…»

***

Исчезает краса —
Лето сдали в утиль.
Желтый лист, как гирлянды
На ветках повис…

Ветра ждут паруса,
Но пока полный штиль.
Или это природы
Последний каприз?

Как торжественный строй
Лес прозрачен и тих…
Вот и кончилась сказка,
А ты не горюй!

Хочешь, зимней порой
Я пришлю тебе стих
И горячий, как чай,
Подарю поцелуй…

***

Казалось бы вчера мне думалось с тоской,
Что с летнею порой так грустно
расставаться…
А вот уже февраль! Не верится самой,
Что мне теперь с зимой не хочется
прощаться.

Повсюду так бело, что впору к алтарю!
Пушистый мягкий снег всю землю
устилает.
И хочется сказать спасибо февралю,
И любоваться им мне не надоедает…

А этот чистый снег, как благовеста звон,
И трепет, и восторг душе внушает разом.
Как сказочно красив природы дивный сон
В сиянье серебра и россыпи алмазов!

***

Полвека о тебе скучает снег,
Лежит повсюду и никак не тает…
А ты хранитель мой и оберег
И мне тебя ужасно не хватает…

Полвека о тебе хлопочет дождь
И барабанит каплями по крыше…
А солнце светит там, где ты живёшь,
И где земля опять весною дышит…

***

Уже весна на низком старте,
Хотя ещё метут метели…
А к нам тепло придёт не в марте
И может даже не в апреле!

Ещё такие ждут морозы,
Каких и в зиму не бывало!
А там, где зацвели мимозы,
Весна успешно стартовала…

И всё же сетовать не буду,
Что снег у нас растает в мае.
Весны предчувствие повсюду!
Она придёт, я точно знаю!

***

Я помню голубые дали,
Небес невиданный размах…
Как таял лёд в твоём бокале
И поцелуи на губах.

Чуть горьковатый привкус виски,
Кружащий голову слегка.
И были невозможно близки
Твои глаза, твоя рука…

В июльский зной упало лето,
Притих к полуночи прибой…
И было только два рассвета
Для нас с тобой…

***

Ты помнишь ли, друг мой,
Серебряные дали,
Где в юности с тобой
Частенько мы бывали?

Там тайною была
Случайная находка —
Заброшенный причал
И маленькая лодка!

Мы плавали на ней
В любую непогоду.
Хоть черпать из щелей
Нам приходилось воду.

Хотелось так всегда
Сидеть с тобою рядом,

Смущаясь иногда
Твоим влюблённым взглядам.

И та пора была
Спокойной и беспечной.
И лодочка плыла,
И жизнь казалась вечной…

Нам пели соловьи,
А мы с тобой встречали
Рассвет своей любви
На стареньком причале…

***

Всё бесполезно — пустые обиды,
О быстротечном былом разговоры…
Лето опять исчезает из вида
И к сожаленью, вернётся не скоро…

Всё суета, мы торопимся слишком,
Жизнь подгоняем, того не желая…
Ну отчего, как девчонке-глупышке,
Кажется мне, что ещё не жила я..

***

Когда на землю ляжет жёлтый лист
И в школе вновь за парты сядут дети,
Мы все, конечно, загрустим о лете…
И шёпот ветра перейдёт на свист,
Когда на землю ляжет жёлтый лист.

Когда на землю ляжет белый снег,
Нам лето вновь покажется подарком.
Забудется, что было слишком жарко…
И время словно свой замедлит бег,
Когда на землю ляжет белый снег.

ФРАНЦ НАХТИГАЛ

Германия, г. Мэттманн

Ах, душа ты моя, непутёвая

Ах, душа ты моя, непутёвая —
Не по нраву тебе города.
Суета городов бестолковая,
Выливает толпу в никуда…

Мне б в деревню, где солнечным заревом
Разжигают рассвет петухи,
Где околицей пыльное марево —
Выгоняют стада пастухи…

Мне б туда, где ветла кучерявая
Серебром над рекой шелестит
И, как в сказке, русалка лукавая
В перекатах монистом звенит.

Деревенские притчи расскажет мне,
Ветерок в переплётах ветвей
И споют перепёлочки слаженно,
Мне вечернюю песню степей.

Ах, душа ты моя, непутёвая,
Не приемлешь ты шум городской…
Не пугают погоды суровые —
Обретаю я в сёлах покой.

В коробке картонной

В старой коробке картонной
Храню рукописную грусть —
Юность, когда был влюблённым,
Сторонку по имени Русь…

Запахи пыли бумажной,
Чернильной строки аромат…
Вирус подхвачен однажды —
Есенин в том был виноват.

Слово российских селений,
Раздольное слово степей,
Осени песенный гений
Мне дарит под клик журавлей.

В старой коробке картонной
Храню первоцветы любви —
Сердца весеннего звоны
И неба ночные огни…

Белую кипень черёмух
И ласковость девичьих рук,
Лето полуденной дрёмы
И зимней метелицы пух —

Памяти ритмы хранятся
На хрупких тетрадных листках —
То графомана богатство…
А может в поэзию шаг?

В перевёрнутом мире

Мне фантазией звёзд голубые метели,
Не случившихся зим напевают мотив.
Здесь дожди заменив снегопад на капели,
Передержкою света чернят позитив.

Белоснежный покров оставляю Сибири —
Беспредельные дали Алтайских степей…
Привыкаю я жить в перевёрнутом мире,
Где меж каменных стен не оставлю корней.

Ты прости, что увлёкся экзотикой «готов» —
Каменистых пещер предложив пустоту,
И поверив подделкам предложенных
лотов —
Подарил площадей городских суету.

И теперь не вернуться в тот искренний
вечер,
Где фантазией звёзд нас кружила метель.
Где сибирский снежок нам ложился
на плечи
И под вьюгой качалась любви колыбель.

Не вернуться туда, где туман
серебристый
Предрекая рассвет, оседает снежком…
Надо мной небосвод,
по-осеннему мглистый,
Где зима не по-русски печалит дождём.

Впечатление

Укутав солнце сереньким кашне
Из туч, замытого дождём рассвета,
Осенним «впечатлением» Моне —
Звенело слово-исповедь поэта.

Что дней осенних истина одна
И увяданья час нам дан от Бога —
За шумом вёсен — лета тишина,
За ярким летом — осени тревога…

У каждого явления свой срок —
То петь апрельской юности капелью,
То лета зрелого плести венок,
То рисовать осенней акварелью.

А там, рукой подать нам до зимы,
Что заиграет грустный марш Шопена
И бледным отражением луны
Искрится снег, ложась на жизни сцену.

В этом городе чужом

Ночи час. Брожу я одиноко,
Звёзд далёких наблюдая бег…
Небо нацепило свой монокль —
Смотрит лунным оком мне вослед

В этом городе чужом так пусто!
Не понять мне «музыку» камней
И листва дубов прошепчет грустно:
— Друг, беги от этих площадей…

Это царство камня и рекламы
Закружит не нужной суетой —
Станешь персонажем новой драмы,
Что с бомжами ищет дна покой.

Станешь покупать грехи чужие,
Хвастаться успехом за вчера —
Вспомнишь девяносто роковые
И слова, что наша жизнь игра…

Ночи час, и так мне одиноко —
Небо затянули облака,
Только в блеске затемнённых окон
Остывает лунная тоска…

«Гамбургские тетради»
День вчерашний

Небес созвездия-узоры,
Шалаш, костёр и разговоры,
Гитары звонкой переборы —
Как будто было всё вчера…

Нам жизнь казалась безупречной
И впереди ждала нас вечность,
А милых девушек сердечность
Любовью полнила сердца!

И были все мы — Дон Кихоты
Иной не ведали заботы —
Идти на брань, ходить в походы
И побеждать во имя дам…

Мечтали, верили, любили.
Цветы охапками дарили —
Пунцовость роз и нежность лилий
Бросали мы под ноги вам!

Теперь же это — день вчерашний,
А в нашей жизни настоящей
Любовь ушла, остались шашни —
Такие вот, старик, дела.

А было всё ещё вчера…

Есенину

Резал по живому, чтобы снова
«Кровью чувств ласкать чужие души» —
Он себя обрёк на верность слову
И творил из сердца взятой тушью.

Пел про край, где колосилось рожью
Русью наречённое раздолье.
Зажигал любви лампаду Божью,
В Осень уходил на богомолье.

Сердцем собирал он боль чужую —
Рубцевал словами наши раны
И молитву сочинял святую,
Чтоб очистить души от изъяна.

Говорят, прослыл он хулиганом —
Уст девичьих пил вино хмельное,
Но в словах не ведал он обмана,
Воспевая Божье и земное!

Слышу песнь твою — про Русь святую,
Да про край рябиновый осенний…
По земле родимой затоскую
Словом чувств, что подарил Есенин!

Зимы мои
(белый стих)

Ночь туманная дождём оплакана,
Капли след плывёт в окне узорами…
Ночь бессонная прошла по площади,
Видно, январём зимы не ждать!

Тусклы зори — в небо серым заревом.
День разбужен снова дождепадами,
Что опав на город мелкой сеткою,
Капелькой звенят на мостовой.

Где вы… Где вы, зимы белоснежные?
Где вы, вьюги?.. Вьюги в степь бескрайнюю,
Да морозы крепкие, крещенские,
Чтоб на речке вырубить купель.

Вспомню я, Сибири зимы дивные,
Где снега лежат в степи волнистые,
И морозной ночи звёзды чёткие
Манят вдаль за синий горизонт.

Там в рассветы солнце ало-красное
Расцветёт в окошках белой розою.
И проснутся холода колючие —
Январи такие мне нужны!

И пою я, грустью одурманенный,
Не зимы картинки здесь, на Западе,
А пою Сибири зимы дивные,
Что остались в памяти моей…

За юностью следом

Я упрячу тоску в бледноликую лунность,
Пусть она догорит там свечою осин.
Поверну лошадей в лучезарную юность,
Там для грусти, поверь, не найдётся
причин.

Остывающим летом повернуть бы на вёсны,
Где в берёзовость дня оседает апрель.
Переливчато-звонкий,
любви моей крёстный,
На свиданье настроит мне ветра свирель.

Эх, лошадки, резвее за юностью следом,
Там красавица ждёт под весенней луной!
Ты постой, погоди позабытое Где-то —
Лошадей загоню ради встречи одной!

Оставляю тоску золотистому клёну —
Пусть её унесёт облетевшей листвой…

Мне бы губы твои поцелуями
тронуть
И как прежде в апрель —
любоваться тобой!

Зачем, скажи мне

Ах осень, осень сероглазая,
Зачем опять печаль поёшь?
Зачем дождливых слёз алмазами,
Моим окошком бисер шьёшь?

Твердишь — не дождь, то звёзды падают,
Что там, за тучами, живут
И только солнца луч отрадою
Скользит порою пять минут.

Ах, осень, осень торопливая,
Зачем спешишь ты в листопад?
Зачем поникнув долу ивою,
Печалишь мой усталый взгляд?

Не листопад печалит осенью —
Неразделённая любовь!
Она окошком пишет прописи
Тоскою созданных стихов.

Зачем, скажи мне золотистая,
Тоскуешь стаей журавлей?
Зачем, зачем роняешь листья ты,
Забытой юности моей?…

Край мой сибирский

Зимних степей белоснежная нежность,
Вешних лугов кучерявый туман,
Летнего неба бездонная вечность,
Осени зрелой печальный дурман…

Край мой сибирский, где северный ветер
Песни поёт серебристостью зим.
Снежные звоны, да волчьи дуэты —
Край наш сибирский в душе мы храним.

Край мой сибирский — весёлые ритмы
Звонкой капелью исходят снега.
Сочные краски весенней палитры,
Край мой сибирский роняет в луга.

Край мой сибирский, где летние зори
Пали на степь васильковой росой.
Степи без края, ковыльное море,
Край мой сибирский — берёзка с косой.

Край мой сибирский, пора золотая —
Время подходит собрать урожай.
Памятью сердца страницы листаю —
Край мой сибирский, родимый мой край!

Как бы хотел, под берёзкой тенистой,
Там, где так вольно могу я вздохнуть —
На крутояре, под солнцем лучистым,
В милой Сибири закончить свой путь…

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСТВО ТИХОНА ХРЕННИКОВА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Последние десятилетия в творчестве Тихона Хренникова ознаменованы обращением к инструментальным и симфоническим жанрам.

В конце пятидесятых годов композитор по совету Леонида Когана пишет скрипичный концерт, давно вынашивавшийся и самим композитором. Хотя Хренников никогда не играл на скрипке, но свой концерт он создал вполне профессионально. Осенью 1959 года Л. Коган сыграл его в Москве и затем исполнял его во многих концертных залах страны и других государств. Высокую мелодичность нового произведения отмечал М. Чулаки. Другие критики писали об изяществе фактуры и жизнерадостном звучании музыки. Так, И. Мартынов писал: «Настроение это устанавливается уже в первых тактах, где на фоне четко ритмованных аккордов оркестра звучит решительная, устремленная главная тема. Чувство эмоциональной приподнятости не покидает нас, когда мы следуем за композитором от одного эпизода к другому, слушаем напевную побочную тему <..>, затем плавную музыку второй части, напоминающую о жанре лирического романа, и, наконец, стремительно летящий каскад мелодий финала» [1]. Концерт этот, созвучный современности, исполнялся потом Игорем Безродным, Эдуардом Грачом, Владимиром Спиваковым. Новое сочинение вобрало в себя лучшие особенности музыки Хренникова. Трехчастный цикл концерта открывался красивым сонатным аллегро, затем развертывалось лирическое анданте и завершался стремительным финалом. Музыка его обрела свою устойчивую жизненность.

За этим произведением последовал Второй скрипичный концерт, который был признан сразу и назван жемчужиной скрипичной музыки XX века. Построен Второй концерт был так. Сначала шла короткая, но очень динамичная первая часть, где солирующая скрипка организует звучание других инструментов. Среднюю часть составляют очень красивое анданте, исполненное глубоким внутренним драматизмом. Финал отличается весельем, танцевальностью и напором. Этот концерт легко и быстро включился в репертуар многих крупных скрипачей. Так, Игорь Ойстрах говорил: «Музыка Тихона Хренникова сыграла немалую роль в моей артистической биографии последних лет. Наша дружба и творческие контакты начались именно со Второго концерта. Мне очень нравится это произведение.

Оно на редкость емко по своей музыкальной наполненности, четко и ясно выражает авторские мысли. В концерте нет ни одной лишней ноты, а форма сочинения исключительно интересна и необычна. Трудно вспомнить в скрипичной литературе аналогичную по характеру первую часть с ее афористичной краткостью. <..> Лирическое адажио исключительно проникновенно, оно покоряет пленительным изяществом» [2]. Выразительность музыкального языка этого сочинения отмечает и скрипач Григорий Жислин.

По заказу австрийских организаторов фестиваля в Каринтии Хренников создал «Три пьесы для скрипки и фортепиано» (1978 г.). В этот цикл вошли «Дифирамб», «Интермеццо» и «Танец». Родилась, по существу, трехчастная соната, музыка которой отличается виртуозным мастерством. Партия фортепиано по своей виртуозности не уступает скрипичной. Эти «Три пьесы» часто исполнялись в камерных и симфонических программах. Очень высоко оценили это сочинение ведущий австрийский критик Х. Шнайдер и советский скрипач И. Ойстрах.

Параллельно этим произведениям Хренников сочиняет Концерт для виолончели с оркестром. Он был необычным по содержанию и форме. Первая его часть получила название «Прелюдия», вторая — «Ария» (обе они звучат в медленном темпе), а третья часть стала динамичной «Сонатой». Очень оригинально солирующая виолончель перекликается с другими инструментами оркестра: с флейтой, фаготом, скрипкой, челестой и альтами. Д. Шостакович восторженно отзывался о музыке концерта. Р. Щедрин писал после премьеры сочинения: «Концерт привлекает светлым, лирическим тоном, непосредственностью чувств, легкими пастельными красками. Я бы сказал, что эта музыка светится доброй улыбкой, задумчивая песня и озорной танец определяют круг ее образов и эмоций» [3].

Но самым дорогим для композитора инструментом оставалось фортепиано. Еще в начале шестидесятых годов был задуман, но осуществлен лишь осенью 1971 года «Второй фортепьянный концерт». Это было жизнерадостное и жизнеутверждающее сочинение, произведение, состоящее из трех частей: медленной первой части (в конце ее вступает оркестр), второй — соната в быстром темпе и третьей части — финал с большой фортепианной каденцией в середине. «Второй фортепьянный концерт» с его упругим рондо в финале занял прочное место в мировой пианистической практике. Ему аплодировали в Москве, Саратове, Ленинграде, в крупных городах Испании. Он стал выдающимся событием в музыкальной жизни страны.

За ним последовала «Третья симфония» Хренникова, созревавшая довольно долго. Премьера ее состоялась 11 марта 1974 года в Большом зале Московской консерватории. Дирижером выступил Евгений Светланов. Как всегда, построение нового сочинения стало оригинальным. Вместо привычного сонатного аллегро первой части явилась стремительная фуга, очень красочная и изобретательная. Вторую часть составляло лирическое анданте, а финал — аллегро, с его

апофеозом, воспевающим радость жизни. Но произведение отличается своей целостностью, заметными перекличками фуги и финала, лирических эпизодов Интермеццо и срединного эпизода третьей части. Третью симфонию Хренников посвятил Е.И. Литинскому, одному из своих консерваторских учителей.

Можно поражаться интенсивности творчества композитора, если учесть, что его постоянно отвлекала от основного сочинительства то работа над детской оперой «Мальчик-великан» для театра Наталии Сац, то создание трех хоров на стихи Некрасова. Сюда вошли «Перед дождем» с контрастом безмятежной природы и тягот жизни, «Несжатая полоса» с ее щемящей скорбью и «Внимая ужасам войны» с острой драматичностью хора. Музыка этих трех хоров, напевная и грустная, органически связана с некрасовскими стихами, отмеченными высокой гражданственностью звучания. Выдающиеся произведения Хренникова были отмечены высокими правительственными наградами. В 1967 году он был удостоен четвертой Государственной премии СССР, а в 1974 году — Ленинской премии.

В 1963 году он получил звание Народного артиста СССР, а в 1973 году — звание Героя Социалистического Труда. В 1966 году он стал профессором Московской консерватории, в которой преподавал с 1961 года.

Между тем творчество композитора продолжало завоевывать новые и новые жанры и высоты. Одним из таких новых жанров стал детский балет-игра «Наш двор», созданный для выпускников Московского хореографического училища. Балетмейстерами выступили Н. Касаткин и В. Василев, а декоратором стала молодая художница Наталья Хренникова, дочь композитора. Для этого игрового балета музыкальное сопровождение написал Тихон Хренников, музыку талантливую, отражающую мягкий юмор, героику и лирику. «Атмосфера безмятежности детства с его играми, забавами, с его первыми потрясениями и разочарованиями замечательно передана композитором, — писала Г. Иноземцева. — Его музыка, словно озарение доброй улыбкой, столько в ней юмора, теплоты» [4]. Однако вслед за большой удачей пришло огорчение: участники балета, окончив училище, разъехались по разным театрам страны и труппа распалась. Через 10 лет Московский театр оперетты попытается возродить балет под названием «Ребята нашего двора». Но возникла парадоксальная ситуация, когда взрослые артисты исполняли роли детей, и спектакль на сцене не удержался.

Но первый опыт должен был подтолкнуть Хренникова к созданию большого балета. И этот импульс побудил композитора в 1976 году создать для Большого театра балет «Любовь за любовь». Хренников опирался при этом на музыку, когда-то созданную для спектакля Театра имени Е. Вахтангова «Много шума из ничего». Одним из авторов либретто для нового балета стал главный режиссер Большого театра Борис Покровский. Прежняя хренниковская музыка была преобразована, существенно дополненная, и новые номера (Серенада, массовый танец,

монолог Дона Хуана) закономерно вошли в сценическое действие. Балету была придана атмосфера эпохи Возрождения, был развит гуманистический пафос пьесы, обогащены — хореографическими средствами — характеры Бенедикта и Беатриче. Но основой балета стала музыка Тихона Хренникова, органически сращенная с танцем, движением, действием шекспировской пьесы. При этом новые мелодии естественно слились с давними, когда-то звучавшими, составив стилистическое единство. Балет «Любовь за любовь» был с успехом поставлен в Софии, столице Исландии Рейкъявике, Познани и югославском городе Нови-Саде. Восторженно встретили балет жители Франции и Швейцарии, назвавшие партитуру спектакля ярко эмоциональной и исполненной тонкой красоты.

Через три года Хренников создал новый балет — «Гусарскую балладу», опираясь на музыку спектакля драматического театра «Давным-давно» А. Гладкова. Композитор стал часто приезжать в Ленинград, где хореограф Олег Виноградов написал либретто нового балета и готовился к его постановке. Премьера состоялась в апреле 1979 года в Кировском театре. Первые спектакли показали, что «Гусарская баллада» стала очередным крупным достижением композитора. Р. Глезер писала в «Известиях»: «Хренников обладает секретом постоянного обновления. Новые черты дают о себе знать в полифоническом развитии ткани, игривости ритма, в филигранности партитуры, четкости структуры отдельных картин и балета в целом. Композитор написал замечательную сцену бала с полонезом, мазуркой, нашел необычное для музыки балета решение картины в ставке Кутузова. Музыкальная тема французского войска разрабатывает ритм старинного французского марша. Ей противопоставляется тема русских воинов, интонационно напоминающая народные солдатские песни <..>. Финал звучит как чудесно распетый гимн любви, как утверждение верности, благородства и красоты чувства» [5].

Через год балет был поставлен на московской сцене, в Большом театре. Композитор не ограничился тем, что было написано ранее. Он расширил партию Шуры Азаровой, ввел новую партию французской актрисы Жермон, внес лирическую струю во второй акт, построенный на батальном материале. Балерина Е. Максимова получила для себя благодатный материал, который она блистательно воплотила в танце. В спектакле по-новому и с блеском раскрылось адажио Шуры и Ржевского в финале балета.

Если мы припомним, что до этих балетов Т. Хренников создавал оперы («В бурю», «Фрол Скобеев», «Мать»), оперетты («Сто чертей и одна девушка», «Белая ночь»), симфонии (их было три), концерты для фортепиано, скрипки, виолончели с оркестром, музыку к спектаклям драматического театра («Много шуму из ничего») и к фильмам («Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны»), песни («Песня о Москве», «Что так сердце, что так сердце растревожилось»), романсы (на стихи Р. Бернса), хоры (на стихи Некрасова), то наше представление

о широте жанрового репертуара композитора приблизится к необходимой полноте. А если мы представим себе многообразие общественной деятельности композитора, который был генеральным (с 1948 года), первым (с 1957 года) секретарем правления и председателем (в 1990-1991 годы) Союза композиторов СССР, депутатом Верховного Совета страны, профессором Московской консерватории (с 1966 года), то исключительно широкий масштаб его деяний станет очевидным. Среди учеников Хренникова — А. Чайковский, В. Кикта, В. Овчинников и другие. Выдающийся композитор, он внес исключительный вклад в культуру России.

ЛИТЕРАТУРА.

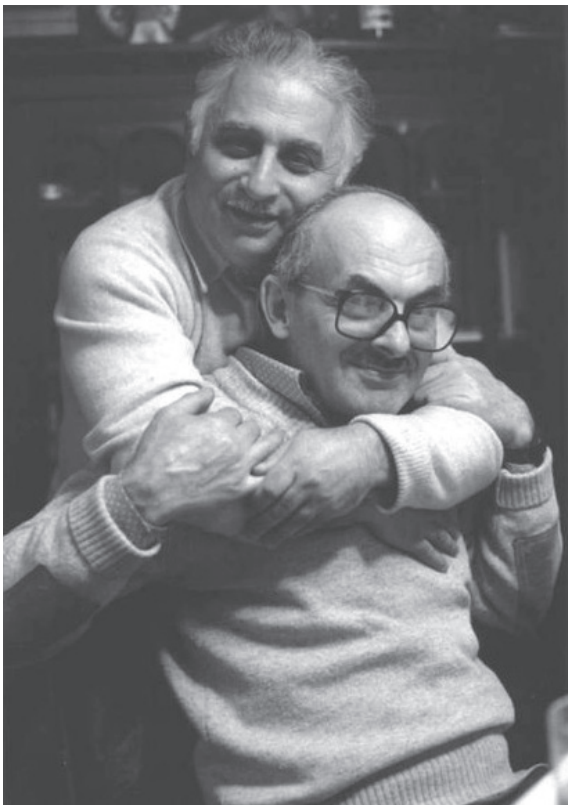
1. Советская культура, 1959, 19 ноября
2. *Григорьев А.*, *Платек Я*. Его выбрало время. – М.: Сов. композитор, 1983. – с. 229.
3. Правда, 1964, 6 декабря.
4. Советская культура, 1970, 12 ноября.
5. Известия, 1979, 5 мая.

Лариса Лесина
(Россия, Санкт-Петербург)

ИСААК ШВАРЦ. «МЫ БЫЛИ КАК БРАТЬЯ»

Композитор Исаак Иосифович Шварц (1923-2009) был автором музыки к 120 популярным советским фильмам, среди которых «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Соломенная шляпка, а еще к 35 театральным постановкам и автором множества известных романсов. На протяжении многих лет его связывала с поэтом Булатом Окуджавой не только совместная работа, но и огромная творческая и человеческая дружба. «Избранное» публикует воспоминания Исаака Шварца об этом уникальном творческом союзе.

«...музыкант, соорудивший из души моей костер.
А душа, уж это точно, ежели обожжена,
справедливей, милосерднее и праведней она»
Б. Окуджава. «Музыкант»



Об Окуджаве я мог бы говорить много, потому что нас связывала большая, долгая дружба, а мог бы сказать в двух словах: это был настоящий, великий поэт и замечательный человек. Булат был мне как брат и часто звонил мне не только из Москвы, но и из Парижа, когда туда уезжал, звонил, чтобы передать привет от наших общих знакомых, просто сказать несколько слов... Я часто вспоминаю его строки: «Чем дольше живем мы, тем годы короче,/Тем слаще друзей голоса».

Сначала я познакомился с его песнями. Мне трудно вспомнить, но, кажется, это был 1959 год. По соседству со мной в Ленинграде, на улице Савушкина жил мой друг, режиссер Владимир Яковлевич Венгеров. Он поставил фильмы «Кортик», «Два капитана». Я тогда начал с ним сотрудничать, написал музыку к фильму «Балтийское небо». У него в доме собирался своего рода литературный салон. Там бывали теперь известные, а тогда еще очень молодые кинорежиссеры Алексей Герман, Григорий Аронов, сценаристы, поэты, прозаики. Среди них были и те, кто потом вынужден был эмигрировать: Саша Галич, Вика Некрасов. И вот однажды вечером звонит мне Володя и просит приехать: «Я хочу тебе что-то показать». Было уже довольно поздно, и я без особой охоты собрался, но все же пошел. Мне поставили на стареньком магнитофоне пленку, на которой некто хрипловатым голосом, под аккомпанемент расстроенной гитары напевал песенки. Вся семья Венгеровых собралась вокруг магнитофона в большом волнении — от них только что ушел этот человек, которого они записали на пленку. Им хотелось услышать мое профессиональное мнение. Это были песни Булата — «Шарик», другие самые первые его песни. Они поразили меня оригинальностью и свое-

образием, сочетанием простоты и яркой метафоричности. Свежестью. Так было еще в самых ранних его вещах: слова песен могли существовать — и существовали потом как афоризмы: маленькие философские эссе, с глубоким смыслом.

А время было — глухое. Оно вошло в историю под невинным названием «застой». На самом деле это была самая настоящая густопсовая реакция, когда душилось всякое свободное слово, когда преследовалась всякая свободная мысль.

Век хрущевских качелей... Сталина только что вынесли из мавзолея, и вроде что-то забрезжило, и вроде легче стало дышать, и знаменитые вечера поэзии проходили в Политехническом, и дискуссии разные разрешены... Вот тут и появились песни Булата. Чрезвычайно лиричные, но как бы... двусмысленные. Со скрытым смыслом или даже смыслами.

Простые? Да, но это была высокая простота. И еще я сразу же отметил прекрасный мелодизм этих песен, органичный сплав слова, стиха и музыки. Позже в одном из интервью Булат сказал, что какое-то время композиторы терпеть его не могли и успокоились только, когда выяснилось, что он не композитор и им не помеха, и лишь Шварц, дескать, увидел в его исполнительстве некий новый жанр, в котором нельзя расчленить на составные части музыку и слова. Действительно, я воспринял это как-то сразу и целиком и, помню, сказал тогда Венгерову, что это своеобразное и интересное явление в искусстве.

С легкой руки Венгерова песни Булата стали распространяться среди ленинградской интеллигенции, сначала по линии киношников, которые, приходя в дом Венгерова, эти песни переписывали, потом в театральных кругах. Его песни зазвучали в доме Товстоногова. Да, действительно, композиторы к ним проявляли меньший интерес, потому что это народ такой... консервативный. Я не припомню ни одного ленинградского композитора, который тогда, в конце 50-х — начале 60-х, интересовался бы и знал творчество Окуджавы. А вот в ленинградском ВТО у него вечера проходили. Туда приходили мой большой друг, выдающийся режиссер Николай Павлович Акимов, ведущие артисты театров. Булат становился очень известным человеком. «Широко известным в узких кругах» — так это можно назвать. Но постепенно круги эти расширялись. Шли волны, по которым распространялась его популярность. И вроде ничего «криминального» не было в его песнях и выступлениях. Никакой «антисоветчины». Он никогда не высказывался в своих стихах так, как это делал, к примеру, Саша Галич. А тот уже тогда отличался резкостью. Я бы даже сказал: «антисоветской» направленностью своих стихов — про «сталинских соколов», девушку-милиционера... Интересны были песни молодого тогда Гены Шпаликова, известного своим сценарием фильма «Я шагаю по Москве». И вот в такой среде начинали боготворить Булата. Его песни проникали в души и расправляли их. Думаю, уже тогда наши доблестные органы, бдящие, так сказать, за нашей нравственностью, заинтересовались Булатом.

А вскоре у нас с Булатом произошло и очное знакомство. Он меня буквально покорил: у него был безупречный вкус во всем, что он делал. А в об-

щении он был очень прост, даже как будто застенчив. Сутулился... Как и я, не носил никогда галстуков. Ходил всегда в какой-то скромной, непритязательной одежде. Но этот тихий, немногословный, мягкий внешне человек, как потом выяснилось, мог быть очень твердым. Но — никакого пижонизма в поведении. Тот же Саша Галич, например, как бы отличался апломбом: барственный красавец, представитель «золотой» московской молодежи. А Булат — нет. И даже когда слава его уже росла снежным комом и стала не только российской, а мировой, он не менялся ни в поведении, ни в характере. Когда он приезжал ко мне, никаких особенных застолий не было. Что он любил есть? Ел всё, что только стояло на столе. У меня тогда была домработница, которая не отличалась большим искусством кухневарения, Марья Кирилловна. Нет, он любил вкусно поесть, любил... К вину относился спокойно...

Нас связывала общность судеб: мы оба потеряли отцов — их расстреляли. Но у него это произошло более жестоко. Я недавно перечитывал в журнале «Вопросы истории» материалы печально знаменитого февральско-мартовского 37-го года пленума: там часто вспоминаются имена братьев Окуджава — это были братья его отца, занимавшие видные посты в партии и приговоренные уже Сталиным. Их всех потом расстреляли... Когда арестовали отца, а потом и мать, Ашхен Степановну, Булату было тринадцать лет, он на год младше меня. Когда умирает человек, — это страшная трагедия, но это природа и с этим так или иначе свыкаешься. Но когда искусственно отторгают от тебя отца...

Конечно, мы уже тогда что-то понимали и мучились страшно. Тем более доходили глухие слухи о пытках. Позднее узнали, что моему отцу не давали спать, 72 часа подряд он стоял — пытка бессонницей. Его не били, но к концу третьих суток он нам сказал при свидании (еще свидания давали!), что был момент, когда он подписал бы что угодно. Разница

была у нас с Булатом лишь в том, что его отца арестовали в феврале 37-го года, а моего — в конце 36-го (каждый год я эту дату вспоминаю — 9 декабря 1936-го) и сослали с такой формулировкой: «без права переписки». Миллионы людей — миллионы! — потом просто пропали без вести с этой формулировкой, без суда и следствия. Вернее, суд был и дал моему отцу пять лет, но потом его расстреляли. Знаменитые гаранинские расстрелы — был такой Гаранин, почетный энкавэдэшник, который самолично, из своего пистолета, расстреливал каждого десятого, каждого двадцатого...

О гибели отца я узнал значительно позже. А мою мать вместе со мной и сестрой сослали в Среднюю Азию. Дали нам три дня на сборы... Надо вам сказать, это была вторая большая волна высылки из Петербурга. Дело в том, что Петербург — один из самых несчастных городов, наиболее пострадавший от большевиков. Потому что, начиная с 17-го, начались просто расстрелы — дворян, людей духовного звания, интеллигенции, монахов, высылки. Тогда только образовался печально знаменитый Соловецкий лагерь, который в основном рекрутировался из населения Петербурга... Крупные писатели, ученые, поэты, священники, не говоря уже об офицерстве. Кто хоть чуть-чуть был причастен к старому режиму, редко выживал...

Самая крупная волна высылок началась, когда убили Кирова, — в декабре 34-го. Да, это было начало большого террора — у нас, например, полдома мужчин было арестовано. Я говорю о Ленинграде и хочу, чтобы это попало в книгу, потому что, хоть это и отступление от темы, но это та эпоха, в которой мы с Окуджавой взрослели, это то, что нас сближало, — общая боль, судьба...

К сожалению, теперь чем дальше, тем больше стараются о страшных преступлениях режима забыть. Но сказал же кто-то из великих: кто забывает свое прошлое, обречен пережить его снова. Этого забывать нельзя.

И мы с Булатом были из тех, кто не забывал, откуда мы родом... Нет, мы не были активными противниками строя, не были антисоветчиками. Мы были патриотами своей страны, своей истории. Еще чуть-чуть, наверное, и мы могли бы стать диссидентами. Во всяком случае мы им очень сочувствовали... Поэтому всю литературу, которая тогда начала выходить в самиздате, мы читали, знали и через гул глушилок слушали «радиоголоса» из-за рубежа...

Конечно, там тоже была своя пропаганда, но хуже того, что мы видели здесь, ничего быть не могло. Мы это хорошо знали, работая, так сказать, на идеологическом фронте — имея дело с кино. Мы же оба помнили, каким диким, совершенно идиотским преследованиям подвергалось малейшее слово. Это называлось: «аллюзия». Среди киношников гуляла такая шутка. Картина ведь проходила несколько инстанций, ее резали, снова возвращали... Обком партии не был последней инстанцией, после него везли в Москву. Так вот шутка: собирается Комитет по делам искусств, смотрят кино, и главный редактор говорит: «Зачем у вас так долго облака плывут, переходите сразу на действие». Режиссер: «Нет, мне это нужно для создания настроения». Ему: «Зачем вам настроение? Зритель

смотрит на эти облака и думает: «А наш Брежнев — говно». Ну да, чтобы человек ни о чем не думал. Вот такая атмосфера была. Да, все были «за», и каждый в отдельности — против. Вот что нас связывало.

А период оттепели быстро кончился. Хрущев ведь был человек очень вспыльчивый. Когда ему показали выставку новой живописи, он почему-то всех художников назвал педерастами. Больше всех тогда пострадали Эрнст Неизвестный и Женя Евтушенко. Снова начали сажать. Первым судилищем, потрясшим нас, был процесс Синявского — Даниэля, когда писателей осудили за то, что они пишут. Мгновенно всё это отражалось на кинематографе.

А Булат Окуджава пел свои тихие песенки — про троллейбус, про одиночество, про Арбат... Он пел эти песни, и в них звучала ностальгия по свободе. Всё его творчество заставляло человека задуматься. Не то что опусы наших официальных стихоплетов. У Булата социальный момент был очень силен, но облекался, повторюсь, в безукоризненную художественную форму.

Сейчас, слава богу, времена другие, возврата к прошлому уже не будет. Хотя рабская психология на генетическом уровне осталась. Достаточно чуть-чуть, чтобы люди снова распластались.

А еще была наша общая материальная неустроенность. Каждый из нас боролся с этим на своем участке. Булат еще до нашего знакомства учительствовал, вообще жил очень тяжело... У него есть рассказ, посвященный времени его ранней юности, — «Девушка моей мечты». О том, как возвращается из ссылки его мама, Ашхен Степановна, и они идут смотреть это кино — «Девушка моей мечты»... Потрясающий по силе рассказ!

Часто нас спрашивают, как мы вместе работали. Булат хоть и называл меня привередой и говорил, что я придираюсь к стихам и капризничаю, но работали мы с ним всегда легко. Это были счастливые времена, счастливое содружество. Оно принесло много радости и утешения и нам самим, и нашим слушателям.

Всего я написал на стихи Окуджавы свыше 30 песен. Одна из них получила премию «Золотой билет». Проводили такой зрительский конкурс, и колоссальное число голосов получила наша песня из фильма «Белое солнце пустыни»: «Ваше благородие, госпожа разлука...» Ее знают, поют — ее считают народной! А были еще очень быстро ставшие популярными песни к фильмам «Звезда пленительного счастья», «Соломенная шляпка», «Женя, Женечка и «катюша»».

«Женя, Женечка...» — первый фильм, где мы работали вместе. И надо сказать, для меня это было испытанием. Я волновался, потому что Булат сам был замечательным мелодистом и у него это очень слитно было — музыка и слова. Поэтому мне уж никак нельзя было сфальшивить. Делал фильм Владимир Мотыль. Я пришел смотреть материал. Мне все говорили: что ты такое идешь смотреть, это же гиблое дело! А я, надо сказать, литературно «подкован» еще со времен ссылки, где встречался с выдающимися людьми и получил отличное литературное воспитание. Поэтому, когда я посмотрел (главного героя играл незабвенный Олег Даль, а геро-

иню, Женечку, — Галя Фигловская, прекрасная актриса, к сожалению, рано она умерла), то понял, что это может быть великолепный фильм. И не комедия, а драма. Сюжет — москвич, маменькин сынок, попадает на фронт, полон каких-то иллюзий... И музыка нужна драматичная. Это одна из первых наших удачных песен — «Капли датского короля». Я написал песенку, которая поначалу поется очень бодро, а в конце она очень грустная. Ведь я прежде всего композитор серьезного жанра.

Следующая песня наша была моя самая любимая, опять с тем же режиссером. У нас получилось счастливое трио: Окуджава, Мотыль и я. Это была песня из киноленты «Звезда пленительного счастья». Знаменитая пара: Анненкова играл Костолевский, Гебль — польская актриса Эва Шикульска, и это был блеск. Эта песня стала одной из любимых песен молодежи в течение десятилетий, я подчеркиваю это обстоятельство — это важно. Потому что песня вообще-то — однодневка: забывается, уходит... О том, что сейчас делается в области песни, можете судить сами: каждая является как бы скверным продолжением другой, ни одной мелодии вы не запомните, как ни старайтесь. Тексты какие-то идиотские... И певица должна быть до предела обнажена, и все вокруг почему-то тоже.

Есть композиторы, которые нашли себя в этом так называемом шоубизнесе... А в песнях, которые мы писали с Окуджавой, безусловно, есть что-то вечное — в словах! «Не обещайте деве юной любови вечной на земле...» Каждая человеческая душа, каждое человеческое существо, достигшее возраста, когда она начинает чувствовать что-то и хочет любить, откликается на эти слова, не может быть равнодушна. У молодых раскрываются какие-то глубоко спрятанные романтические струны. У пожилого человека это вызывает чувство ностальгии по молодости...

Тут очень важно было придумать мелодию, а, как говорят, я умею придумывать красивые, настоящие мелодии, мою музыку узнают. Один видный критик с пренебрежением, я бы сказал с академическим тухлым снобизмом, назвал меня «кинокомпозитором». Я его не обвиняю. Я горжусь этим. Хотя я пишу серьезную музыку, которая к кино никакого отношения не имеет. Благодаря кино мы многое почерпнули с Булатом. Потом у нас был целый каскад песен к фильму «Соломенная шляпка». Булат написал остроумнейшие слова, с чрезвычайно тонким ощущением стиля автора пьесы Лабиша и вообще французского песенного жанра, шансона.

Я считаю Булата великим поэтом нашего времени. Его песни, стихи будут всегда, убежден в этом. Например, после смерти Пушкина его слава не сразу поднялась на такую недосягаемую высоту, как мы ее теперь воспринимаем, — нужна была дистанция, время. Я очень горжусь тем, что за собрание романсов на стихи русских поэтов XIX-XX веков мне присудили Царскосельскую художественную премию 2000 года, и в сборнике этих романсов рядом с именами Пушкина, Фета, Полонского, Бунина по праву стоит имя моего друга Булата Окуджавы.

А писались эти песни по-разному. Одна из самых моих любимых — песня к фильму «Нас венчали не в церкви». И той пронзительностью и взлетом, которые вошли в окончательный вариант музыки, она обязана

исключительно Окуджаве. Я в то время жил в Москве в доме творчества. Булат позвонил и сказал: «Я завтра уезжаю в Париж». Тогда, говорю, приезжай и послушай. Он выслушал то, что я написал, и произнес: «Хорошо», — с каким-то кислым выражением лица. А он ведь был человек очень чуткий, деликатный в отношениях с людьми. Но я чувствую: что-то не так. Поздно вечером звонит: «Ты знаешь, начало мне нравится. А вот здесь — «Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга,/не смолк бубенец под дугой.../Две вечных подруги — любовь и разлука — не ходят одна без другой» — здесь нужен какой-то взлет, нужно ввысь увести. Я к тебе завтра утром приеду». А он на другом конце Москвы, и у него днем самолет. Да, думаю, серьезно он к этому относится. Но неужели же я не сочиню? Неужели пороха не хватит? Как-то меня этот разговор подхлестнул, я начал ходить по комнате... Когда композитор говорит, что он знает, как рождается музыка, — не верьте! Никто не знает, как это происходит. Объяснить невозможно. Приходит — и всё. Или не приходит. Ко мне в тот вечер — пришло. Утром Булат приехал, и когда я сыграл новый вариант, он меня расцеловал: вот это, сказал, то, что нужно.

А однажды я просто отказался от своей музыки — в его пользу. Очень люблю эту песню, она потом звучала в двух фильмах и на пластинке. Как сейчас помню: я сижу за роялем, наигрываю свою мелодию: «После дождичка небеса просторны...» Булат послушал и говорит: «А знаешь, я тоже придумал!» Он сел и сыграл. Я поднял обе руки — его мелодия была лучше, точнее.

Но давайте поговорим о недостатках Булата Окуджавы. Потому что ведь без недостатков людей нет. На эту тему замечательно пошутил Бальзак, который, как известно, был мастер концентрированных философских высказываний: «Худший вид недостатков — когда их нет совсем». То есть тогда уж смотри в оба. Так вот, Окуджава. В нем, конечно, сидел человек восточный. Это ни хорошо, ни плохо — просто краска такая. Эта странная смесь: отец — чистокровный грузин, мать — чистокровная армянка. Сочетание этих двух начал делало его, во-первых, очень гордым. По-восточному гордым. Он мог — умел — сказать, выслушав: «Ты порешь ерунду». В принципиальных вопросах был тверд. Булат был мудрым человеком, но вместе с тем иногда чуточку тщеславным. Например, его любовь к публичным выступлениям... Мне казалось, что это как раз тот случай, когда величайшее его достоинство незаметно переходит в недостаток. Он был, кроме всего прочего, прекрасным собеседником, рассказчиком, и в его выступлениях пение перемежалось с остроумными рассказами. Но мне казалось, что этих выступлений было слишком много, особенно в последнее время, когда он болел и силы были уже не те. Конечно, это можно объяснить: он долгое время был в загоне, под негласным запретом. Например, из фильма «Станционный смотритель» с Никитой Михалковым худсовет «Мосфильма» выстриг отснятые уже кадры, в которых молодой, обаятельный Никита поет замечательную гусарскую песенку, слова которой написал Булат: «Красотки томный взор не повредит здоровью./Мы бредим с давних пор: любовь, любви, любовью.../Вперед, судьба моя! А нет, так Бог с тобою./Не правда ли, друзья: судьба,

судьбы, судьбою?» И последний куплет: «Он где-то ждет меня, мой главный поединок./Не правда ли, друзья, нет жизни без поминок?» Простые слова гусарской песенки.

Но директор «Мосфильма» пришел в ярость — какой тут Окуджава рядом с Пушкиным? А эпизод уже отсняли, Никиту мобилизовали в армию и услали к черту на рога, и переснять невозможно. И вот только потому, что исполнять песню на слова Окуджавы было запрещено, пришлось постановщику фильма Сергею Соловьеву переснимать целый эпизод, где уже звучала только музыкальная тема, а песни не было в кадре, как исчез, естественно, из кадра блистательный Никита Михалков. Кстати, после просмотра части фильма Куросава предложил мне писать музыку к его фильму «Дерсу Узала», что было для меня большой честью.

Такая вот была установка: не популяризировать Окуджаву! Поэтому в перестройку, когда «открылись шлюзы», Окуджава был нарасхват — огромные залы в Париже, Берлине, частые концерты здесь, в России. Но тогда же к нему стали лезть все кому не лень — интервью сплошным потоком, и это были умные интервью, мудрые, выношенные слова, но... как бы это сказать? Начинала происходить некая девальвация его мыслей. И все эти подписи на многочисленных обращениях... Я, помню, говорил ему об этом. Думаю, он внял моим советам...

А еще — частые концерты, на которые его подвигала любимая жена Оля. Она очень толковая и умная, литературно тонко мыслящая женщина, интересный человек, с крепким характером, ей нравился его успех, и мы с ней часто входили... не то что в конфликт, но у нас были разные точки зрения на всё это. Я ей говорил прямо: «Оля, он человек больной, он же не может так часто выступать!». — «Нет, нет, пусть выступает, это для него жизнь». А я часто видел его усталым в середине выступления. Она мне: «Ты посмотри, у него такой молодой голос!..» — «Нет, говорю, голос уже немножко... усталый...» Не то чтобы она злоупотребляла этим, нет, но она слишком увлекалась. Она жила рядом и не видела некоторых чисто физических изменений...

Но его слава, конечно, стала глобальной — мировой. Он собирал огромные аудитории, на пять тысяч человек в Берлине, например... Там же русскоязычных столько не наберется — мне рассказывали: делался перевод, приходили немцы на концерты... Нет, он был действительно великим шансонье и великим поэтом.

Еще он был очень сдержанным. Это проявлялось даже в телефонных разговорах. Я, бывало, раскудахтаюсь, говорю, говорю... а он: «Ну, обнимаю», — ему уже всё понятно. Я никогда не обижался, знал, что он всё понял, все оттенки уловил. Как-то в одном из интервью Булат сказал, что если бы я не был композитором, то всё равно он любил бы меня с такой же нежностью.

Был ли Окуджава верующим? Мы никогда не обсуждали этого вопроса. Он был глубоко нравственным человеком. Мне рассказали, что московский поэт Александр Зорин назвал его вестником доверия... Я думаю, он прав: всё творчество Окуджавы ведет к вере. Хотя внешних атрибутов вы в его стихах, как и в его поведении, не встретите... Но это путь многих

наших современников — они верили еще до настоящей веры. А среди наших с Булатом близких друзей сегодня немало верующих. Катя Васильева, Люба Стриженова, Ия Саввина. То же относится и к жене Окуджавы Ольге. Да, это тенденция, и тенденция закономерная. Но это очень интимный вопрос. Как и вопрос об отношении к женщинам. В общении с женщинами Булат был безупречен. Это грузинская косточка — благородство и сдержанность. Он очень хорошо понимал женскую суть, как сами дамы говорили. И вместе с тем он был простодушным — заблуждался, ошибался...

Потерю его я ощущаю каждый день. Пробую работать с другими поэтами. Но чувство сиротства, и человеческого и творческого, не проходит... А вот буквально накануне этой беседы я переделывал одну свою песню на его стихи. Там есть такие слова: «Дождик осенний, поплачь обо мне...» Они написаны давно, но это могло быть сказано им сегодня — о себе самом. Мистические слова. Как-то по-новому они долетели из того, нашего общего с ним времени, до меня сегодняшнего... Я хочу посвятить эту музыку его памяти, это как бы эпитафия на его могиле. А спеть ее должна или Леночка Камбурова, или Лина Мкртчян — чтобы голос пронзал, уходил ввысь... Я думаю, мы с ним не расстались, мы еще встретимся...

Из книги Я. И. Гройсмана «Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате»

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Фридрих фон Харденберг (1772-1801)

Vergiß mein nicht!

Vergiß mein nicht, wenn lockre kühle Erde
Dies Herz einst deckt, das zärtlich für dich schlug.
Denk, daß es dort vollkommner lieben werde,
Als da voll Schwachheit ichs vielleicht voll Fehler trug.

Dann soll mein freier Geist oft segnend dich umschweben
Und deinem Geiste Trost und süße Ahndung geben.
Denk, daß ichs sei, wenns sanft in deiner Seele spricht;
Vergiß mein nicht! Vergiß mein nicht!

Не забывай меня

Не забывай меня,
когда земли прохлада
Остудит сердца свет, погасит его пыл.
Считай, во мраке том оно сильнее бьётся,
Чем в мире, где всю жизнь я слаб и грешен был,
Что мой свободный дух тебя обнимет нежно,
Благословит судьбу за сладкие надежды,
За негасимый свет душевного огня, –
Считай, что я с тобой!
Не забывай меня!

[Es färbte sich die Wiese grün]

Es färbte sich die Wiese grün
Und um die Hecken sah ich blühn,
Tagtäglich sah ich neue Kräuter,
Mild war die Luft, der Himmel heiter.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Und immer dunkler ward der Wald,
Auch bunter Sänger Aufenthalt,
Es drang mir bald auf allen Wegen
Ihr Klang in süßem Duft entgegen.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Es quoll und trieb nun überall
Mit Leben, Farben, Duft und Schall,
Sie schienen gern sich zu vereinen,
Daß alles möchte lieblich scheinen.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

So dacht ich: ist ein Geist erwacht,
Der alles so lebendig macht
Und der mit tausend schönen Waren
Und Blüten sich will offenbaren?
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Vielleicht beginnt ein neues Reich
Der lockre Staub wird zum Gesträuch,
Der Baum nimmt tierische Gebärden,
Das Tier soll gar zum Menschen werden.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Wie ich so stand und bei mir sann,
Ein mächtger Trieb in mir begann.
Ein freundlich Mädchen kam gegangen
Und nahm mir jeden Sinn gefangen.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Sie ging vorbei, ich grüßte sie,
Sie dankte, das vergeß ich nie
Ich mußte ihre Hand erfassen
Und Sie schien gern sie mir zu lassen.
Ich wußte nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Uns barg der Wald vor Sonnenschein.
Das ist der Frühling, fiel mir ein.
Kurz um, ich sah, daß jetzt auf Erden
Die Menschen sollten Götter werden.
Nun wußt ich wohl, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah.

Зазеленел весенний луг

Зазеленел весенний луг,
И краски зазвенели вдруг,
Цветами запестрело поле,
И хочется гулять всё доле.
Вновь дышит небо летним зноем,
А я не знаю, что со мною.

Темнеет роща на глазах,
Щебечут птицы в небесах,
Всё выше в небе певчих стаи,
И что со мною, я не знаю.
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

И звонко трескаются почки, —
Всё оживает днем и ночью,
Единый гимн слагают звуки
Вновь возродившейся округи.
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

Подумал я: проснулся дух,
И с ним очнулось всё вокруг,
И всеми красками играя,
Мир превратился в сады рая.
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

Возможно, я в другой стране,
Где на песке растет вереск,
Где у деревьев лисий нрав,
Где зверь живет как человек,
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

Меня, пока стоял без сил,
Сильнейший трепет охватил
При виде девушки красивой,
Случайно проходившей мимо.
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

Мне не забыть её — я знал,
Красавице я руку сжал,
Она кивнула головой, —
Я в этот миг был сам не свой.
Возможно ль это, не пойму,
Что происходит наяву.

От солнца мы сбежали в лес.
Я понял: полон мир чудес,
Весна так просто, без затей,
Богами делает людей.
Теперь я знаю, что со мной:
Мир стал прекрасней.
Он — другой..

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Світлана Ткачук

Знаєш

Знаєш,
А за тебе тобі я дякую.
Хоч зайшлася душа плачем,
Я не буду холодною мрякою,
Я не стану сліпим дощем.
Загорнуся в сніги. Між іншим
Хай хоч сонце з — під чорних брів.
Стану зорями комусь іншому,
Щоб колись ти таки жалів.

Знаєш, яка то мука,
Як восени навмисно
Ронять на землю клени
Жовте, як біль, намисто?
Знаю, яка то мука
На манівці, як вдасться,
Щоби така безкрила
Навпомацки — і до щастя.

Знаешь...

Знаешь,
Снова шепчу «спасибо» я,
И хоть сердце рыдает моё,
Не заплачу холодными ливнями
И не стану слепым дождём.
В снег зароюсь. И если солнышко
Заблестит из-под черных бровей,
Отвернусь, — не твоей стану
звёздочкой,
Чтобы ты сожалел обо мне.

Знаешь, как угасают клены,
Испившие осени зелье,
Роняя на землю зелёную
Багряное ожерелье?
Знаю, мучительно горько
Окольным путём, как удастся,
Чтобы бескрылою зорькой —
На ощупь — добраться до счастья.

Ти знов у сни...

Ти знов у сни пробрався таємниче.
Я не хотіла, але ти прийшов.
І тим-от щастям у зими позиченим
Розбурхав весни і тайком пішов.
А я лишилась, як побита вишня,
Без листя, без плодів і без життя.
Сніги лапаті сипали колишнє
На мене відболіле каяття.
Я каятись не мала раз... як гірко!
Хіба любов такий великий гріх?
А сніг патлатий цілував одвірки,
Стелив кохання.... не до наших ніг.

Ты снова в снах

Ты снова в снах,
мой гость непрошеный.
Я не звала тебя, ты сам пришел,
И счастьем, у зимы попрошенным,
Разволновал весну и вновь ушел.
Я чувствую себя несчастной вишней,
Безжизненной, отцветшей,
без плодов,
Под снегом стынущей, отбывшей
Все наказания, в раскаянии слепом.
Я каялась не раз... как горько мне!
Большой ли грех —
неверная любовь?
И чудилось мне: белый снег в окне
Стелил любовь, —
но не у наших ног.

Мрії мої зледачілі

Мрії мої зледачілі
Вітер тепер листає.
Яблука переспілі
Осінь в садах зриває.

Я така безпорадна
Серед цього бедламу!
Тільки думки недоладно
Знову мережать: Мамо!»

Грёзы мои бескрылые

Грёзы мои бескрылые
Ветер с собой уносит.
Яблоки перезрелые
Шумно срывает осень.
И я бреду беспомощно
Среди того бедлама!
В мыслях зову о помощи:
Мама, ну где же ты, мама?

Все вже відбулось

Все вже відбулось. І я вже не та.
Це не біда, що в тебе є друга.
В мене є теж — душі висота.
І в тім аж ніяк не твоя заслуга.
Скажеш не йти. А я таки піду.
В зиму пірну, як в цілющу воду.
А між антрактами украду
Світла очей твоїх насолоду.
Спритно вкраду — ти ж уже не мій.
Вмію отак — щоб ніхто не бачив.
Я вже не та врешті — решт зрозумій.
Хочу, щоб й це ти мені пробачив.
А не пробачиш — ну то катма.
Переживу. Я — сильна. Одначе
Там, за вікном, обізвалась зама.
За нашим коханням, напевно, плаче.

Всё уже было

Всё уже было. И я уж не та.
И не беда, что другая с тобой.
Ну, а со мною — души высота, —
Это не связано с нашей судьбой.
«Не уходи!» скажешь мне — я уйду.
В зиму нырну,
как в целебный источник.
А через время опять украду
Свет твоих любящих глаз темной
ночью.
Так украду, чтоб никто не заметил.
Не сомневайся, смогу, хватит сил.
Ты уж прости — за тебя я в ответе, —
Мне и такой ты по-прежнему мил.
Если не сможем простить мы друг
друга,
Переживу — не умею иначе.
Там за окном, слышишь,
вторит мне вьюга, —
Видно, по нашей любви она плачет.

Я знаю, що ти є

Я знаю, що ти є
в мінливім сяйві днів,
в цій суєті суєт,
такій невипадковій.
Щоб крикнути " люблю,»
не вистачає слів.
І обриваю крик на тихому півслові.
Нежай вмирає світ
на рукавах вітрів,
аби лише допив причастя уст
студених.
Ти — річка, котру ще ніхто
не перебрів.
Ти — небо і земля,
що вічно йдуть до мене.

Я знаю, что ты есть

Я знаю, что ты есть
В сиянии дней весной,
В той суете сует,
Где каждый час не ровен.
Чтоб крикнуть: «Я люблю!»,
Мне не хватает слов:
Крик оборвался вдруг на тихом
полуслове.
Пусть умирает день на рукавах
ветров,
И причастится с губ его студеных
вечер.
Ты есть река: её не переходят вброд.
Ты — небо и земля,
идущие навстречу.

Любовь Ларкина
(Россия, Свердловская область, г. Асбест)

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Стоял слякотный ноябрь 1941 года. Двухтонный ЗИС со снарядами, торопливо объезжая заполненные водой воронки, спешил к передовой. За ним метров через двести шёл другой грузовик, ведомый рядовым Воловым.

Вражеские орудия вели беспорядочный огонь, и время от времени да и падал где-то, совсем рядом, снаряд, веером подымал в воздух комья сырого грунта.

Федор Михайлович Тарасов слился в одно целое с баранкой. Мозолистые руки бывшего тракториста до боли сжимали руль. От базы до передовой не так уж далеко, но чего только не передумаешь за полчаса езды под артиллерийским огнём, чего только не представишь. То улыбка матери мелькнёт видением, то соседская девчонка явится из далёкого детства, то ломоть сахарного арбуза чудится солдату.

Всё ближе и громче слышен бой с передовой. Вон уже видны крыши города Ростова. Рядом ухнул тяжёлый снаряд, и в то же мгновение всё померкло перед глазами...

Что было потом, он знает только по смутным воспоминаниям и рассказам свидетелей однополчан. Воловой отогнал свою машину под придорожные деревья.

У опрокинутой машины нашёл выброшенного из кабины окровавленного Тарасова. Перевязал голову раненому другу, взвалил на себя его хрупкое, почти мальчишеское тело, и вернулся к своей машине.

Выгрузив у батареи снаряды, он на обратном пути, подобрав ещё с десяток раненых, отправился в полевой госпиталь.

Мост через реку Дон был уже взорван и рядовой решил соорудить плот. Он разобрал борт грузовика и, скрепив его тросами, уложил на него раненых и, срубленными тонкими стволами ракита, стал подгребать по течению к противоположному берегу, где уже ждали санитары. Пришёл в себя Федор Михайлович три месяца спустя в глазном госпитале доктора Филатова. Ранение в голову, тяжелейшая контузия. Один глаз спасли, и тот едва-едва видел. Больше года он провалялся по госпиталям.

Вернулся солдат домой и, несмотря на слабое зрение всё же стал руководить тракторной бригадой. Потом встретил по пути на курорт девушку, подружились. Потом пришла любовь.

Хочется поклониться тем женщинам, которые приняли и полюбили бывших, искалеченных фронтовиков, шли с ними рука об руку по жизни. Лечили их раны, берегли, как Елизавета Ильинична Тарасова — верная спутница Федора Михайловича.

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

Июль 1941 года. У порога райвоенкомата — толпа, ещё даже не вчерашних, а сегодняшних школьников. На лице каждого застыл вопрос: возьмут ли?

Их взяли. Они ушли на фронт добровольцами. Но из всего набора вернулся лишь он один — Прохор Лутцев, человек удивительной судьбы.

Подвода нещадно подскакивала на ухабах, мелко тряслась по сельскому большаку.

Глоток воды — и дикая боль опять опрокидывала в небытие. От хутора к хутору, с каждым километром всё дальше от Сталинграда медленно тянулся конный обоз. Далёкое зарево с юга ещё долго будет освещать их нелёгкий путь, и не один раненый останется у дороги под земляным холмиком и фанерной звездой у изголовья...

— Сестра, пить... — на этот раз уже громче зовёт 19-летний гвардии сержант Лутцев — разведчик 38-й дивизии 62-й армии.

Красный Кут, Саратов, Рязань, Орехово-Зуево, Иваново, а перед глазами почему-то всё та же «Брянская» операция. Тогда он впервые пошёл в разведку.

Ночь выдалась — лучше не бывает! Один за другим покидали десантники самолёт и, словно исчезали в вязкой, как вата, темноте. Вдруг тишину вспорола оглушительная трескотня автоматных очередей — группу обнаружили немцы.

Ситуация осложнялась — выполнить боевую задачу и вернуться к своим становится почти невозможным.

Через двое суток, оставив безуспешные попытки прорваться с ходу, командир группы принял решение выслать вперёд разведчиков. Переодевшись в крестьянскую одежду, шестеро бойцов парами ушли в разных направлениях.

Одним из добровольцев был Прохор Лутцев.

Он впоследствии и вывел товарищей из окружения.

Сколько потом было рейдов по вражеским тылам, сколько ценных «языков» было доставлено командованию! Но главное, за всё время службы ни единой царапины, а тут...

Зима 1942 года. Вернувшись с очередного задания, сержант присел отдохнуть тут же рядом, возле полкового КП. Тогда-то и начался этот ураганный миномётный обстрел — изо всех сил сопротивлялась армия Паулюса, пытаясь вырваться из знаменитого «Сталинградского котла». Мина разорвалась совсем рядом...

В рубашке родился, — говорили санитары, когда сразу нашли донора с нужной группой крови. Но с этого самого дня началась совсем другая жизнь — жизнь на госпитальной койке...

Заключение врачей было категоричным: «необходима ампутация левой ноги — не исключена гангрена...» Таким же категоричным был ответ: «Нет!»

Консилиум следовал за консилиумом. Доктора удивлялись: «Серьёзное ранение лёгкого, пробита черепная кость, тело, в конце концов, как решето. Радоваться надо, что жив, а ты...»

Десятки раз снимали и вновь накладывали гипс в последнем пензенском госпитале. Давно успели затянуться остальные раны, но кость, раздроблен-

ная в кашу чуть ниже коленной чашечки, никак не хотела срастаться правильно.

Прохор Петрович не помнит, кто первым посоветовал отправиться в далёкую Тюмень. Надо ли говорить чего ему это стоило — фактически пересечь всю страну...

Но помогли целебные грязи. Пусть с трудом, на костылях, но главное — сам, без посторонней помощи вернулся гвардии сержант домой.

Из нынешних школьников, к сожалению, мало кто знает, что представляли собою города в те страшные для нашего народа годы: «Всё — для фронта, всё для Победы!» этот призыв обязывал ко многому.

Прохор не мог сидеть на иждивении у матери: в доме ещё было пятеро детей.

Пошёл работать табельщиком на текстильную фабрику. Не по душе пришлась ему такая спокойная работа.

К тому времени изнурительными, упорными, изматывающими до предела тренировками он смог избавиться от костылей и у него появилась новая мечта — выучиться на шофёра.

...У заветных дверей с табличкой «ВТЭК» нервно, и от этого прихрамывая сильнее, чем обычно, быстро ходит взад и вперёд молодой человек в военной шинели. Вот и его очередь...

— Что?! Водить машину?! — Голос председателя комиссии больше напоминал громовые раскаты. — Голубчик! Да вы на себя посмотрите! У вас, Лутцев, извините, нога болтается, а вы — за руль. Нет и ещё раз нет.

День за днём обивал Прохор Дмитриевич пороги клиники. Убедил — разрешили!

Через несколько дней после этого радостного события, разведчик получил старенькую «полуторку». Вскоре к фронтовым наградам прибавились благодарности фабричного руководства.

Время от времени старые раны надолго укладывали его в постель, но, едва почувствовав, что может ходить, вновь садился за баранку. Так продолжалось до 1969 года.

— Скользкая после осеннего дождя дорога требовала максимум осторожности. Рейс шёл, как обычно, но вдруг...

Словно раскалёнными тисками сжало всё тело. «Вот где она, та контузия...», — только успело промелькнуть в голове.

С трудом остановив машину у обочины, он изо всех сил старался привлечь внимание прохожих...

Очнувшись в больничной палате, подумал: «работать больше нельзя».

Но и тогда он думал не о себе, а о прохожих, которые могли бы пострадать...

Давно отгремела Великая Отечественная война. С каждым годом всё меньше выходит ветеранов в День Победы на улицы наших городов и селений, чтобы почтить память погибших товарищей.

Ну а те, кто ещё среди нас — всегда будут служить примером твёрдости духа.

БОЙ ЗА ВЫСОТКУ

Репродуктор сообщал с войны утешительные новости, что враг отступал, но отступал, жестоко огрызаясь, оставляя за собой разорённые города и селения.

В дом Котляровых пришла уже вторая повестка. Первым ушёл на фронт брат Василий, а теперь и ему, Федору, пришла пора одеть солдатскую шинель и пойти защищать родное Отечество. Быстро собрал вещмешок, боясь слёз и горя на лицах родных, быстро попрощался и ушёл в февральский рассвет. Утренняя рабочая смена торопливо шла по тихим и угрюмым улицам родного города военных лет. Вернётся ли он сюда когда-нибудь? Войдёт ли он снова в свой фабричный цех, где он уже проработал почти год слесарем наладчиком, увидит ли родных? Федор гнал от себя эти мысли, но они всё возвращались и возвращались, и не думать об этом было просто невозможно.

Пролетели дни и месяцы на курсах молодого бойца, а потом в пулемётном училище.

Наконец-то младший лейтенант Федор Котляров направляется в 258-й Хабаровский полк 140-й стрелковой дивизии. Вот и передовая. Полк стоял под городом Львовом в обороне, куда молодой боец прибыл с пополнением.

В те дни по радио передавали, что бои за крупнейший культурный центр Украины отличались исключительной ожесточённостью. Бесконечными контратаками фашистские войска пытались остановить продвижение наших частей. Но Советская Армия шла вперёд, окружая группировку противника. В этих боях участвовал и пулемётный взвод командира Федора Котлярова.

...Над Львовом шли проливные дожди. По разбитым, вязким дорогам всю ночь шёл полк, пока наутро не перешёл границу Польши и не занял оборону у польского села Умещь. Скучное это дело стоять в обороне, но только в такие минуты передышки приходят мысли о доме. «Как они там?» — думал он.

Шёл март 1945 года. В воздухе пахло ранней весной, и совсем уже близок день Победы, но впереди ещё три военных месяца, пропитанных огнём и дымом, смертью и лишениями. Ещё были впереди высоты, за взятие которых нужно платить жизнями своих однополчан. И взятие одной из таких высот предстояло взводу Федора Котлярова в один из мартовских дней у дороги Мораво—Острава.

— Захватить эту стратегическую линию было делом не простым, — вспоминал Федор Игнатьевич, — ведь по всей этой горной дороге день и ночь шло подкрепление врагу. Охранялась она усиленными частями. Вряд ли немцы отдали бы её.

За дорогой в небольшом селении засели вражеские миномётчики и поливали дорогу шквальным огнём, а в соседнем лесу укрылись снайперы-кукушки и методично выбивали из наших рядов солдат, ведь они наверху, а мы — внизу у подножия горы, так что взвод просматривался и простреливался насквозь. Что было делать? Я терял людей, а дорогу захватить не удавалось...

Да, трудно пришлось в том бою обескровленному отряду пулемётчиков. Была минута, когда казалось, что взвод не выдержит, сил почти не остава-

лось. Но и враг обессилил, остановился, попятился. И тут командир уловил, что одновременно замолчали два его пулемёта.

Насторожились и фашисты, мгновенно оценили положение и предприняли новую атаку. Тогда к пулемёту бросился сам командир:

«Прости, браток!» — прошептал он почерневшими губами, обращаясь к погибшему солдату, разжимая ещё тёплые пальцы на рукояти «максима», и приник к пулемёту рядом с погибшим товарищем.

На врага обрушился свинцовый вихрь. Федор спешил — фашист был совсем близко, но и суетиться было нельзя: кончалась лента. Не замечал, как вслух уговаривал себя: «Спокойно, бей точнее». Оставшиеся в живых сопротивлялись, и спины в зелёных мундирах всё ниже пригибались к земле, чтобы уже никогда не подняться.

Вдруг рядом разорвалась мина. Котлярова и двух солдат отбросило в воронку от снаряда. Но оглушенный Федор всё же успел услышать, как над дорогой у самой высотки раздалось родное, русское: «Ура!», но как обрушила воздушная волна на них огромный слой земли, заглушив все звуки и заслонив свет, он уже не помнит...

— Может быть, эта воронка так и стала бы нашей могилой, если б не торчащий из земли солдатский сапог, который и спас их.

Товарищи откопали контуженных и оглушённых однополчан, отправили их в госпиталь. Прошло немногим более месяца, и лейтенант Котляров добивал остатки фашистских банд в Праге. А над Москвой уже прозвучал салют Победы. Но и на этом не кончилась война для Котлярова.

Потом была Западная Украина, где пришлось восстанавливать советскую власть, создавать колхозы. Здесь ещё долго шли бои и не менее ожесточённые, чем на фронте. Стреляли в лицо, из-за угла, жгли дома, сено молодчики с обрезами или с теми же немецкими автоматами.

Только летом 1946 года вернулся Федор Котляров домой...

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БЕРЛИНА

Глаза Шалара Сейтликова становятся задумчивыми и сосредоточенными и чуточку грустными. Немного помолчав, он начал свой неторопливый рассказ.

Вьюжное декабрьское утро 1943 года. Уставший, обескровленный в боях за Смоленск 875-й стрелковый полк ждал подкрепления.

Среди безусых, необстрелянных ребят, прибывших сюда накануне, был и восемнадцатилетний черноглазый парнишка. Боевого крещения долго ждать не пришлось. Не растерялся он и в рукопашной схватке с рослым фашистом, успел нажать на курок. Счёт открыт! Пригодилось курсантское обучение в снайперской школе.

Ещё в детстве, когда смотрел фильм о Чапаеве, завидовал лихим пулемётчикам и мечтал в армии стать только им. Между боями в коротких передышках Шалар, любовался им, не отходил от «максима», внимательно рассматривал. «А вдруг что-нибудь забыл» — шевелилось в голове.

Но сомнения были напрасными. Вскоре гвардии рядового назначили вторым номером к станковому пулемёту.

Восточная Пруссия. 19 гвардейская дивизия окопалась в окопах, и ждёт своего часа.

Тёплое августовское утро. Тишина. Но какая-то необычная, напряжённая.

Такая бывает только перед тяжёлым боем. И в самом деле, в самую эту гнетущую тишину ворвался вой и гром вражеской бомбы. А за ней ещё и ещё...

И снова зловещая тишина, но не надолго. Было видно, как вражеские серые ряды всё ближе и ближе приближались к нашим окопам. Уже были слышны гортанные командные выкрики...

— Огонь! — раздалась наша команда. И застрочил «максим». Смешался парадный строй врага, но немцы всё шли и шли.

Шалар едва поспевал подавать пулемётную ленту. Но вдруг «максим» замолчал. Сквозь дым и пыль Шалар увидел, что его командир убит. Прошло всего мгновение, а сзади уже кричат: «почему молчит пулемёт, Шалар?» И он занимает место погибшего. Пулемёт вновь ожил. Но вражеская пуля угодила и в него: попала в щёку, а вышла возле уха. Шалар ещё крепче сжимает замок пулемёта. Не молчит «максим»! После госпиталя опять в бой.

На подступах к фашистскому логову нужно было занять очень важную стратегическую позицию — мост через реку. Ответственным за это задание был назначен сержант Сейтликов.

Окопавшись в придорожной насыпи, бойцы стали ждать.

Весна была в самом разгаре. Всё зеленело и цвело. Даже пороховой дым и пожарища не могли заглушить ароматы цветущей земли. Только воронки от бомб чернели кляксами на зелёном поле весны.

Вот показались вдали вражеские бронетранспортеры. Они шли на большом расстоянии друг от друга, и атаковывать сразу их было невозможно.

Было решено подпустить их как можно ближе. Ничего не подозревая, первый бронетранспортер вошёл на мост, а за ним, ослабив бдительность, пошли и другие. И вот, когда машины сравнялись с нашей засадой, в машины полетели связки гранат. Вражеский марш был остановлен. Несколько солдат сдались в плен, но вдали появилась фашистская пехота. В короткой рукопашной схватке было захвачено 36 пленных...

Пройдя всю Белоруссию, Польшу, Пруссию со своим «максимом», Шалар участвовал в штурме вражеского логова — Берлина.

Больше всего Шалар Сейтликович любит весну, каждый раз она ему напоминает о той военной весне, когда он с товарищами сражался за своё Отечество.

Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)

ДВЕ СТРАНЫ В ОДНОМ СЕРДЦЕ

Дорогой читатель! Представляю вам своё второе литературное произведение о людях, которых часто называют «русскими испанцами» — роман «Пересекающиеся параллели». У моих героев нелёгкие судьбы. Я не всех их знала лично, но они мне очень дороги, потому что в моём сердце, как и у них, живёт любовь к двум странам: России и Испании.

Первая повесть «Разведённые мосты» была в нашем журнале «Писатель. XXI век» в 2012 г., после чего произошло не одно знаковое событие. Меня стали разыскивать те, кому эта тема была близка. Сначала я познакомилась с женщиной, рассказавшей мне историю своей жизни, и предположительную судьбу своей настоящей матери. Сведения были отрывочны, а документальных источников не было, да и афишировать свою семейную историю, по понятным причинам, женщина не хотела. О похожей судьбе своей подруги мне рассказывала и героиня повести «Разведённые мосты» Элоина Менендес. Объединив эти две истории, я написала роман «Наследство Каина» и опубликовала его в нашем журнале в 2016-17 гг.

Публикации помогли мне познакомиться с харьковчанкой Анной Белинской, которая прислала мне воспоминания о своих близких людях. Это был рассказ о жизненном пути двух лётчиков, супружеской пары — испанца Хосе Мария Ривера (Риверо?) и русской девушки Арины Соколовой. Меня очень тронула их судьба, тем более, что Анна, дружившая с семьей Риверо в ранней юности до их отъезда в Аргентину, рассказывала мне об этих людях с большой любовью. Её описание перипетий их судеб, особенно в молодости, во время Гражданской войны в Испании, было очень подробным. Яркими, живыми и эмоциональными рассказами о жизни героев делился с Анной внук Хосе и Арины. Я очень благодарна этой молодой женщине, ровеснице моего сына, которая много лет хранит память о произошедших почти сто лет назад испытаниях и победах двух людей, любящих друг друга и саму жизнь. Как порой не достает такой веры и верности, силы воли и жажды жизни нам сегодня! Конечно, книга художественная, и без художественного вымысла и фантазии у меня не обошлось. Но всё-таки она построена на реальных событиях, которые с этими людьми происходили. Очень жаль, что у Анны не сохранилось ни одной фотографии моих героев, поэтому их образы я рисовала, исходя из своих авторских представлений. Очень признательна Анне Белинской и за её переводы на испанский язык некоторых фраз. Хотелось донести до читателя переплетение русского и испанского языка двух любящих людей, которое постоянно происходило в реальной жизни.

Я долго вынашивала идею романа, хотелось показать в книге разных людей, с разными взглядами. В своей молодости сама была близко знакома с испанцами, живущими в СССР, и видела, что порой у них совершенно противоположное мнение по одному и тому же вопросу, потому что, при всей внешней схожести жизни, их жизненный опыт был неодинаковый. Отсюда и мировоззрение часто противоположное, или абсолютно изменившееся в течение жизни.

В 2017 году, опубликовав, наконец, свою повесть «Разведённые мосты» в книжном варианте, я повезла её в Испанию показать «детям войны» — тем, чьи судьбы были близки моим героям. Я встречалась и с ними, и с их потомками, которых называют «детьми войны второго поколения», в Хихоне у своих родных в семье Галины Меана и в Мадриде в гостеприимном доме доктора Мануэля Арсе и его жены переводчицы Марии Санчес Пуиг. А ещё, мне посчастливилось познакомиться с Максимино Рода Сарабоса, который воспитывался в СССР и даже воевал в годы ВОВ на Карельском фронте. Второе знакомство открыло мне удивительную неожиданность, оказалось, что Максимино хорошо знал Мелькиадеса Менендес брата Элоины, и даже посещал его в тюрьме, когда вернулся в Испанию. Открыв мою книгу и взглянув на фотографии, он воскликнул: «Это же Мелькиадес! Я его хорошо знал». Это было очень приятно. Жаль, что встреча не случилась раньше, можно было бы многое услышать из первых уст.

В сентябре 2017 года в связи с празднованием 80-летия приезда «детей войны» в СССР в Москве в Центре испанской культуры и в городе Обнинске, где в 30-е годы был самый крупный детский дом для испанцев, состоялись праздничные мероприятия. Туда съехались со всей Испании эти «дети», уже достаточно преклонного возраста, но по-прежнему молодые душой. Домой они повезли радость встречи и мою книгу. Моя первая книга «Разведённые мосты», посвящённая «русским испанцам», разъехалась по Испании. К сожалению, прочитать её смогли только русскоговорящие. Пока я не смогла выполнить мечту Элоины Менендес — перевести эту повесть на испанский язык. Об этих событиях я написала в статье «Испания далёкая и близкая» в 2017 г. № 4. После встреч в Испании, Москве и Обнинске я начала работу над новым романом. Новый роман очень ждали в Испании, особенно мой герой Максимино Рода Сарабосо.

Небольшим тиражом мне удалось его издать. В августе месяце я представила свой роман в г. Хихон в Испании. На презентации было много заинтересованных людей, но к сожалению мой герой не дождался, буквально два месяца назад он покинул этот мир. Но в Испании много людей, которым эта тема очень близка и интересна. Я думаю, что и читатели журнала обязательно должны познакомиться с моими новыми героями, тем более, что жизнь одного из них очень тесно связана с городом на Неве. Он ушёл добровольцем защищать свой любимый Ленинград 15-летним мальчиком и пока были силы очень часто приезжал и сюда в места, где он воевал. Там сложили го-

ловы многие испанцы. В этом году монахини Сяндемского монастыря поставили несколько памятников павшим воинам, в том числе и испанцам.

О судьбе уехавшей в Аргентину супружеской пары лётчиков мне известно меньше. Роман художественный, в нём наряду с реальными людьми есть и вымышленные, или полувымышленные герои. Но по той судьбе, и по тем характерам подробно рассказанным мне Анной Белинской, я недалеко ушла от их истинной жизни.

Как я и хотела, мои герои совершенно разные, их по-разному перемалывали жернова судьбы. Но их объединяет одно — любовь к двум странам: Испании и СССР. Сегодня для «русских испанцев» СССР, как правило, равнозначен России, хоть жить они могли и в других республиках.

Я надеюсь, что судьба романа «Пересекающиеся параллели» будет счастливой, он тоже найдёт своего читателя. А, возможно, и более удачной, если дождётся он своей публикации на испанском языке.

Памятники, установленные воинам, погибшим в Карелии у деревни Сяндеба

Ленинград. 1941 г.
Максимино (справа).
Таким он ушёл на фронт

Москва. 1945 г.

Максимино у памятника Детям войны. Хихон, сентябрь, 2017

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Роман

Часть 1. Наваха

1. ПОПУТЧИК

Второй день без остановки валил снег. Крупные хлопья, склеиваясь на лету, свисали сплошной завесой. Вместе с порывами ветра комки снега хлёстко ударяли по глазам, не успевающим зажмуриться. Мороз отступал, но лавинообразный снег и порывистый ветер не давали это почувствовать. Дорога от аэродрома до Ярославля была не близкой, место в кабине машины Хосе любезно уступил фельдшерице из медсанчасти, и, трясясь и замерзая наверху под бултыхающимся брезентом, проклинал про себя эту жестокую русскую зиму, нависшую в своём белом балахоне, словно смерть. Когда хлопья стали мельчать, парень даже обрадовался. Но и мелкие снежинки, вместе с леденящим ветром, вонзались в лицо острыми иголками и свободно проходили сквозь куртку, выданную ему на складе. Она была холодной и неуютной, и парень с сожалением подумал о своём тёплом комбинезоне, который он неосмотрительно оставил в маленькой подсобке, где переодевался.

Хосе считал, что ему крупно повезло с этим новым направлением под Москву. Там и только там он сможет навести справки о своей любимой. Он надеялся, что она обязательно служит в какой-нибудь эскадрилье. Пилот такого класса, несомненно, нужен. Если им, иностранцам, которым не очень доверяют, разрешили участвовать в войне, значит, опытных лётчиков не хватает.

Парень плотнее прижимался к ящикам, которыми был заполнен кузов. Пустые, они были ненадёжной защитой, сквозь щели свободно проникали завывающие порывы ветра. Единственное, что грело его в эти тянущиеся до бесконечности несколько часов, это мысли о его незабываемой девочке, как он и называл её даже в мыслях: «mí niña».

— Эй, камарадо, ты там живой? Слезай, приехали!

Хосе действительно начинал засыпать. Он с трудом разлепил глаза.

Взглянув на окоченевшего, заторможенного испанца, шофёр заматерился:

— Эх...! Не хватало мне ещё неприятностей из-за тебя! Вылезай скорей, друг- испанец! Сидел бы лучше в кабине, так нет. Кавалер, твою мать, нашёлся!

Шофёр, ругаясь, помогал Хосе спускаться с кузова.

— Давай скорей в вокзал отогреваться!

Не решаясь отпускать лётчика одного, шофёр, прихватив его лёгкий вещмешок, проводил Хосе до здания и, зайдя внутрь, что-то сказал дежурному. Молоденький солдат, не мешкая, подошёл, чтобы проводить Хосе к коменданту. Они зашли в тесную, но тёплую комнату. За столом, заваленном бумагами, сидел военный. По нашивке с узкой красной полоской Хосе определил звание майора.

— Разрешите доложить, товарищ майор.

Непонятная гримаса пробежала по усталому лицу пожилого майора. Он жестом остановил Хосе и, взяв из его руки бумагу, стал читать сопроводи-

тельный документ, одновременно показывая Хосе на буржуйку. Повернувшись к стоящему у дверей солдату, он сделал и тому какой-то знак. Дежурный быстро ретировался, но буквально через минуту появился с дымящейся кружкой кипятка, слегка подкрашенного сухой морковью. Прочитав, комендант взглянул на Хосе из-под лохматых бровей, торчавших в разные стороны. Встретившись с пытливым взглядом воспалённых красных глаз, парень понял, что возраст он определил ошибочно. Майор, видимо, просто не спал уже несколько ночей, и от того выглядел лет на двадцать старше.

— Везёт мне сегодня на испанцев, друг. Сейчас определю тебе попутчика. Из твоих, да только пацан совсем. Отстал от поезда. По документам восемнадцать, но на вид совсем ребёнок. А уж повоевал! Пригляди за ним, лейтенант, ладно? Он тоже в Москву.

— Есть, товарищ майор.

— Да ладно тебе, друг, козырять. Прошу не по службе, а по дружбе. Уж больно хлипок, мальчишонка. В чём душа держится. Своих хочет разыскать. Где сейчас искать? Ну да ничего, выстоим, товарищ. Как там у вас? No pasaran!

— Они не пройдут, а мы — да. Pasaremos!

— Вот это правильно. Да уж и показали мы им «кузькину мать» под Москвой. И вы, я слышал, повоевали?

— Хотелось бы больше, товарищ.

— Ну, этого вам ещё хватит. Повоюете.

Неожиданно громко прорычал:

— Дежурный, буди мальчишку! Поезд на подходе.

И снова обратился к Хосе.

— Удачно приехал, не задержишься. Повезло тебе, друг. Держи документы.

Через минуту в дверном проёме показался худенький паренёк небольшого роста. На осунувшемся лице выделялись карие глаза, светившиеся нерастраченным детским любопытством. Увидев Хосе в форме советского лётчика, мальчишка расплылся в улыбке. Видимо ему уже сказали, что он встретит соотечественника.

— Salud, camarada! No pasaran!

— Здравствуй, друг, — ответил ему на русском Хосе, понимая неуместность испанского языка в присутствии других.

И, повернувшись к коменданту, извинился:

— Простите, товарищ майор.

— Да не извиняйся ты, чего там! Ваше «No pasaran» и «Salud, camarada» давно наши тоже.

И обратился к вошедшему молодому испанцу:

— Ну, Максим, повезло тебе с попутчиком — соотечественник. Просто с неба свалился, не зря лётчик. Бывают же чудеса на свете. Удачи тебе, парень. И давай, лечись, как следует. А то всех фрицев разобьем без тебя.

— Нет, товарищ майор, без меня не нужно. Я ещё повоюю.

— Да ты у нас герой, как без тебя.

Майор потрепал парня по голове, как-то совсем по-домашнему, по-отечески. Будто в мирное время провожал куда-то своего сына. Увиденное очень тронуло Хосе, но он не показал вида. Попрощался с гостеприимным комендантом, который снова передал их топтавшемуся у дверей дежурному.

На улице не утихал снег и ветер, но замёрзнуть они не успели. Поезд уже стоял у вокзала. Около него сновали солдаты с дымящимися котелками. Дежурный проводил их в тесный переполненный вагон, в котором отыскал для них укромный уголок. Через несколько минут поезд вздрогнул и потихоньку начал набирать скорость.

Эта встреча в заснеженном зимнем Ярославле со своим соотечественником, пусть совсем ещё мальчишкой, но уже успевшим повоевать за свою вторую родину, показалась Хосе хорошим знаком. Он как будто увидел своего будущего сына, немного подросшего, с которым они вместе отправились куда-то попутешествовать.

— Как же ты, Максимино, в Ярославле оказался?

— Так мне здесь нужно было пересаживаться на Москву. Да я бы и успел на предыдущий поезд, сам виноват.

— И в чём же ты виноват?

— Кино захотелось посмотреть. Увидел афишу. Ты слышал про этот фильм? Ох, какой замечательный фильм! Называется «Тарзан».

— Слышал, но не видел.

— Обязательно посмотри!

— Конечно, посмотрю. Вот война закончится, посмотрю. Сейчас повоевать нужно. Ты-то уже повоевал?!

— Да. Я хороший солдат, товарищ лейтенант.

— Хосе. Называй меня Хосе, мне будет приятно. Расскажи, как воевал, где?

— На Карельском фронте, я добровольцем пошёл.

— Как же тебя взяли? Ты ж пацан совсем! — заинтересовались и соседи по купе.

— Мне скоро девятнадцать.

— Ой, ли?

— Ну, по документам, а, по правде, на два года меньше.

— То-то и оно, парень, — покачал головой пожилой мужчина. — Ох, горе горькое, детишки за нас воевать пошли. На-ко, поешь лучше.

Сибиряк стал совать в руки Максиму ломоть хлеба с салом.

— Да, не нужно. Я не голодный, на вокзале поел, — и гордо добавил, — мне на дорогу много денег дали.

Вокруг заулыбались. А Максим, не обращая на это внимание, взахлёб стал рассказывать о Карельском фронте, о своих приключениях и боевых «подвигах», наверное, как любой мальчишка немного преувеличивая и фантазируя. Постепенно рассказ этот стал сливаться со стуком колёс, а несовершеннолетний храбрец клевать носом.

— Э!.. Да тебя совсем сморило, — сказал Хосе. — Давай-ка наверх, ты уберёшься.

Он подсадил парня на самую верхнюю полку. Маленькая хрупкая фигурка была совершенно незаметна среди мешков и плащ-палаток, закиданных туда соседями по купе. Солдаты, в основном русоволосые рослые сибиряки, с любопытством поглядывали на двух иностранцев, распоряжением коменданта подсаженных к ним. Когда мальчишка уснул, спросили Хосе, не брат ли это его.

— Нет, случайный попутчик. Но ведь бывают чудеса. Здесь, так неожиданно встретить своего соплеменника — испанца, да к тому же родом из тех мест, где я долгое время работал.

— А где ты, парень, работал до войны?

— На шахте.

— Э! Да, ты родная душа! Среди нас полно шахтёров. Мы, правда, глядя на тебя, не подумали.

— Это потому, что я лётчик?

— Да нет, вид у тебя уж больно интеллигентный, как у нашего учителя в посёлке. А в лётчики пойти и из шахтёров можно. Есть желание — попасть из-под земли в небо, значит пути открыты. Действуй! Бери направление в военкомате, и поступай. Конечно, если здоровье позволит. Хотя шахтёру тоже здоровье крепкое нужно.

— У нас не только здоровье. Для рабочего человека — это неосуществимая мечта. Но нам с другом повезло. Республике были нужны свои верные лётчики, ведь многие из кадровых лётчиков оказались у Франко.

— Да, потрепало тебя, парень, ещё до нашей войны! А сейчас куда?

— Направили в Москву, а там не знаю пока. Обычно мы по нескольку человек в эскадрильи. Надеюсь, встретить старых знакомых.

— Что ж, давай знакомиться. Я — Матвей. А тебя как величать?

— Хосе.

— Давай, Хосе, к нашему столу. Когда ещё придётся нормально поесть. Хотя вы — элита, не то, что наша пехота: копай глубже, ползи ниже, беги быстрей.

Хосе было неудобно отказаться от гостеприимства сибиряков. Пошарив в своём не очень наполненном вещмешке, он внёс и свой вклад, который среди однообразия ровно нарезанного, ржаного хлеба и аккуратных кусочков сала, выглядел экзотически. Это было печенье и банка сгущённого молока.

— Хорошо живёте, не то, что мы, пехота! — воскликнул молоденький солдат.

Хосе смутился.

— Да, не смущайся ты, парень! Вы, лётчики — наша гордость, вам и кормёжка особая. То понятно, — похлопал его по плечу светлоглазый, широкоплечий мужчина лет сорока, — глядишь и мы ваших сладких харчей попробуем. Будет о чём в окопах помечтать.

Сибиряки ели неторопливо и обстоятельно. Также плавно текла и их беседа. Хосе невольно залюбовался этими степенными, несуетливыми людьми, которые так спокойны и невозмутимы, возможно, незадолго до того, как придётся им под леденящим ветром на снежном поле биться насмерть с врагом, вооружённым до зубов. Они были так не похожи на его друзей, испанских лётчиков — горячих, необузданных, терпеть не могущих, подчиняться строгой дисциплине. И, всё-таки, было что-то роднившее и объединявшее их. «Наверное, это настоящие, истинно человеческие чувства, всплывающие из глубины души в трудную минуту», — подумал Хосе.

После еды многие, прислонившись к стенке купе, задремали. А Хосе, на которого уже мало обращали внимания, мысленно снова летел навстречу своей любимой. Она так явно и осязаемо была с ним рядом, что, просыпаясь,

он не сразу понял, что уже подъезжает к Москве. Он разбудил своего юного попутчика, который стал по-мальчишески радостно ерзать, выглядывая в окно, стараясь хоть немного разглядеть в сумерках главный город страны, проносящийся мимо неясными расплывчатыми очертаниями. Столица была погружена в темноту.

Выходя из вагона, они тепло попрощались с солдатами. А в метро, подойдя к милиционеру, выяснили, как им добраться до назначенных мест. Двигаться Хосе и Максимино нужно было в разные стороны.

— Ну что, Максимино, куда ты теперь?

— Не знаю, буду искать своих. А потом поправлю здоровье, и снова на фронт.

— Ну как без тебя, парень. Не справимся с фашистами. Поправляйся скорей! — пошутил Хосе.

Маленькая худенькая фигурка удалялась от него по направлению к противоположной линии метро. Хосе посмотрел вслед. Под этими огромными величественными сводами красивейшего подземного сооружения мальчишка казался ещё меньше ростом и младше возрастом. «О, Мадонна, — невольно подумал он, — храни этого мальчика, храни мою любимую девочку».

«Осторожно, двери закрываются». Покачиваясь и отбивая ритм, поезд подземки нёс Хосе в неизвестность.

2. ЛЁТЧИЦА

До нового места назначения Хосе добирался недолго.

Немцы к Москве подлетали теперь редко. Импульсивный, темпераментный испанец изводился от тоски и бесполезности. Радовало лишь то, что в эскадрильи было ещё несколько соотечественников, среди которых и его товарищ по боям в испанском небе. Но все они очень редко участвовали в воздушных боях. Здесь под Москвой, они тосковали по тому испанскому небу, в котором могли сражаться с врагом. Досада от того, что их, опытных и закалённых в боях лётчиков, не используют в боевых вылетах не давала покоя. Командир эскадрильи отмахивался: «Успеете, повоюете. Нужно поберечь вас для самых важных боёв». Но Хосе в глубине души понимал, что это не столько бережливая забота о жизнях испанских лётчиков, сколько недоверие к ним. Узнать об Арине тоже не удавалось, он осторожничал, боясь, что может навредить любимой. Долгими томительными вечерами Хосе отводил душу игрой на гитаре, которая оказалась привезённой из дома русским лётчиком. Это была необычная для него семиструнная гитара, но парень приспособил её на испанский лад. Пальцы то неторопливо перебирали струны, выводившие меланхоличные мелодии, то начинали неистово летать из конца в конец, рыдая с надрывом и завыванием, с неутомимой страстной силой, пока кто-нибудь из друзей не останавливал Хосе.

Весна сорок второго года принесла ожидание наступления и надежду на победу. Было очевидно, что суровая зима и победа под Москвой хоть и остудили наступательный воинственный пыл немцев, но тёплое лето его снова разогреет. Командование понимало — необходимо готовиться к летне-

му наступлению. В 1-й истребительный авиационный полк, формирующийся на аэродроме Быково, начало поступать пополнение.

Послонявшись из комнаты в комнату по казарме и устав от безделья, Хосе вышел посмотреть на прибывающих в полк, втайне надеясь, что может встретить кого-то из своих, или разузнать хоть что-нибудь про Арину.

На лётном поле стояли новенькие, только что сошедшие с заводского конвейера самолёты, в основном Яки-3 и МиГи. Сверкая краской, пахнущей недавним рождением, они радовали глаз своей яркостью рядом с потёртыми тупоносыми И-15 и И-16. «Да, братишки, потрепало вас», — невольно сравнил Хосе. Но эти старые несовершенные самолёты, всё равно, были роднее, и Хосе, проходя мимо, невольно погладил зеленоватый облезлый бок своего старого друга, время которого, видимо, заканчивалось. Посмотрев вдаль, разглядел приземляющийся военно-транспортный самолёт. К нему спешили лётчики из его эскадрильи, о чём-то оживлённо переговариваясь. «Наверное, я что-то пропустил», — подумал Хосе. Подойдя ближе, парень сквозь плотное кольцо своих товарищей, разглядел у одного из лётчиков, стоявшего к нему спиной, развевающуюся волнистую прядь волос, выбившуюся из-под лётного шлема, и отсвечивающую медью в лучах закатного солнца. Сердце ухнуло.

— Кто прилетел? — проталкиваясь вперёд, спросил он у соседа.

— Транспортный с Прибалтийского.

— Девушка кто?

— Э, друг испанец, неужто не слышал? Это Оля Лисикова. Девчонка ещё в 41-м прославилась. На санитарном самолёте победила в поединке с «мессером». Грохнула его об землю без единого выстрела.

— Оля, — глухо повторил Хосе.

В голове стучало «Нет, не Ирине...»

***

Их первая встреча — яркая и обжигающая, как испанское солнце. Хосе помнит, что в тот день было уже четыре вылета. Тогда они потеряли летчика-поляка. Простреленный несколькими пулями, он все-таки довел самолет до аэродрома. Отчаянно храбрый парень, убеждённый республиканец, но его утончённость и надменность невольно выдавали польский аристократизм. Товарищи Хосе, обученные, как и он, лётным азам в Советском Союзе от рабочего станка или шахты, недолюбливали поляка. А Хосе хорошо понимал парня, зная, что избавиться от того, что тебе вдалбливали с детства трудно, даже если ты не согласен с заржавелой и обросшей плесенью монархией. Ему избавиться от прошлых иллюзий окончательно помогла тюрьма в Овьедо. Такого воспитателя он не пожелал бы и врагу. Хосе никак не мог отбросить наплывавшую в голове то и дело картинку — побелевшее лицо с тонкими красивыми чертами, и светлая прядь у лба с запёкшейся кровью. Когда друг Октавио растолкал его, валявшегося на кровати лицом к стене, он даже не сразу сообразил, куда тот зовёт, но понимая, что нужно встряхнуться, нехотя встал. Лётчик никак не мог примириться со смертью, которая на войне становилась привычным делом.

К вечеру на аэродром должны были прибыть новые самолёты, а в эскадрилью пополнение.

Аэродром Лос-Алькасарес базировался на юго-востоке, почти у моря. Этот аэродром был развёрнут в сентябре 1936 года, а уже в октябре здесь появились советские самолёты и инструкторы, носившие испанские, французские или какие-то другие имена, но говорившие на родных языках с ужасным акцентом. Все прекрасно понимали, что это советские ребята, но принимали правила игры. Не просто же так те скрывали свои истинные имена.

«Политики невмешательства» Запада, к которой поневоле пришлось присоединяться и Советскому Союзу вредила только республиканской стороне, а Германия и Италия открыто, не стесняясь, помогали франкистам. Страна советов делала это тайно. Для республики было большой удачей, что ещё в 1933 году удалось заключить дипломатические отношения с СССР. Это позволяло Испании получать помощь от Советского Союза: и самолёты, и танки, и оружие. А главное, конечно, были люди, которые искренне стремились помочь. В октябре тридцать шестого, когда франкисты подступали к Мадриду и стояли в сорока пяти километрах с западного направления, а с Толедского — всего в тридцати семи, помощь эта оказалась неоценимой. В феврале тридцать седьмого года в Испании были сформированы первые эскадрильи из самолётов P-Z, названных испанцами «Наташа», конструкция которых была несовершенной, но это не помешало лётчикам проводить штурмовку вражеских позиций, рискуя жизнью на бреющих высотах. А через месяц в марте тридцать седьмого опыт этот пригодился в битве Гвадалахару. Это был большой успех республиканских лётчиков: и испанцев, и русских, и французов и многих других, несмотря на несовершенство их техники. В октябре в Испании появились новейшие советские скоростные бомбардировщики «СБ», или просто «Софья Борисовна», как уважительно величали самолет советские летчики. Испанцы называли их «катюшками», в честь русской девушки, героини песни «Катюша» и одной из популярных тогда в Испании оперетт. К «наташам» и «катюшкам» прибавились истребители И-15 и И-16. Первый — советские пилоты называли «чайками», а республиканцы «чатос», т.е. «курносые», а второй — «моска» — муха.

Хосе летал на «чатос». Парню с родословной, которую он не открывал даже близкому другу, выпала редкая удача: в тридцать шестом году в составе большой группы испанцев он был направлен в СССР для обучения лётному делу.

В его эскадрильи были не только недавно обученные лётчики, такие, как он, но и кадровые офицеры, многие из них остались верны республиканскому правительству. Старые лётчики республиканской авиации не хотели сходиться близко с бывшими работягами, а его, не выясняя отношений, принимали за своего, удивляясь дружбе интеллигентного парня с теми, кто ещё недавно был металлургами и шахтёрами. Зато эти новоиспечённые лётчики из рабочих семей гораздо быстрее сходились с советскими пилотами, а кадровым офицерам поведение «русских» казалось странным. В испанской армии лётчики были высшей кастой, которой не подобало быть на одной ноге с техниками, их обслуживающими. Советские авиаторы на равных держались со своими борттехниками, даже помогали подвешивать им тяже-

лые бомбы на самолеты. Всё это было необычно и непонятно выходцам из высших слоёв общества, но очень нравилось друзьям Хосе. Они с радостью встречали новых «советских» или «русских», что было для них одно и то же. В этот раз должна была прибыть новая группа летчиков. Ждали троих. Прибыл только один — лейтенант Игнасио Азорес.

Сегодня в Быково, когда Хосе пробирался сквозь толпу к прилетевшим, тот прилёт Арины так ясно вставал у него перед глазами. Она немного прищурилась от яркого солнца, приподняла руку к лицу, будто защищаясь от сотни любопытных глаз, а потом, встряхнув головой, освободила от шлема пышную копну волос, сверкнувших золотом в лучах закатного солнца. Ослеплённый, он подумал: «Мадонна! Лётчик-девушка?! Этого не может быть». А когда её представляли ребятам из лётного полка, Хосе, неожиданно для всех, бросил:

— Кто придумал ее прислать? Нам не поздоровится, если женщины появятся еще и в небе!

Послышался смех. Девушка обвела всех взглядом, видимо, безошибочно определила обидчика, презрительно усмехнулась и медленно произнесла по-испански:

— Тебе привычней, когда женщины погибают во время бомбежек? Или когда их насилуют в казармах франкистов?

Хосе помнит её глаза, выразительные, дерзкие. Воцарилось молчание. Летчики оценили ответ. Хосе немного смутился и сразу для себя решил, что будет держаться он нее подальше. На короткое время это у него получилось. Но как-то поневоле, вопреки самому, она вошла в его жизнь: в его небо, в его музыку, в его сны.

Да, с каждым днем девушка все больше нравилась ему, и он непроизвольно пытался обратить на себя ее внимание. Получалось плохо. Его шутки меркли на фоне более говорливых и остроумных друзей. Его любые попытки помочь она деликатно, но твердо отвергала. Подарки он дарить не решался. Да и какие на фронте могли быть подарки? Хотя как-то он принес ей добытого откуда-то «Дон Кихота». Она с опаской взглянула на него, принимая книгу.

— Спасибо, а то одни газеты. Хотя «Дон Кихот» еще слишком сложен для меня.

— Тогда возьми вот эту. Это моя любимая книга. Пусть будет подарок.

— Это стихи?

— Да, это Лорка. Ты, конечно, слышала о нём, его убили фашисты за то, что он был за нас.

— Спасибо, Хосе, я давно хотела почитать его стихи.

— А потом я помогу и с «Дон Кихотом», — осторожно проговорил Хосе, — в сложных местах.

— Хорошо. Я спрошу у тебя, если что-то не пойму. А сам ты неплохо говоришь на русском... Если бы, конечно, не ваш акцент.

— Очень сложно выговаривать некоторые ваши буквы. Просто непостижимо, как у вас получается.

И действительно, с тех пор в свободные часы, по вечерам и в редкое время случавшейся сиесты их часто видели вместе, читающих, обсуждающих прочитанное, спорящих над произношением и значением испанских и русских слов.

Хосе восхищался — Арине необходимо было каждый день узнавать что-то новое. И не только в авиации, — в умении говорить на его языке, в тонкостях истории и культуры его народа. Хосе поражался этой жажде. Отвечая на ее бесконечные, порой наивные вопросы, он все более и более увлекался собеседницей.

Уравновешенная в вопросах лётных, она была эмоциональным и восторженным читателем. Они все чаще читали друг другу вслух, попеременно.

— Ай, Хосе, мне больно читать, — девушка качала головой, — Сколько здесь настоящего, сколько жизни!, — восхищалась она стихами Лорки. — Как он успел так много прочувствовать и воплотить? И в то же время — просто, ёмко, кажется, ты рядом, слышишь каждый шорох, дуновение ветерка...

Хосе любовался ее чувствами. Он с изумлением принимал новый подарок судьбы — эту русскую девушку, такую непохожую на их испанских подруг: страстных и строгих, смелых и забитых, тех, которых он видел прежде, на ту, которую он любил прежде, в той давней, прошлой жизни.

Иногда она поддразнивала его, настойчиво добиваясь правильного русского произношения.

— Давай, ну! «Ш-ш-ш»... «ш-ш-ш»...

— «Ч-ч-ч», — старательно выговаривал Хосе. — Получилось?

— Нет! — хохотала девушка. — Ну, признайся, ты прикидываешься неумехой! Ставь язык к нёбу, а не к верхним зубам, только не касайся нёба, и говори: «ш-ш-ш». Давай: «шляпа»... «пошли»... «шепотом»...

— «Почли», «чепотом», — Хосе старался, но, несмотря на его старания, уже привычный, но все-таки чужой звук не спешил получаться. — Что такое «ньобо»?

Часто к ним присоединялся Октавио и французские летчики. Тогда идиллия для Хосе несколько омрачалась. Своим неудержимым и немного грубоватым астурийским нравом Октавио веселил девушку, и в ответ она тоже шутила и дурачилась, чем походила на расшалившегося ребенка. Тут как тут появлялись и жизнерадостные французы. Их тоже, как магнитом, тянуло к русской красавице. Хосе изводился от ревности, но помощь его в общении была незаменима — он был единственным, кто знал их родной язык.

Французский язык Хосе вызвал у девушки не только восхищение, но и иронию.

— Твоя католическая школа для бедных даёт прекрасное образование: математика, грамматика, литература, знание иностранных языков, музыка. Жаль только в одной Андалусии, да, Хосе? Вот Тавинесу и другим ребятам повезло куда меньше, правда? Они и на родном-то пишут с дикими ошибками. Да, Хосе!? Видимо, андалузцы — испанская элита..., — девушка откровенно смеялась и злилась, что Хосе отмалчивался.

Она понимала, что работа в шахте, тюрьма в Овьедо — были в жизни Хосе не просто так. Какая-то тайна во всём этом: «Ну, хоть слово... ну, хоть полслова скажи мне. Кто ты?! Откуда ты свалился сюда, парень? И почему так не доверяешь никому?..»

Октавио ревновал Арину к Хосе. Но они были друзьями, съевшими вместе фанегу соли, а это, говорят, в три раза больше привычного русского пуда.

Поэтому они не решались выяснять отношения по такому пустячному поводу, как женская симпатия.

Благословенный испанский тридцать седьмой — год смелых надежд. Трагический тридцать седьмой год для Советского Союза. В этом году республиканцы твёрдо верили в свою победу, в этом году у многих советских людей пошатнулась вера в справедливость своей власти.

Все друзья Хосе и Арины, несмотря на тяжёлые бои, были тогда почти счастливы. Пока на них ещё не обрушился голод боеприпасов и провизии, который наступит через двенадцать месяцев. В этом году крепнет в батальях новорожденная армия второй республики. Полки становятся бригадами, бригады — дивизиями. Бойцы осознают важность дисциплины, оборонных укреплений, стратегии и тактики. Их настигает безумие от утрат: уничтоженные Герника, Бильбао, Очандьяно, сотни беззащитных мирных городов и деревень, но они стали мужественнее. Наивная бравада народа сменилась на твёрдую уверенность, а горькие слёзы потерь на сухие глаза. В республиканскую Испанию удалось переправить много советских самолетов, а добровольцы приехали со всего мира. В небе силы и республиканцев, и фашистов стали равны.

Начались воздушные бои, в которых Арина летала бок о бок с Хосе и другими испанцами. У девушки была своя манера работать — осторожно, но четко. Перед вылетом она пыталась предварительно прорабатывать совместные действия в воздухе, по возвращении настаивала на разборе полетов. Эскадрилья эту инициативу не принимала, тем более из уст женщины, пусть даже младшего офицера. Летчики со стажем увиливали от таких обсуждений, предпочитая отдыхать или заниматься своими делами. Арину поддержали командир полка Дорофеев, для испанцев Ривас, и другие «русские» испанцы. Часто командир сам проводил вместе с ней многие учёбы. Хосе с Октавио понимали разумность идеи. В Кировобаде им привили начальные понятия стратегии и тактики. Хотя, что греха таить, поначалу испанцы шли не столько разбирать полеты, сколько покрасоваться перед русской сеньоритой. Но, как говорится, чем дальше, тем больше. Они начинали понимать, что сеньорита не просто девушка, за которой можно приударить, а настоящий боевой товарищ. И если раньше каждый из них в небе стремился показать на что способен, принимая воздушный бой, как рыцарский турнир, то теперь они понемногу начали понимать и новую военную тактику.

Дорофеев и Арина внушали им, что лучше никого не сбить, но не потерять ни одного своего бомбардировщика, чем сбить троих и потерять Софью Борисовну. И наиважнейшая задача не дать сбросить бомбы на Мадрид, любой другой город, или на своих пехотинцев и военную технику.

Окончательно Хосе поймёт это после того боя. Он случился зимой уходившего тридцать седьмого. Почти классика. Напали на итальянские бомбардировщики «савойи», летевшие бомбить Картахену, не заметив «мессершмиттов», сопровождавших их сверху в облаках. Немцы начали методично расстреливать удачно попавшиеся им в руки несколько «чатос» и «москас». Хосе заметил, как ведомый Арины, молодой, не очень опытный лётчик Энрике, не выдерживает, поворачивает от нее и скрывается в туче. На самолет девушки, как хищные птицы, налетают сразу три «мессера». Хосе, работав-

ший в паре с Октавио, едва успев махнуть ему крылом, срывается к девушке и делает свой в будущем знаменитый и опасный трюк — косит пулеметом одного немца, а потом, лихо поворачиваясь на вираже, догоняет и цепляет своим шасси крыло второго, уже повернувшего к Арине. После такого тарана немецкий самолет теряет управление и падает. Третий «мессер» прошивает очередью самолет Хосе, подставляя брюхо под пулеметную очередь девушки. Истребители расходятся.

На аэродроме подсчитывают потери. Не вернулись четверо. Нет, трое, Хосе с трудом приводит свой самолет без шасси на аэродром. Очень сложная посадка...

Каждый из его испанских друзей в этом бою хотел личной победы, только Хосе думал не о себе, а о ней — русской девушке, вдруг показавшейся ему беззащитной маленькой птичкой, на которую набросились коршуны, готовые разодрать её. Нарушая все правила воздушного боя, охваченный одним стремлением помочь, он развернулся к её самолёту. Любовь, ещё не до конца осознанная им, его первого привела к пониманию того, что в небе они все должны быть единым целым.

Хосе с трудом выбрался из самолёта. Никто не заметил, что лётчик ранен. Он старался идти ровно, но всё поплыло перед глазами. И Арина тоже словно плывёт к нему навстречу. Он вот-вот упадёт, не удержавшись на ногах. Как давно он мечтал припасть к её ногам, но не так.

3. ПЛАЧ ГИТАРЫ

Хосе стало невыносимо душно в плотном кольце лётчиков, окружающих прилетевших в Быково гостей. Он боком протиснулся наружу и неторопливо зашагал в сторону своего самолёта. За спиной слышался оживлённый разговор, сквозь который прорывался звонкий девичий смех. Здесь, на ужасающей по своей жестокости и размаху войне, присутствие женщины было также неуместно, как и на его далёкой многострадальной родине. Но одновременно это присутствие было особо значимо. Оно рождало у мужчин и чувство вины, и желание быть защитниками своих любимых — этих хрупких созданий, без страха оседлавших железных небесных коней.

Задумавшись о своём тайном, хранимом глубоко в сердце, он почти носом уткнулся в камуфляжную сетку.

— Слепые лётчики вряд ли в небе разглядят врага, — раздался из-за сетки девичий голос.

— Простите, сеньорита. Я, действительно, был невнимателен.

— О, да передо мной испанский кабальеро, не иначе. No pasaran, товарищ!

— Pasaremos!

— Вне всяких сомнений. «Мы обязательно пройдём»! — ответила переводом на русский девушка. По лицу проскользнула немного ехидная улыбка.

— Вы ушли от нашей оживлённой дискуссии, — продолжила она — кабальеро не любопытен?

— Я действительно не знаю, о чём вы спорили, но заранее согласен с вами.

— Вы всегда уступаете без боя?

— Мужчина должен уступать женщинам, на то он и мужчина.

— Вам, испанцам, в галантности не откажешь. У нас в эскадрильи тоже есть ваши.

Хосе оживился.

— Сколько их, и как зовут?

Девушка стала рассказывать, кто из испанцев летает на транспортных самолётах. Среди названных были и знакомые имена. Хосе решился спросить, переводя на шутку, о женщинах лётчицах, надеясь, что хоть промелькнёт имя любимой. Но его надежды не оправдались. Они попрощались, как старые товарищи. Уходя, Хосе оглянулся и помахал рукой. Девичий силуэт за пёстрой сеткой, маскирующей самолёт, снова напомнил давнее.

***

Хосе долго не мог разобраться в своих чувствах: иногда, на надменность и вызов Арины, так ему тогда казалось, хотелось нагрубить и высмеять, иногда он просто терялся от одного только взгляда. Он привык к тому, что строгое католическое воспитание испанской женщины не позволяло им так свободно вести себя в обществе. В то же время и раньше его душа не принимала двойственность отношения мужчины к женщине, которое он часто наблюдал: публичное рыцарское поклонение как к даме сердца, и домашняя тирания по отношению к ней. Ещё в раннем детстве, наблюдая за отношением отца к матери, он заметил этот разительный контраст. Грубость и хамство отца дома, и показное уважение при именитых гостях. А когда подрос, то знал наверняка, что это двуличие во многих семьях. Супруга была покорна и не сопротивлялась. И только во время войны с франкистами ему открылись другие испанки — свободные, непокоренные, призывающие их, мужчин, к борьбе. Однажды на улице Барселоны он увидел идущих ему навстречу четырёх девушек, образ которых навсегда стал для него символом новой испанской женщины. Они были одеты в светлые платья с ярким цветочным узором, перепоясанные крест-накрест кожаными ремнями, с небольшими, но вместительными патронажами на боку. На плече у каждой была винтовка. На гордо поднятых головах надеты испанские пилотки с красными кисточками. Они улыбнулись ему: «No pasaran, парень. Пойдём воевать с нами»! Он всегда смущался рядом с женщинами. Помнится и тогда он что-то пробурчал невнятное, вроде того, что защитит их с неба. Они рассмеялись, а он смутился ещё больше. И, конечно, идеалом такой женщины была Долорес Ибаррури. Многие ребята из его эскадрильи на этой войне по новому открывали для себя женщину и мечтали о такой спутнице, видимо, Арина во многом совпадала с этим идеалом. Его друг Октавио не скрывал, что она ему очень понравилась. Влюблённый в небо Хосе, не стремился быть асом в отношении женских сердец. Здесь инициатива всегда была у Октавио. И в этот раз он искренне не хотел быть другу соперником. Это вышло помимо его желания.

В тот день вылетов не было, и всё-таки командир для чего-то хотел всех собрать. Стояла невыносимая жара, но, вместо расслабленной сиесты в казарме, командир вызвал их на аэродром. Друзья столпились подле самолётов, спрятавшись под закамуфлированными крыльями, почти соприкасающимися друг с другом. От нечего делать у некоторых не в меру развязался язык.

— Да, Пепе, я понимаю, как трудно тебе будет выбрать жену. Это должна быть вторая Долорес…

— Это было бы неплохо, Мило, — парировал Хосе. — Мне не нужна жена только для кухни и постели.

— О!!! Не правда ли, на Долорес похожа Иренита, хоть и не такая смуглая, — усмехнулся Эмилио.

Хосе обожгли и намёк, и усмешка, слова невольно выдали тайну, которую он и сам от себя скрывал.

— Эх, парни, а я много бы дал за жену, похожую на нашу Ирениту, — голос Октавио звучал странно, без обычной его насмешливости.

Это почему-то ещё больше задело Хосе.

— Ты ошибаешься, Октавио, Иренита совершенно не похожа на Долорес, и не только внешне. Долорес Иббарури — Пассионария, но она мать. Она и Родину защищает, как мать. Иринэ и Долорес — разные женщины.

Увидев перепалку друзей, лётчики рассмеялись, а Эмилио, стараясь ещё больше подразнить, констатировал:

— Кабальеро, вы перестреляете друг друга. Иринэ и есть вторая Долорес. Только боюсь, она бы никому из вас не дала спуску.

— Мы с Хосе привыкли выяснять отношения с навахой, — усмехнулся Октавио, и голос его прозвучал нарочито угрожающе.

В этот момент из-за комуфляжной сетки появилась Арина.

— Сеньоры, ваш спор бессмысленный. Товарищ Ривера абсолютно прав. Арина не похожа на Долорес. Ничем. И никогда не будет похожа.

Под крылом соседнего самолета на какое-то время воцарилось молчание. Первым сориентировался Эмилио. Он громко поприветствовал девушку и затем шутливо произнес:

— Иренита, раз уж ты слышала наши сердечные тайны, скажи нам, будь добра, какого мужа хочешь себе ты?

— Наверное, вы приняли сетку за решетку в кабинке для исповедников? — попыталась отшутиться девушка.

— Конечно, нет. В небе нам всё ясно, летаем крыло к крылу. А на земле — ты женщина, сеньорита. Нам и правда интересны вкусы русских женщин. Цвет волос, цвет глаз, политические предпочтения…

Этот взгляд с прищуром, вскинутая голова, волосы, в которых опять заблудилось солнце. Внутри Хосе, готовый выплеснуться наружу огонь, но ледяной металл голоса охлаждает его пыл.

— С политическими предпочтениями, по-моему, всё ясно. А что до внешности, мне очень нравятся голубоглазые блондины.

Октавио хлопнул по плечу друга:

— Видишь, брат, она нанесла мне удар в сердце, не потребуется и наваха. Даже если я побелею от седины, глаза останутся карими.

Хосе справился с волнением, охватившим его, и даже снисходительно улыбнулся:

— Неужели для советской лётчицы самое важное в мужчине — это окрас перьев, как у павлина.

— Конечно, нет, кабальеро, — сверкнув глазами, парировала девушка. Она говорила, отвернувшись от Хосе, но все поняли, что слова в первую очередь предназначены ему.

— Главное в муже, это возможность чувствовать себя рядом с ним слабой женщиной. У нас обычно говорят, «как за каменной стеной».

Арина старалась сказать это как можно правильней, боясь, что её владение испанским исказит то, что она чувствовала и хотела донести.

Воцарившаяся тишина становилась неловкой. Выручил Мигель — пожилой уравновешенный лётчик, резко отличавшийся от горячей, необузданной молодёжи. В небе Мигель всегда был надёжным и верным товарищем, и Арина относилась к нему с большим уважением.

— Не сердись, девочка, все мужчины любят поговорить о женщинах, когда рядом их нет. Поверь мне, я женатый мужчина, и очень люблю мою Пилар, но беззлобно пошутить над ней тоже могу. А тебя мы все уважаем, все готовы за тебя в бой. А если серьёзно, то многие бы не отказались от такой жены, как ты. Выбор за тобой.

— Не время, Мигель, для сватовства. Разве, когда победим, — тоже постаралась разрядить обстановку Арина.

Взмахнув рукой в знак приветствия, она направилась в сторону здания, в котором размещался командный пункт.

А Хосе до вечера был сам не свой. Успокоить его душу, раненную русской девушкой, спустившейся к нему с неба, могла только гитара.

Обычно сдержанный, сегодня он играл громко, с особенной страстью. Всё фламенко вдруг сгустилось до музыки, вместилось в неё — не нужно было ни танца, ни песни. Даже летчики, стоявшие в стороне, примолкли и с удивлением смотрели на него. Когда Хосе закончил играть, Арина медленно подошла к нему и тихо сказала по-русски:

— Значит, Хосе, ты рабочий? Ты ненавидишь аристократов, веришь в Республику и Интернационал. Ты думаешь, как настоящий рабочий — шахтёр, о преступной несправедливости богатых, а значит, невозможности примириться с ними. Но где же так научился играть на гитаре, товарищ Ривера?

— Когда потребуется, я сыграю «Bandera Roja».

Арина подошла к столу, взяла гроздь винограда, и, обернувшись, с улыбкой произнесла:

— Сыграй сейчас, раз ты это можешь?

— С удовольствием, но сначала ответь мне, Иринэ, Ты действительно могла бы бросить службу? Выйти замуж? Растить детей? Жить ради мужа? Чувствовать себя настоящей женщиной? Как они, — он кивнул в сторону нескольких девушек, стоявших неподалёку, которые пришли навестить своих женихов и братьев.

— Я приехала в Испанию воевать, воевать за республику. Мы там, где мы есть, но у меня, как у любой женщины, есть и другие мечты. Пока им не время.

— Прости меня, Иринэ. Тебе не стоило приезжать в Испанию, — увидев недоумение и немой вопрос в её глазах, он всё-таки осмелился закончить свою мысль. — Ты здесь в опасности. Здесь даже самый лучший в мире мужчина не может защитить тебя.

— Это война, Хосе. А на войне нет ни мужчин, ни женщин, есть только солдаты.

Они замолчали. Но это молчание не было стеной, отгораживающей их друг от друга. Они вели диалог без слов. И когда Арина тихо сказала о своей любви к Испании, он уже понимал всё то, что будет рассказано ему потом. Только потом они будут делиться своими надеждами и опасениями. И радость и горе станут общими. В перерывах между боями они будут горячо обсуждать все победы и поражения. И придёт отчаянное понимание того, что помощи слишком мало. Силы слишком неравны, всё больше её у мятежников, которых поддерживают фашистские Германия и Италия. И всё меньше помощи законному правительству. Конечно, есть Советский Союз и ещё Мексика. Но уже становилось понятно, что пока есть. Раз они не решаются выступить открыто. Да и в самой Испании руководители запутались в идеях, иногда просто противоположных. Даже здесь, на их аэродроме, кого только нет: и социалисты и анархисты, и коммунисты и троцкисты, а такая неразбериха уж точно к добру не приведёт. Это опасно... У них ещё будет время, они о многом поговорят.

А сейчас Хосе смотрел на неё и улыбался. Странная штука, ему впервые ничего не хотелось доказывать ей. Он протянул руку и произнес по-русски:

— Давай мириться, товарищ Азорес.

— Я не ссорилась с тобой, — она протянула ему руку, но быстро отдёрнула, когда он попытался поднести ее ладонь к губам.

— Какие манеры привиты рабочим из Овьедо! — На этот раз, возглас девушки был скорее удивлённым, а не язвительным. — Иди, Хосе, развлекай приятную компанию. Девушки ждут твоего фламенко. Мне кажется, им понравилась твоя музыкальная феерия.

— А тебе? — он ждал, глядя в её распахнутые глаза, бездонные и ясные, как испанское небо.

— А я пойду спать, пока нет вылета. Не могу понять, как вы можете гулять и летать без отдыха. Да еще умудряетесь иногда сбивать самолеты.

Ответ её глаз был другим. И в этих немых словах была долгожданная нежность.

Ладонь Хосе нежно поглаживала крутой изгиб гитары. И снова вздрогнули струны, и он прошептал:

«Гитара,
и во сне твои слёзы слышу.
Рыданье души усталой,
души погибшей
из круглого рта твоего вылетает,
гитара...»

4. НАВАХА

Жаркое лето сорок второго года. Тревожное лето. Враг подошёл к Сталинграду, захвачена излучина Дона, немцами создан прекрасный плацдарм для нападения. Работа советских военных лётчиков тоже становится жаркой. Вылет за вылетом: сопровождают наши бомбардировщики, сбивают враже-

ские. Хосе был несказанно рад, когда в их истребительный полк с новым пополнением приехал старый испанский товарищ Антонио. Он хорошо знал его и по учёбе в Кировобаде, и по своей войне. Кано Гарсиа Антонио был настоящий ас, на счету которого было двенадцать сбитых фашистских самолётов в небе Испании. В горячий август сорок второго у испанских друзей полётов прибавилось, и опыт своей войны здесь был им очень кстати. Истребители сопровождали бомбардировщиков и штурмовиков к цели, прикрывали особо важные военные объекты на земле.

В полку летали не только мужчины. Плечо к плечу, а вернее крыло к крылу были рядом с ними и женщины. Каждый раз с прибытием новой лётчицы, Хосе обманывался в своих ожиданиях и надеждах. Арины он пока не встречал. Хосе рвался в небо, лишь там, в яростной и жестокой борьбе стараясь забыть свою сердечную боль, но и в небе было много того, что снова напоминало ему о любимой. Удачно увернулись от немецкого аса — вот он урок Арины. Мастерски защитили бомбардиров, ни одного не потеряли — значит не прошли даром кропотливые разборы каждого вылета с упрямой русской лётчицей. Снова посрамлены немецкие асы, которые так гордились своими победами. А в начале войны их высокое мастерство и более совершенная техника оставляли мало шансов нашим ребятам не просто выиграть, но даже вернуться на аэродром живыми. Теперь лётчики-истребители научились выполнять свою главную задачу — защищать. А это во многом зависело от умения летать в паре.

Его ведомый — простой и скромный русский парень. Андрей только что закончил лётное, где учиться было особо некогда, в основном осваивали «взлёт-посадка». Несколько месяцев учёбы и «смело в полёт». Молодой лётчик боготворил Хосе, старался, как и полагается ведомому, быть и на земле рядом, наблюдать за его привычками, жестами. Главный принцип в воздухе: пара — неделима, действовать самостоятельно недопустимо, это может привести к гибели. И нужно не только слетаться, но и сдружиться на земле. Хосе знал, что близость и дружба на земле — гарантия взаимопонимания в воздухе, ведь ведомый должен чувствовать его, даже если они не подают друг другу сигналов. Но иногда ему очень хотелось остаться одному, наедине со своей гитарой. Когда молодой лётчик стал отлучаться в соседнюю эскадрилью, где служили несколько девушек, он даже обрадовался, а по особому блеску глаз безошибочно определил: «Андрюша влюбился»! Хосе, конечно, мог догадываться, что любовь эта не безответна. Познакомиться с девушкой друга Хосе не успел, их полк перемещался всё ближе к фронту. Шли ожесточённые бои за Сталинград, много вылетов, боёв, неравных схваток. Но один был особенно жестокий. Эскадрилье пришлось сражаться против сорока «юнкерсов» и «мессеров». Хосе зря переживал за Андрея, парень точно определял свои действия, понимая Хосе на уровне интуиции. Начало боя было удачным, сбили несколько пикировщиков, но силы были слишком неравны. Пришлось уходить. «Кто не пришёл», — первое, что спросил Хосе, и тут же железным обручем сдавило грудь: «Паскуаль! О, Мадонна»! Это был его тёзка Хосе Паскуаль. Он находит в себе силы похвалить Андрея до того, как тот убегает в соседний полк. «Волнуется, — думает Хосе, — конечно, их ведь тоже изрядно потрепало».

Андрей вернулся быстро. По серому окаменелому лицу своего ведомого испанец понял, что случилась трагедия. Слова утешения были бесполезны, но он всё-таки сказал:

— Может ещё не точно. На войне всякое бывает.

— Успела выпрыгнуть, но парашют раскрылся над занятой территорией.

— Там воинское расположение или лес? Точно ведь не знаем. Бывает, выбираются. Нужно верить, Андрюша.

***

Попадать в лапы фашистам нельзя, это Хосе знал ещё в Испании. Он помнит того французского лётчика, разрубленного на части. Его сбросили им с самолёта. Благородные немецкие рыцари показали свой «арийский» аристократизм. Это был шок, даже для самых бывалых, много повидавших лётчиков. Арина тоже весь день была сама не своя. Гитара в руках Хосе молчала, лишь случайно один раз то ли вскрикнула, то ли простонала.

Тягучая обволакивающая тишина стала просто невыносимой, когда ослепительное дневное светило, покрасневшее, словно от стыда за детей земли, стремительно спряталось за макушкой холма, напоследок окрасив его кровавыми отсветами. Арина не сразу нашла уединившегося Хосе. Она впервые так близко присела рядом с ним. Внимательно вгляделась в человека, ставшего ей таким дорогим. Она сама боялась себе признаться в этом, но всё происходило будто помимо её воли.

Сейчас лицо Хосе было прикрыто ладонью, упирающейся в лоб. Огрубевшие, но не потерявшие изящности, тонкие пальцы прикрывали спадавшие пряди волос, тёмные как смоль. Арина легко прикоснулась к опущенному плечу. Хосе вздрогнул. Пальцы нырнули в волосы, отбрасывая густые пряди назад и обнажая беловатый шрам, прочертивший косую отметину от брови к виску.

— Можно спросить, Хосе, откуда у тебя такой шрам? — не решившись дотронуться до Хосе, Арина прочертила пальцем полоску на своём лбу.

— Это было давно.

— Ты расскажешь?

— Когда-нибудь.

Ладонь Хосе прикрывает её руку. Девушка чувствует невольное напряжение парня, который старается справиться с предательской дрожью. Она отстраняется.

— Сегодня тяжело быть одному, Хосе. Пойдём к ребятам, а потом отдыхать. Завтра будет трудный день. Просто так это им не пройдёт.

Он понимает, о чём она говорит. Согласен, что их уединение не может продолжаться дольше. Но как хочется быть рядом с ней, остановить это мгновение. Тепло её руки обжигает его ладонь. Слишком горячо! Она освобождает руку и стремительно уходит. Он плетётся навстречу приближающимся голосам друзей.

Проходит ещё несколько дней. Ожесточённые бои в небе. Короткие передышки на земле. Вечерами гитара Хосе то рыдает, то ликует. Победы. Потери.

Это утро, казалось, ничем не отличалось от других. Но только на первый взгляд. Атака аэродрома Гарапиниольс была тщательно спланирована. В небо поднято шестьдесят четыре истребителя. Противник был обманут отвлекающим ударом бомбардировщиков по Сарагосе. Зенитные батареи аэродрома были застигнуты врасплох и без труда подавлены. Только два самолёта франкистов попытались взлететь, но были сбиты в воздухе, а шестьдесят уничтожены на земле. Это были самолёты, готовящиеся атаковать аэродромы республиканцев. Не успели укрыться, и были уничтожены автобусы с только что прибывшими пилотами. К тому же были взорваны склады боеприпасов и топлива.

У республиканских лётчиков потерь не было. На аэродроме и в казармах царило оживление. После ужина все горячо обсуждали несомненный успех. Арина не хотела оставаться в стороне. Присела рядом с Октавио. Хосе бросил на Октавио сердитый взгляд, потом опустил голову. Краем глаза Арина уловила, как он, нервничая, откидывает назад свисающую на глаза прядь волос, снова обнажая загадочный шрам.

— Хосе, ты так и не рассказал мне, откуда у тебя этот шрам.

— Это? — Хосе потёр ладонью свой шрам. — Это так, с детства.

— Неправда. — Их взгляды встретились, но Хосе, отворачивается в сторону.

Октавио с ухмылкой посмотрел на друга:

— Давай, Пепе, расскажи, посмеши сеньориту.

Хосе нахмурился еще больше, но молчать или врать в присутствии Октавио ему было неудобно. Он провёл рукой по шраму.

— Это была наваха. Ты когда-нибудь слышала, что это такое?

Арина отрицательно покачала головой, усиленно пытаясь вспомнить слово.

— Бритва?

— Нет. Такой специальный нож, складной. Когда-то в Овьедо один парень захотел проучить меня. За дело. Но великодушно пожалел, увидев мое неумение драться на ножах, и только унизил.

— Унизил тебя? — искренне удивилась девушка.

— Конечно, я был смешон. Представь меня, вслепую размахивающего ножом вокруг себя. Кровь заливала глаза.

— Как-то не очень смешно, — поежилась Арина.

— И, представляешь, даже не покалечил, — перебил друга Октавио. — Все сухожилия на руках и ногах остались целы! Толком и не помню, за что мы тогда с тобой сцепились...

— Было за что. Я сам заслужил, — угрюмо ответил Хосе.

Арина удивленно перевела взгляд с Октавио на Хосе и опять на Октавио.

— Даже так?! Это был ты, Тавинес? Но вы же друзья! Как ты мог!

— В тот день я впервые увидел Пепе. Помню, у него даже не было с собой навахи, да? Пришлось снабдить. От силы на две минуты... еще хорошо, что этот молодой осел попал на меня, а не на других ребят. Они могли и вправду, хорошо поиздеваться. К примеру, рассечь нос или губы. И тогда, Пепе, ты был бы еще красивее, — рассмеялся Октавио. — А совсем бы не по-

везло, если какой-то navajero сделал тебе знаменитый проворот в груди или в горле. Дружить мне было бы не с кем...

— Я не спорю. Ты поступил благородно, — перебил его Хосе. — Особенно после, когда бросил мне тряпку остановить кровь и предложил еду и ночлег.

— Видела бы ты, Иринэ, его тогда, — Октавио, нарочито зевнул. — Жалкое зрелище. Оборванный. Голодный. С безумным затравленным взглядом... Откуда ты свалился тогда, Хосе?

Никто в эскадрилье, даже Октавио, всё о Хосе до конца не знали, а сейчас при Арине он совсем не хотел откровенничать.

— Хватит, Октавио!

Октавио, разгорячённый воспоминаниями, не обращал внимание на недовольство друга:

— А потом, Иренита, я сделал из него настоящего navajero! И он стал неплохим бойцом! Ему это пригодилось!

— Хвала святым, я больше никогда и ни с кем не дрался на улице, — сквозь зубы проговорит Хосе. — Пригодилось это только, когда мы резали гвардейцев, чтобы отобрать у них винтовки.

— Да, у них винтовки, у нас навахи... — с упоением вспоминает Октавио. — И целых две недели мы держали оборону всего Овьедо...

— Это... это было в тридцать четвертом? — заинтересованно спрашивает Арина.

Испанцы кивают.

— Вот почему ваши женщины так ненавидят ножи, теперь я это понимаю. А я бы хотела научиться. Вы научите меня этим приемам с ножом, camaradas? Вдруг пригодится?

— Было время, когда наши женщины, все, поголовно, имели навахи. И умели ими пользоваться. Маленькие такие, с ладонь. Они назывались salva virgo — хранитель чести. Неспокойное время было, прямо как сейчас. Это здравые мысли, да, Пепе?

— Не думаю, что это так. Эта наука ни к чему сеньорите.

Арина с досадой отвернулась от Хосе.

— Тавинес, я быстро учусь, всего несколько приемов!

Потом он долго не мог простить себе, что не понял её тогда. Принял её желание за каприз, а не за вынужденную необходимость.

— Хорошо, я буду тебя учить, — опередил друга Октавио. — Как главный специалист по навахам в нашей эскадрилье. Хоть в этом ты мне не конкурент, Ривера! У тебя есть salva virgo, дай её Ирените. Нужно показать сеньорите что-нибудь более полезное, чем книжки со стихами. Думаю, ей это не помешает.

Хосе молча достал нож и протянул Октавио, а потом прислонился к корявой оливе, и стал ревниво наблюдать за происходящим.

Октавио протянул девушке маленькую аккуратную наваху. Арина с интересом стала рассматривать рукоятку, украшенную резьбой и тонкое блестящее лезвие.

— Хосе, это ею ты... резал гвардейцев в Овьедо?

Хосе покачал головой.

— Нет. После Овьедо мы с Октавио были в тех местах, где навахи не нужны. Не переживай. На ней не было ни одной капли невинной крови.

— Ну, давай, Иренита. Нападай на меня! — скомандовал Октавио, делая шаг назад и протягивая руки навстречу девушке.

Арина удобнее перехватила нож в руке и сделала рывок вперед... Октавио уже в стороне. Еще. И еще. И вот молниеносный прием, он хватает свою жертву сзади за шею через плечо. Нож вылетел из ее руки.

— Octavio, basta! — Хосе бросился к ним. — Не забывайся, это девушка!

— Не ревнуй, дуэнья! Это на благо нашей сеньорите, — усмехнулся Октавио, но выпустил Арину из своих объятий.

— Если хочешь показывать приемы, показывай на мне! — не унимался Хосе.

— Нет, Хосе! — настала очередь девушки возмутиться. — Я же тогда не смогу все понять! Тавинес, ну пожалуйста, давай от простого к сложному!

Хосе отправляется на свое место. Урок продолжается. Арина разгорячилась, а в глазах появился какой-то хищный блеск, как у настоящего борца. Наконец, девушке удалось изловчиться и схватить Октавио за руку, в которой он держит нож, и даже бросить его оземь через бедро.

Раздаются удивлённые возгласы. Все впервые видят приемы советской «самообороны без оружия»... Арина несказанно удивляет и веселит испанцев, которые начинают кричать и подзадоривать. На крики подходят летчики — французы, стоявшие в стороне:

— О, ля, ля, мадмуазель! Мы знаем, что женщина умеет побеждать мужчину, но не таким способом.

А Эмилио кричит Тавинесу:

— Соррильо, поосторожнее! К утру всем надо отдохнуть. А тебе этой ночью точно будет не до сна! После такого близкого контакта с противником!

До Арины не сразу дошёл смысл сказанного. А поняв, она, внезапно останавливается, отдает нож Октавио, извиняется перед ним и, одарив собравшихся мужчин красноречивым взглядом, уходит к бараку.

— Слабый ты на язык! — раздраженно говорит Октавио Эрнандесу, подходит к Хосе и садится рядом с ним на траву. — Представление окончено!

— Мужланы! — вполголоса говорит он другу и возвращает ему нож. — Смутили Ирениту!

— Ты перегнул палку, — также тихо произносит Хосе, пряча наваху. — Мне кажется, ее еще никто так не обнимал. Никогда.

— Не придумывай! — усмехается Октавио. — Такого не может быть! В ее возрасте и с ее внешностью...

— Замолчи! — Хосе бросает на него гневный взгляд. — Не смей!

Октавио сочувственно смотрит на друга.

— Я все хочу тебе сказать, что ты очень изменился, брат, — тихо говорит он Хосе. — Мне тоже нравится Иренита, как может нравиться красивая молодая девушка, но ведь у тебя другое. Сам-то ты понимаешь это? А? Совсем пропал из-за нее, да, Пепе?

Хосе отворачивается и молчит. Какое-то время молчит и Октавио.

— Может быть, ты и прав, — наконец произносит он и толкает друга плечом в плечо. — Иногда она ведет себя, как ребенок.

— Пойдем, надо извиниться, — Хосе встает и направляется к бараку. Октавио плетется за ним.

***

Упрямая девчонка научилась обороняться с ножом. Сейчас Хосе был благодарен своему другу за это. Свою наваху, он подарил Арине. «Может быть, она стала для неё salva virgo? Мадонна! Лучше бы она ей никогда не пригодилась»! — думы о любимой ни на минуту не покидают его и на этой войне. «Но где же ты, «mí niña»? Почему я никак не могу с тобой встретиться»?

5. СЕРДЕЧНЫЕ ТАЙНЫ «НОЧНЫХ ВЕДЬМ»

Всё перевернулось в жизни Арины, прошлое и настоящее, день и ночь. Утром она зарывалась с головой в подушку и проваливалась в сон, глубокий и беспокойный одновременно, стараясь побыстрей отбросить всё, что было и этой ночью и годом раньше. Днём, как только открывала глаза, невыносимой болью наваливались на сердце тяжёлые потери и прошлые и настоящие. Ночью взлетала на допотопном самолёте с лётчицей-штурманом за спиной, девочкой, чуть ли не вдвое моложе её, и несколько раз перелетала за линию обороны; и над территорией, занятой врагом, сбрасывала смертоносный груз на их танки с уродливой чёрной свастикой, на их позиции, на их склады, на их проклятые головы. А потом, под утро, она и её подруги не выходили, а вываливались из своих По-2, бипланов, на которых летали в женском авиационном полку. Изнурительных, бессонных ночей было хоть отбавляй, но они не шли ни в какое сравнение с этой. На глазах у Арины сгорело два экипажа, девчонки даже не могли выпрыгнуть, у них не было парашютов. Не взяли, чтобы можно было привесить побольше бомб. Как она убеждала, приказывала: «Не сметь»! Не послушались, схитрили. Когда Арина приземлилась, не смогла говорить, осипла. Наверное, от отчаянья орала и матюгалась. Их тоже прошили дважды, и её девочка за спиной обмякла, но продолжала работать до конца, сбросив все до последней бомбы, и лишь потом Арина посадила эту дурацкую этажерку.

Досталось, конечно, и всему «Дунькину полку», как с лёгкой руки какого-то шутника называли этот женский авиационный полк, командиром которого была Евдокия Бершанская. Летать опытной лётчице-истребителю Арине Соколовой, как и всем остальным, пришлось на деревянных бипланах с открытыми кабинами, которые создавались не для войны, а для учёбы. Мотор у самолёта был маломощный, поэтому не только в художественном фильме времен войны, но и в реальной жизни величали его «небесный тихоход». Но, под прикрытием ночи, героические наши девочки-лётчицы творили просто чудеса, за несколько вылетов уничтожая столько живой силы и техники врага, сколько мог сделать большой бомбардировщик.

— Маша, — крикнула Арина своему механику, — помоги мне. Верочку ранило.

Вытаскивая из кабины бледную, тихо постанывающую подругу, Арина шептала: «Потерпи, родная. Вылечим, не переживай», но с тревогой поглядывала на проступающие на комбинезоне кровавые разводы. Навыки медицинской сестры пригодились и на этой войне. Когда она умелой рукой накладывала повязку, в зеленоватых глазах Верочки читала и надежду и страх:

— Сильно меня покалечило?

— До свадьбы заживёт.

— Свадьбу-то скоро с Гришей хотели сыграть.

— Да ну! Что ж молчала?

— Сглазить боялась. А теперь вот буду уродка.

— Глупости не говори. Рана-то пустяковая.

— Да?! — Верочка слабо улыбнулась:

— Где ты так научилась?

— Практика была хорошая.

— До войны?

— На другой войне. И молчи, пожалуйста, девочка, береги силы.

Жестокий ночной бой так явно напомнил ту давнюю стычку с «мессерами» в испанском небе. Девчонки, конечно, не могли идти на таран, как тогда Хосе, но азарта и удали у них было, хоть отбавляй.

***

В тот день в Испании они потеряли несколько «чаек» и «мух». Когда прилетели, Хосе еле выбрался из самолета. Он шёл, спотыкаясь, но с видом победителя, а она яростно набросилась на него:

— Никогда, слышишь, никогда не смей этого делать! — Она подошла к нему и с размаху влепила оплеуху, сама не ожидая от себя этого. Злость и странные, непонятные чувства теснили её грудь: какое-то беспокойство, почти страх, но не за себя.

— У тебя же оставались патроны! Ты понимаешь, чем обычно заканчивается таран?

Дитя страны корриды, он уже предвкушал, как девушка будет восхищаться его смелостью и мастерством, и тут такое! Пытаясь защититься, Хосе схватил ее за руки, он просто потерял дар речи, так его еще не оскорбляла ни одна женщина. И он никогда не видел в Арине столько ярости.

— Пусти меня! Я бы справилась сама! Кто дал тебе право так рисковать? — её голос предательски задрожал.

Глядя в её увлажнившиеся глаза, он начинал понимать тайное, непонятное тогда и ей самой.

— Mi niña. Девочка моя, — тихо, но твердо говорил он, сжимая сильнее её руки. Мне дал это право Господь. Потому что я мужчина. Я мужчина и сам буду решать, что мне делать. И я не буду бояться смерти, даже если просишь ты.

Он говорил страстно, путая испанские и русские слова, боясь, что Арина не всё поймёт. Она тоже невольно вплетала русские слова в испанский язык, который так старательно изучала.

Летчики, остановившиеся поодаль, молча смотрели на них, и слушали экспрессивный русско-испанский диалог. Только Ланго прошептал на ухо другу: «Они прекрасны», и тот, улыбаясь, кивнул.

Они были у всех на виду, Арина забыла настойчивые предупреждения командира, шутки друзей, ехидные ухмылки и сальные намёки прилипчивого Саэса. На ладони большого лётного поля, среди своих друзей и, пока неведомых им, недоброжелателей, они были словно одни во вселенной.

Хосе побледнел, но пытался улыбнуться. Он перехватил её тонкие запястья выше. Ох, как бешено заколотились их сердца. Глаза в глаза, и так близки губы…

— Что же ты со мной делаешь? — прошептал он.

Гимнастерка под кожаной курткой уже пропиталась кровью. Он упал, как подрубленное дерево, на колени. И только тогда она поняла, что он ранен.

— Ты же ранен! Срочно в медпункт! Октавио, помоги. А я припасу всё необходимое.

Она почти убежала по направлению к бараку, в котором отвели маленькую комнату, не имевшую почти никакого оснащения, но гордо именуемую медпунктом.

Октавио и Эмилио помогли спотыкающемуся Хосе преодолеть расстояние до здания. Дорога эта показалась ему странно длинной. Сознание куда-то уплывало, но до него ещё дошла нелепая фраза Эмилио, попытавшегося пошутить:

— С двойной победой тебя, Пепито, сказать по правде, мы уже и не надеялись, что у тебя что-то получится.

В каморку с бинтами и лекарствами Хосе зашёл один. Арина ждала за столом. Несмотря на боль, Хосе заметил покрасневшие глаза. «Она плакала, — сокрушенно подумал он. — Это из-за меня, безмозглого осла».

— Иренэ, Иренита, прости меня! Я не хотел сделать тебе больно!

— Снимай одежду, — стараясь выглядеть спокойной, сказала она ему ледяным голосом, — и не разговаривай!

Лётную куртку снять было сложно. Гимнастерку, пропитавшуюся кровью, и вовсе пришлось разрезать. Плечо сильно отекло.

— Ты что, не мог сразу сказать мне, что ранен? — она ругала себя за потерянные минуты на аэродроме. В глубине души, Арина поняла тогда, что Хосе действительно её спас, эти пули предназначались ей.

С трудом она остановила кровь. Приготовила инструменты, и начала обработку. До лётной школы она закончила курсы медицинских сестёр, и даже думала, что пойдёт по этому пути. Кое-какой опыт у неё был и до войны в Испании, но не с огнестрелами. Здесь пришлось столкнуться с тем, к чему была не готова. В последние месяцы ей приходилось лечить в основном пулевые ранения и даже ожоги у сумевших посадить самолёты товарищей. Так сложилось, что в полку она, помимо своего основного назначения, стала выполнять обязанности медицинской сестры. Пристально вглядевшись в рану, Арина приняла решение извлечь осколки и пулю. Перед глазами встали рисунки из Военно-полевой хирургии. «Рана глубокая и рваная. Слава Богу, кажется, крупные сосуды не задеты. Неудобное место, доберусь ли до всего, что попало? Почему такой отек? Нечем обезболить, нет ни белладонны, ни кодеина…»

— Потерпи, сейчас буду вытаскивать. Выпей спирта, — сказала резко, почти приказывая.

Хосе отрицательно покачал головой. Арина продезинфировала рану, но начинать операцию не решалась, понимая, что боль будет нестерпимой.

— Слушай, давай ты выпьешь и не будешь дергаться, иначе я порежу тебя на лоскуты, — сказала, как можно строже, чтобы не дрогнул голос и предательски её не выдал. — Или я позову Октавио, пусть он подержит тебя.

— Нет, не надо Октавио. Давай спирт.

Она быстро плеснула в кружку, добавила немного воды, помогла выпить, усмехнулась.

— Вот, спаиваю испанских мужчин. Уже второй за неделю...

Наконец, ей удалось вытащить небольшой осколок и застрявшую довольно глубоко пулю. Хорошо, что стрептоцида было достаточно, и она постаралась посыпать погуще. Внутреннее напряжение стало меньше, и теперь спокойно и аккуратно наложила швы и повязку. А потом присела рядом с кушеткой и провела рукой по лбу терпеливого испанского парня, который смотрел на неё затуманенными глазами.

— Отдохни немного, Хосе. Мы хорошо с тобой поработали.

Благодарный и влюблённый взгляд. Хосе взял ее руку, поцеловал и прижал к своей щеке. Вымученно-блаженная улыбка и полуприкрытые глаза. Он почти засыпает.

— Что, теперь не так больно? Захмелел? Поспишь, а завтра отправим тебя в госпиталь. И старайся этой рукой ничего не делать. Давай закрепим повязку за шею. Пусть будет не навису. Хорошо хоть стрептоцида хватает... — добавляет она. — Давай, выпивай таблетку, и я пойду.

— Подожди немного! Побудь со мной. Я не настолько пьян, — шепчет Хосе. Он впервые не робел перед ней. — Если я и пьян, то только тобой. Хочу много тебе сказать!

Всё меньше света проникает в небольшое окно тесного помещения, стремительно надвигается южная ночь. Он говорит ей нелепые глупости, ласковые слова вперемешку с обрывками стихов и песен. Наверное, и правда, запьянел. Но почему от этих нелепостей у неё идёт голова кругом, будто она сама выпила стакан спирта? И теперь не осознаёт где реальность, а где мираж. И почему так захотелось плакать, но не от горя, а от какого-то непонятного восторга?

Захотелось прижаться к нему, гладить рукой эту тёмную волну волос спускающуюся на высокий лоб.

Нет, нельзя. Нужно выйти отсюда, нужно убежать от своего счастья. Пора.

Делая усилие над собой, она заставила его подняться, дала выпить стрептоцид. Накинув ему на плечи куртку, помогла дойти до двери. У выхода он повернулся к ней, прижался горячей щекой к её плечу. Под его ногами поплыла земля, но радость бурлила в нём кипятком, готовым выплеснуться наружу. Он был рад всему, что произошло: и «мессеру», которого он победил, и ранению, которое дало ему время остаться наедине с любимой и понять, что он ей небезразличен. Окончательно теряя голову, парень прошептал:

— Ирене, я клянусь защищать тебя и беречь себя ради тебя.

— Береги себя, Хосе, но не только ради меня, — она старалась говорить спокойно и строго, прорываясь через ком, сковавший её горло. — Ради нашего общего дела. Клянись!

— Я клянусь. Я буду осторожен, потому что есть ты. Когда мы победим, я отвезу тебя в Таррагону. Мы поженимся, у нас будет дом на берегу и много детей.

Он наклонился к ее губам. Она, собрав волю в кулак, строго посмотрела и отстранилась.

Хосе понял, что хватил лишнего и смущённо опустил голову. У дверей их ждал Октавио. У него мрачноватый вид. Он почувствовал, что Хосе еще более утвердился в роли счастливого любовника, а значит, стал ему соперником. Передав раненого другу, смущенная Арина ушла к командиру, рассказать о подробностях происшедшего в небе и на земле. После публичной сцены на аэродроме, она поняла, что он уже в курсе. Будет очередной нагоняй. Она знает, что Дорофеев, который для всех испанцев был Ривас, по-доброму относится к ней, а если и отчитывает, то строго по-отцовски. Но он тысячу раз прав, она не за этим приехала. Нельзя, чтобы личные отношения помешали ей в общем деле, в борьбе. Нельзя, чтобы товарищи потеряли к ней уважение. «Нужно справиться с этим», — думает Арина. Но разве можно спрятать любовь?

К её радости, командира не было, уехал в штаб. Вечером хотела проверить раненого, подготовить к отправке в госпиталь. Утром туда обычно уходила машина. Услышав игру Хосе на гитаре, Арина разозлилась. Не стала выходить из своей комнаты. А Хосе всё надеялся и ждал её. У него уже начиналась лихорадка, но он упорно не хотел ложиться в постель, несмотря на уговоры друзей. Сидел в обнимку с гитарой, облокотившись на решётку импровизированного патио, окружённого разросшимся кустарником. В эту ночь он играл, как никогда. Голос гитары был громче и пронзительнее, она и её хозяин задыхались от избытка чувств. Это невозможно было скрыть от окружающих, всё стало понятно без лишних слов.

Еще не начало светать, когда их подняли на вылет в Аликанте. На аэродроме Арина столкнулась с Эмилио, он успел ей крикнуть:

— Сеньорита Азорес, ваш кавалер под утро совсем не давал нам покоя. Всё бредил о вас.

В последнее время девушка перестала обращать внимание на реплики друзей Хосе, понимая, что шутки эти не злые. Это было своеобразное провозглашение жизни, наперекор смерти. Но сердце кольнула мысль: «Всё-таки нужно будет зайти к Хосе. Если вернусь...» На западе горы окрашивались в вишневый цвет, а на безоблачной голубизне неба чётко обозначились приближающиеся тёмные точки. Это были «мессершмитты» и «савойи»! Больше двадцати. Захлестнула ненависть: «Следят, гады, чтобы «савойи» сбросили свой груз. И все на жилые кварталы»!

Бой завязался прямо над городом. Республиканские эскадрильи, не сговариваясь, теснили фашистов на окраину. На этот раз Энрике не оставил свою ведущую и до последнего прикрывал ее, пока позади Арининой «чайки» не вспыхнул яркий фейерверк, расцвечивающий небо и угасающий у самой земли.

***

Сегодня над Керчью Арина тоже видела ночное небо, вспыхнувшее разными красками. Самолёт её боевой подруги Жени падал сначала медленно, спиралью, а потом все быстрее. Из самолета стали разлетаться ракеты: красные, белые, зеленые. Страшная красота!

Закончив перевязку Верочки и благополучно доставив её в медсанчасть, Арина поплелась, еле передвигая ноги, отдыхать. На столе лежала неразобранная почта. Мелькнула мысль: «Мне писать некому, потом посмотрю для Верочки». Краем глаза увидела письмо для Жени. «Наверное, снова от жениха. Как ему написать, что невесты больше нет»? Проваливаясь в сон, она ещё видела перед глазами её смертельный салют.

6. ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Солнце присело на макушку старой сосны на другом конце аэродрома. Оно подрумянилось как лепёшка, испечённая на жару в русской печке. Проснувшись, Арина не сразу открыла глаза. Тихо. «Никого нет, что ли»? — подумала она. Повернув голову, увидела девочек, сидящих за столом. Наклонив головы, они усердно вышивали цветными нитками на тряпочках и портянках. Это была последняя мода их девчоночьего полка. Вышивка отвлекала и успокаивала.

— Девочки, с добрым вечером. Я проспала всех дольше?

— Ты и легла всех позже, — откликнулась миловидная сероглазая Маша.

— Как дела у Верочки? Её увезли?

— Наотрез отказалась. Говорит, ты её вылечишь — рана пустяковая.

— Что за глупости, — Арина резко вскочила. — Я в медсанчасть.

Про себя Арина на чём свет ругала и Верочку с её любовью, и фельдшерицу из медсанчасти, которая пошла у неё на поводу, да и себя тоже. «И угораздило же меня ей сказать, что «рана пустяковая»? А она поверила. Ну что поверила — это хорошо, это помогает. Но в госпиталь нужно обязательно. А фельдшерица! Тоже мне, профессор. Дел наделают, а потом чудо жди, чтобы расхлебать заваренную кашу. А произойдёт ли оно, чудо это, как тогда в Испании»?!

***

Утром на аэродроме Арину нашел Октавио. Его лицо было встревоженным.

— Прости, Иренита. Надо подойти к Хосе. Он наотрез отказывается ехать в госпиталь, говорит, что ты сама хороший врач. Но ему с ночи все хуже.

— Пойдем за инструментами. Я утром говорила Ривасу насчет госпиталя!

— Но Ривас согласился с Хосе! Говорит, там такие же врачи, как и ты. Раненых без счету, а медикаментов тоже нет. — Октавио посетовал. — Нет помощи ни от французов, ни от англичан. Только Советский Союз настоящий друг.

— Мы далеко, и сам понимаешь «политика невмешательства». Если бы не это, то и специалистов разных, не только военных, было бы больше. А я все-

го лишь медсестра! Вчера сделала все, что могла, но, похоже, нужен врач и нормальные медикаменты.

Октавио развел руками.

Хосе действительно был плох. Температура поднялась, его бил озноб. Вымученно улыбнулся и прошептал по-русски:

— Прости, не даю тебе покоя.

— Да, из-за своей глупости. Ты понимаешь, что сам себе навредил? Зачем ты играл вечером? Это же ты играл?!

— Ты слышала? Я играл и пел для тебя, — обезоруживающая улыбка и запавшие темные глаза, которые нехорошо, лихорадочно блестят.

— Глупый парень, ты так навредил себе!

«Господи, как же ему было больно, когда он играл для неё. Даже в таком состоянии он хотел понравиться мне, — промелькнула мысль, которая, невзирая ни на что, была ей приятна.

С первого дня приезда, еще в Барселоне, сдержанную по своей природе Арину покорили песни испанцев. Они были так похожи на землю, которая дала им жизнь. Отчаянные, дерзкие, знойные, или хлесткие и веселые, а порой, поражающие глубиной своей боли и обреченности. В этих песнях фонтаном до небес бил непередаваемый колорит. Иногда они были наивные и даже ироничные. В Барселоне на ее удивлённый вопрос, почему они так поют, один старик ответил: «Мы должны показать им свою силу...», и пропел ей с гордо поднятой головой:

Если ты хочешь хорошо поесть, дешево и вкусно,
на передовой есть гостиница,
а на подъезде к ней — марокканец Мохаммед,
он говорит тебе: «Проходи, проходи, что ты будешь есть?
Первое блюдо, которое тебе подадут, — разорванные гранаты,
второе — шрапнель, для свежести ощущений...

Шли тяжёлые бои, и Арину поражало пение на улицах, в кафе, в госпиталях, неподалеку от разрушенных бомбежками домов. Даже в чёрную непроглядную ночь, после траурного дня, укачивая своих младенцев, испанки напевали протяжные песни, напоминавшие ей русские колыбельные. В своей эскадрилье она увидит, как звуки песен сопровождают умирающих и умерших. После таких песен солдаты — франкисты кричали своим землякам — республиканцам, сидящим в ближайшем окопе: «Спойте еще!» А ночью, не выдержав, перебегали через линию огня сдаваться Народной армии.

И Арина влюблялась в этот народ все больше и больше.

Хосе был плоть от плоти своей земли, своей Испании. Безупречно красивый, стройный парень, который вначале так ранил и изводил ее, непроизвольно помогал ей утверждаться в этой привязанности. Ей казалось, он чувствует и понимает слишком многое, почти каждое движение ее души, которая раскрывалась навстречу его музыке.

Но сейчас его игра была совсем некстати. Девушка разрезала промокшую повязку, проклиная себя, что вечером не вышла, не отобрала гитару. Увидев рану, сердце ёкнуло.

— Что же мне делать с тобой, Хоселито? — она впервые называет его так. — Откуда же ты взялся? Ты же не мальчик уже. Сколько тебе лет? — она отвлекала его, не давая смотреть на рану, на ее потемневшие края. «Почему же не помог стрептоцид?»

Хосе попытался снова улыбнуться, но получилась вымученная гримаса. Он не стонал, а лишь проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Будет двадцать девять. Слишком старый для тебя?

Арина не придала значения его словам, была озабочена другим. Пустяковая по меркам войны рана обернулась заражением. Она обдумывает варианты. «Как же быть? Вроде всё правильно сделала! Инструменты стерилизовала, вытащила, вроде, все осколки. Может, всё-таки, что-то осталось? Или это от нагрузки, от гитары»?

Перед глазами — ускоренное немое кино. Больница, где она проходила практику, их старенький врач, его воспоминания времён гражданской войны. Что-то он такое рассказывал, она помнит. Нужно попробовать. Это шанс.

Она смотрит в замутненные глаза Хосе. Берет за руку, считает бешеный и поверхностный пульс. Молчит, в волнении подбирая испанские слова.

— Послушай, парень. У нас с тобой не очень хорошие дела. Вести в госпиталь далеко, сейчас терять времени уже нельзя. Давай выбираться своими силами. Согласен?

Он старается не закрывать глаза. Кивает. Опять эта вымученная улыбка.

— С вами хоть под пытки, сеньорита...

— Это мы успеем, а пока проглоти пару таблеток. И тебе действительно придётся потерпеть. Другого выхода я не вижу.

Повернувшись к стоящему рядом Октавио, тихо, чтобы не услышал раненый, говорит:

— Октавио, мне нужно чистую кипяченую воду и соляной раствор. Пусть тебе поможет Пилар, раствор должен быть один к десяти. Сможешь? Но чтобы точно. Принеси несколько чистых полотенец. Да, и спирта прихвати из медпункта, и побольше. Давай быстрее.

— Что ты придумала, Иринэ?

— Ты хочешь помочь другу, тогда помогай.

Она наклоняется к Хосе и берет его за руку. «Бедный мой мальчик...» Старается улыбаться.

— Хосе, тебе будет больно. Но ты ведь выдержишь? Обещай!

Он, как завороженный, смотрит ей в глаза.

— Я все выдержу, ты же рядом.

— Я буду рядом, пока нет вылетов.

Гримаса искажает его лицо.

— Я не должен отпускать тебя в небо одну!

— Какой кабальеро! Хорошо, выздоравливай и будем бить фашистов вместе. Только помни свое обещание, которое ты дал мне в медпункте, — она старается говорить уверенно, скрывая свою озабоченность.

К её счастью, напуганный Октавио возвращается быстро.

— Ты всё сделал, как я сказала? И соль развёл как надо?

— Конечно. Мы сделали это вместе с Пилар на кухне.

Арина замочила в растворе полотенце.

— Тогда давай помогай. Будешь держать его.

— Хосе, родной, — обращается девушка к раненому, наливая в кружку спирт, — надо выпить. Так будет легче. Сможешь? За мое здоровье.

— Подожди. Не хочу. Я и так выдержу. Что ты будешь делать?

Арина непреклонна. Хосе опустошает кружку. Девушка обтирает его лицо мокрым полотенцем, тянет время, ожидая, пока подействует алкоголь.

— Верь мне, Хоселито. Тебе скоро станет легче. И ты опять будешь играть мне на своей любимой гитаре, и мы ещё увидим, как рабочие победят буржуев во всём мире. Держи его, Октавио!

Она замачивает заготовленное полотенце в солевом растворе и быстро прикладывает его к ране. Пытаясь сдержать стон, раненый выгибается.

— Нет, нет, не надо так. Лучше кричи. Кричи, родной, — она успокаивает Хосе, как ребенка. — Сейчас станет легче, рана должна привыкнуть.

— Что это? — Хосе почти рычит от боли.

— Это лекарство. Оно тебе поможет, верь мне, — Боль почти невыносимая, но спирт, затуманив сознание, немного её облегчает.

Октавио, с округлёнными от ужаса глазами, решается шепотом спросить у девушки:

— Это ты так прижигаешь рану?

— И да, и нет. Мне говорили, соль отнимает много воды, а инфекция без воды погибает, — также шепотом отвечает девушка. — У него плохие дела, очень. Но когда-то я видела, какие чудеса творят такие компрессы…

— Солонина, — грустно улыбается Октавио. — Это похоже на пытку.

— Да? — в голосе девушки с трудом сдерживаемое раздражение. — Так давай оставим все, как есть! Или ты веришь, что его довезут живым до госпиталя?

Три дня они дежурили у постели раненого попеременно с Октавио.

— Мне придется провести с вами несколько ночей, camaradas, — невозмутимо заявила она летчикам и осталась в мужской комнате у койки Хосе.

Обычно острые на язык, друзья Хосе не стали в этот раз шутить, понимая серьёзность положения. Помогали, чем могли. Бегали за водой и солью, помогали сменить бельё, поили сладким чаем, немного разбавляющим горечь стрептоцида. И днём и ночью Арина со своими помощниками постоянно меняла компрессы. Хосе, сжав зубы, мужественно терпел, несмотря на её настойчивые требования не стесняться и кричать. Но когда он забывался недолгим тревожным полусном-полубредом, он стонал и звал ее. Она вытирала холодный пот, проступавший у него после смены очередного солевого компресса. «Тише, Хоселито, прошу тебя. Все спят, дай им отдохнуть, был тяжелый вылет. Спи, родной, спи». Прохладная рука на горячем лбу. Русский шёпот — тише испанского.

Вылеты на истребителях никто не отменял, и на третий день Арина была совершенно вымотана. Спокойная и уравновешенная в бою, на этот раз лётчица нервничала и злилась. Гашетка плохо слушалась, дрожали руки. Мысли были далеко. Окончательно пришла в себя, когда два «саета» подошли вплотную и обстреляли ее с Энрике. До этого всегда безупречно аккуратная, она не знала, что может когда-нибудь пойти на таран. Итальянец, навстречу которому шёл на вираже её истребитель, не ожидал подобного, дело было

на малой высоте, он резко пикировал и у самой земли разбился, не справившись с управлением.

На аэродроме пилоты громко приветствовали девушку. Но она не чувствовала себя героем, а, наоборот, злилась, что не справилась с собой.

Наградой для неё стала эта третья ночь, когда лихорадка понемногу отступила, и Хосе стало легче. Арина, наконец, смогла немного расслабиться и, облокотившись на койку, уснула.

Проснулась почти через час, когда уже светало, и ощутила легкие и теплые прикосновения. Хосе здоровой рукой осторожно гладил ее волосы и плечи.

— Не думал, что наша первая ночь будет такой.

Она улыбнулась ему, отгоняя остатки сна, наклонилась к повязке. Компресс был почти сухой. А рана выглядела значительно лучше. Сколько же она проспала? Койка Октавио была пустой, это он, выходя из комнаты, накинул ей на плечи свое одеяло. Взяв Хосе за запястье, послушала пульс.

— Как ты? — она с удовлетворением отмечала признаки окончания кризиса.

Хосе сжал ее руку и проговорил, как обычно теряя местоимения:

— Так благодарен тебе за всё. Никогда не видел, чтобы за кем-то так ухаживали…

— Просто твоя жизнь висела на волоске. Ты хоть понимаешь, насколько все было серьезно и плохо?

— Только поэтому?

Арина отвела взгляд в сторону.

— Я совсем не нравлюсь тебе, querida?

— Только когда ты говоришь глупости. Давай помолчи, еще не все, — она принялась смачивать полотенце раствором соли. Хосе попытался взять ее за руку.

— Может, хватит уже?

— Нет. Еще немного, — она быстро наложила полотенце на рану. — Ты же не хочешь все начинать сначала?

Он вскрикнул. Стараясь заглушить его стоны, она накрыла ладонью его губы.

— Тише, — прошептала, — ты и так не даёшь три ночи ребятам спать.

— Так давай переберемся в твою комнату, — он уже пытается шутить.

— Зачем ты обижаешь меня, — с горечью говорит она и отдергивает руку.

Хосе порывисто хватает ее ладонь.

— Прости меня, querida, сам не понимаю, что со мной! Не думай, что я повеса, нет! Я очень уважаю тебя, — он подносит ее ладонь к своей щеке.

— Замолчи! — шепчет девушка. — Разбудишь всех!

— Постоянно думаю о тебе, всегда ты перед глазами… — он, не отрываясь, смотрит на нее. — Я уже ненавижу себя за это!

У Арины в горле стоит ком. Его слова, его отчаянный взгляд. Как сладко! Как горько! Если бы не война, если бы не другая страна, если бы… Ей хочется плакать.

— Хосе, Хоселито… — шепчет она. — Ты же все понимаешь. Никогда больше не говори таких слов. Ты делаешь еще большей пропасть между нами.

— Прости меня. Обещаю, буду держать себя в руках, — он отвернул голову к стене.

— Это ты прости меня. Наверное, я сама дала тебе повод, — прошептала девушка, но, казалось, он ее не слышал.

Она чувствовала, кризис прошел, можно пойти поспать. Но тянула минуты. Еще немного. Сейчас должен придти Октавио, сменит её. Слышалось мерное похрапывание мужчин. А может она ошибается в своих чувствах? Это просто всепоглощающий женский инстинкт ухаживать за больными детьми, ранеными животными и мужчинами?

Так быстро светает. Вечером она и ждала, и боялась рассвета, зная, что раненому либо станет легче, либо начнется агония. Всё, слава Богу, обошлось. Это чудо, просто чудо!

Арина вышла из комнаты, тихонько прикрыв дверь. В сумрачном коридоре остановилась, прислонилась спиной к прохладной стене и прикрыла глаза. Ощущение его руки на своём плече и голове, его горячих губ на своей ладони не отпускало девушку. Помимо своей воли, она хотела сохранить его в памяти, не растерять.

По дороге к своей комнате Арина отчетливо поняла: что-то необратимо изменилось. Рассвет. Рыжие камни. Ветер. Эта ночь переродила её. Она действительно стала первой, открывшей горькую правду: ей никуда не деться от своей любви — ненужной и лишней на этой войне, в этой далёкой стране, которая стала для неё такой близкой и родной.

7. МЕСТЬ

Под Сталинградом полк Хосе изрядно потрепало, а впереди ещё была Курская битва. Испанец потерял многих близких людей: кто-то был сбит и навсегда остался в залитой кровью русской земле, как его друзья Ансельмо Сепульведо, Холкин Карильо, Франсиско Бенито, кто-то попал в плен и передан франкистам, как Рамон Моретонес, расстрелянный в тюрьме Барселоны. Среди всех этих потерь, невыносимой для него стала смерть ведомого. Андрюша, прикрывая его, атаковал двух «мессеров», одного успел сбить, но и сам подставился. Парень был талантливый лётчик, он никогда не отрывался от ведущего, он просто применил его же урок: «Самостоятельная атака ведомого возможна, когда промедление угрожает опасностью атаки со стороны противника». И снова Хосе не находил себе места: «Как мог я не уберечь парня»! — проклинал он себя. Груз потерь становился всё тяжелей.

В полк снова прибывало пополнение. В основном это были молодые ребята, но иногда встречались и знакомые по Испании. Сегодня он случайно столкнулся с одним из русских, пожалуй, единственным из всех той далёкой войны, кого бы не хотел встретить никогда. Тогда этого лётчика звали Аса Саес. Он хорошо помнил его, но сделал вид, что не знаком. Тот сам окликнул:

— Salud, Хосе! Не ожидал тебя встретить здесь.

— Где же я должен быть, Саес?

— Александр Шихов.

— А, теперь тебя зовут так! И всё же?

— Наверное, в «Голубой эскадрилье».

— Я коммунист, Сихов, — Хосе нервничал, и проклятая буква «ш» плохо выговаривалась.

Шихов поморщился.

— Из тебя барин прёт за три версты. Ладно ещё поговорим, — и, резко развернувшись, пошагал прочь.

Несмотря на неприятность встречи, Хосе ругал себя, что, растерявшись, не спросил про Арину. Твёрдо решил разыскать и постараться, спрятав свою неприязнь, расспросить Саеса — Шихова.

И снова нахлынуло.

***

Хосе быстро поправлялся. Через несколько дней он уже сидел в столовой за общим столом. Друзья опять беззлобно подшучивали над влюблённым. Шутки эти выводили его из себя, возможно, потому что Арина была странно, холодна с ним, и вообще держалась на расстоянии. На этот раз, казалось бы, на безобидную шутку Эмилио он не выдержал. В потасовке, как ни странно, пострадал Мило, он почти не оборонялся, боясь нанести вред ещё недавно беспомощному и больному Хосе.

Услышав шум и крики, Арина вышла из своей комнаты в столовую. В возбуждённой перепалке мужчин услышала своё имя и имя Хосе. Обида захлестнула её. Все эти обсуждения были крайне болезненны, видимо, понимала, что основания под ними есть, хоть и держалась она от влюблённого парня подальше.

Хосе стоял поодаль, демонстративно отвернувшись от старика Ланго, который что-то говорил ему по-французски. Было не всё понятно, ясно только одно — разговор о ней. И это тоже было неприятно. Щёки девушки полыхнули пожаром.

— ¡Vaya! — она подняла брови и окинула всех презрительным взглядом. — Что ж вы, как свиньи — без грязи жить не можете?

— Иренэ, подожди! Ты всё поняла не так! Мы же не над тобой смеялись, а над Пепе. Угораздило же его с тобой... — начал извиняться Эмилио Фернандес.

Не дослушав его, Арина хлопнула дверью.

— ¡Basta, Фернандес! — Прервал Октавио и хотел пойти за Ариной, но увидев, что её догоняет Хосе, повернул к аэродрому. Ревность ещё покусывала его сердце, и всё же бывалый сердцеед искренне желал удачи в любви своему другу, который за несколько лет их дружбы, видимо, по-настоящему влюбился первый раз.

Хосе догнал разгневанную, разгорячённую девушку недалеко от патио. Развернул за плечи, притянул к себе. Она снова была так близко от него.

— Прости меня, Иринэ. Прости нас. Я не должен был так реагировать на шутку друга.

— Это мелочи, — она прищурилась, чтобы он не заметил, выступившие слезы. — К таким шуткам мне пришлось привыкнуть. Дома только так и напоминали мне, что я женщина, — она попыталась усмехнуться. —

Просто я всегда держалась подальше от всего, что бросает тень, и занималась делом. Я тебе говорила, что и здесь нужно заниматься делом, а не глупостями.

— И всё-таки за тобой здесь ухаживает весь аэродром.

— Ухаживает и постоянно подшучивает над нами. Я, вроде, не даю тебе повода?

— Конечно, Иренэ. Виноват только я. Мои друзья любят и уважают тебя.

— И поэтому ты побил Мило?

— Я побил его, потому что дурак.

Губы девушки искривились, как у ребенка, который собирался заплакать. А он еле сдерживался, чтобы не обнять ее. Он вытер выступивший на лбу пот. И Арина с тревогой посмотрела на него.

— У тебя нет температуры?

— Когда ты рядом, у меня всегда температура, mí niña. Ты ведь знаешь, как я люблю тебя. Но я люблю и своих друзей, нам так много пришлось пережить вместе. Особенно с Октавио.

— Я тоже люблю твоих друзей, твою родину. Иначе я не была бы здесь.

— Знаю, но мне трудно понять, как ты, такая хрупкая и нежная девушка, решилась стать летчиком?

Какое-то время Арина молчала. «Вот, сейчас уйдет, — с сожалением подумал Хосе. — Нашел, о чем спрашивать...»

Арина вздохнула, опустила голову. Она стояла к нему вполоборота, плечо доверчиво придвинулось почти вплотную к его груди. Хосе замер, он боялся сделать даже самое маленькое, неловкое движение.

Наконец, она заговорила, медленно, будто с трудом подбирала испанские слова:

— Все достаточно банально. Я сделала это ради отца, которого очень любила. Наверное, я всё в жизни делала ради него. Чтобы он мной гордился.

— Команданте говорил, что твой отец, полковник Красной Армии, герой войны, — нарушил молчание Хосе.

Арина кивнула.

— Да, он большой начальник, но в семье главной всё-таки была мама. Я с детства ревниво наблюдала, что отец больше любит старшую сестру и младшего брата, ко мне всегда был холоден и придирчив по каждому пустяку. И мама была спокойно-безразлична ко мне. Я считала, что-то не так во мне. Спасала своей любовью меня только бабушка. Однажды я услышала, как она отчитывает маму за меня, и из разговора стало понятно, что отцу я чужая.

— А почему мама тебя не защищала?

— Не знаю. Внешне я похожа на неё...

Внезапно Арина заговорила торопливо, спотыкаясь, словно извиняясь за свою исповедь.

— Всегда думала, что дело просто во мне, я рвала все жилы, чтобы стать лучше, чтобы заслужить от них, а главное от отца, хоть каплю одобрения, каплю поддержки... Я окончила медучилище, была операционной сестрой, хотела учиться дальше на хирурга. Говорили, что у меня способности, — усмехнулась Арина. — Начала учиться в медицинском институте. А потом... по-

том... Отец сказал, что ему в семье мясников не нужно. Девушка посмотрела в глаза Хосе. — Знаешь, мне так больно стало... Я опять в угоду ему всё бросила, и пошла поступать в лётную академию. Женщины — лётчики у нас уже были. Этому не удивлялись, как у вас. Для меня всегда примером была наша знаменитая Марина Раскова. Но поступать женщинам в авиацию всё равно было сложней, чем мужчинам. Я поступила. Думала, что отец помог. Оказалось, помогла его фамилия... Мать сказала, что я дура, а он промолчал. Ни слова упрёка, ни слова одобрения. Глухое безразличие. Такой удар был. Сейчас бы я не сходила так с ума.

— Почему? — заинтересовался Хосе.

— Потому что бесполезно пробивать стенку лбом. В жизни ничего просто так не бывает. Значит мне не суждено, чтобы меня любили.

— Я люблю тебя, Иринэ! Я буду и твоей матерью, и твоим отцом, потому что ты для меня весь мир. И всё-таки я благодарен твоему отцу за то, что ты приехала сюда.

— За что его благодарить?! Я приехала, потому что ненавижу фашизм. А с вашими ребятами я познакомилась ещё дома. Они многое нам рассказывали. Уже там, в Союзе, я полюбила Испанию.

Быстро сгущались сумерки. Вылетов больше не предполагалось. Зазвенела посуда. Пилар на кухне накрывала стол. Время ужинать.

Мимо прошёл русский лётчик, которого здесь знали, как Асе Саеса. Хосе почему-то недолюбливал этого русского с испанским именем. Оглянувшись, русский лётчик сквозь зубы ядовито выговорил:

— Русская баба хочет попробовать в постели испанского мужчину.

Хосе напрягся, сжимая кулаки, но Арина преградила путь.

— Хосе, я запрещаю тебе! А ты, Саша, иди, куда шёл и не говори глупости. Я могу и обидеться.

— Ретируюсь, Ариночка. Прости, ты ведь у нас девушка строгая. — Подняв руки, ехидно проговорил Саэс.

— Почему ты позволила ему так говорить?

— Ты не должен обращать внимания. Это у него от ревности, он сделал мне неприемлемое предложение, от которого я отказалась. Теперь злится.

— Это мерзко.

— Для тебя, рабочий-аристократ! Твоя дворянская фамилия выбита у тебя на лбу.

Арина улыбнулась.

— Будешь мне рассказывать о работе на шахте?

— Иренэ... — Хосе вытер испарину кулаком, и девушка увидела, как побелели его сжатые пальцы. — Иренэ... Ты права, я из богатой семьи. И я уехал в Овьедо и стал рабочим после того, как убил человека. И я не имею права на твое уважение, понимаешь?

Он резко встал, обошел вокруг оливы и снова опустился перед Ариной на колени. Его глаза увлажнились.

«Неужели это слёзы»! — обомлела девушка.

— Это было давно? — осторожно спросила она.

— Мне было двадцать лет. И моя жизнь закончилась за три дня до того случая.

— Ты жалеешь о том, что сделал? — казалось, его ладони оставляют ожоги на ее коже.

Он освободил ее руку, отстранился и опустил голову.

— Нет. Никогда. Это был насильник и убийца.

— Вот как... — выдохнула Арина. — Тогда он получил по заслугам.

Арина не выдержала, провела рукой по склонённой голове Хосе, слегка касаясь волны чёрных волос, прорастающих еле заметными серебряными нитями ранней седины.

Южная ночь прикрывала тёмно-синим бархатным пледом двоих влюблённых от чужих глаз.

Утром перед вылетом, садясь в самолёт, она наткнулась на ледяную маску лица Саэса, на его бесцветные и такие неприятные глаза.

— Вы у меня ещё попляшете! — процедил он сквозь зубы.

Саэс-Шихов был очень неприятен Арине, но пока она ещё не знала, чем могут обернуться слова, которые даже не расслышала.

Отлетали в этот день без особых приключений и потерь. После вылета Хосе остановил Дорофеев.

— Зайди ко мне, Ривера. Надо кое-что сказать.

Хмурый взгляд командира не обещал ничего хорошего.

— Что, совсем ум за разум зашел, да, хлопец? Чего ты добиваешься? Когда же ты отстанешь от нее?

Дорофеев подошёл угрожающе близко.

— Отойди, команданте, — тихо проговорил сквозь зубы Хосе, — это моё личное дело.

— Щенок, — в тебе же нет ни капли благодарности, она приехала воевать за твою страну, а ты... тебе мало пользовать местных девок, тебе русское мясо подавай?!

Хосе побледнел:

— Никогда, слышите, никогда не говорите такого. Я не позволял себе тронуть ее даже пальцем.

— Твои слова к делу не пришьёшь. Весь аэродром говорит о вас. Если ещё не раздел в постели, то каждый день раздеваешь глазами? А вокруг вас сотни любопытных глаз. И не все доброжелатели, парень. Пожалей ты её. Она другой жизни заслуживает, понимаешь?

Хосе, молча, смотрел в стену через плечо комэска.

— Знаешь, командир, война не вечна. Да и на войне есть место любви. Разве в Советской стране нет влюблённых. Я учился у вас, я видел парней, идущих к своим невестам на свиданье. Я не вижу разницы.

— А жаль. Разница всё-таки есть. Мы помогаем вам, но нам трудно разобраться, что вы на самом деле хотите: один из вас социалист, другой анархист, третий коммунист, полно и троцкистов недорезанных. А ты кто? Арина может связать с тобой свою судьбу? Как это может сказаться на её будущем?

— У меня в кармане бумажка с печатью, похожая на твою... она называется партийным билетом. Такая же печать у меня здесь, — он ударил кулаком по груди и горько усмехнулся, — поэтому не переживай, команданте, мы с вами в этом отношении не отличаемся. А Иренэ... Я её очень уважаю. И ... — он выдавил с большим трудом — люблю тоже очень.

Взгляд Дорофеева потеплел.

— Ладно, парень. Я-то к тебе хорошо отношусь, хоть и шептали мне, что не больно ты похож на горняка. Да ведь многие ваши лётчики в авиацию пришли не от рабочего станка. Просто не изменили законному правительству, остались в республиканской армии. Это понятно. У нас в Красной Армии тоже царских кадровых офицеров хватало. Даже здесь есть. А воюют, будь здоров. Но меня тоже пойми, у нас не всё так просто. Ей домой ехать. И прошу тебя, держись подальше от Саеса, что-то не нравится он мне, хоть и свой русский. Аринку не обижай, не давай повода для сплетен. Не заслужила она. Понимаешь?

— Мне выколоть глаза? Или лучше просто застрелиться. А может, доживём до мировой революции, когда не будет границ, и будет всё равно испанец ты или русский?

— Я тоже в это верю, но, наверное, придётся подождать. Ты останешься здесь, она уедет. Не ломай ей жизнь. В Союзе она не сможет найти такого, как ты, и останется одна. Навсегда. Она из той, особой, гонорливой породы, я же вижу.

Дорофеев говорил деланно безразличным тоном, но именно эти слова потрясли Хосе до глубины души. Именно они будут давать ему силы в последние четыре месяца боев, а затем и во французском концлагере.

***

На другой день Хосе стал расспрашивать, где можно найти Шихова. Мучился, обдумывая как спросить его про Арину. Случай подвернулся неожиданно. После очередного вылета, вместе с ребятами эскадрильи зашёл в столовую. В этот раз было что отметить, удача улыбнулась и молодым, только что прибывшим из лётного училища ребятам. Они удачно применили известную тактику, атаковали сверху и сзади. Для гарантии внезапной атаки противника выделили группу прикрытия. Она в этом бою пригодилась. Ретироваться пришлось «Зелёным жопам», так ехидно называли наши лётчики элитное немецкое авиасоединение «Зелёные сердца». Молодёжь радовалась первым своим победам, не омрачённым в этот раз потерей друзей.

В просторной аэродромовской столовой царило оживление. Там уже кого-то чествовали. Оказалось, девчонок, под командованием Дуси Тимофеевой. Им удалось в небе над Кубанью, на своих девяти Пе-2, выстоять против восьми немецких истребителей и даже четырёх сбить. Такому результату могла позавидовать любая героическая мужская эскадрилья. Поднимали заздравные чаши, произносили комплименты. Среди празднующих был и Шихов. Хосе с друзьями, поздравив девушек, сели за соседний стол. Старый знакомый покосился в их сторону.

— Учитесь у настоящих лётчиков, хоть они и бабы.

За Хосе ответил Сергей, его новый ведомый.

— За девчонок рады, но мы и сами нынче отлетали, что надо.

— Неужели? — ехидно усмехнулся Шихов. — Даже испанец сбивал? — Молодые ребята недоумённо посмотрели на него.

— Что молчишь, Хосе?

— А что говорить? Рассказывать Саше, как я сбиваю фашистов, так он и сам знает. И что русские женщины умеют воевать в небе, я знал ещё в Испании.

— Они много чего умеют? — снова съехидничал Шихов.

Хосе вспыхнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь что. Отлеталась твоя подстилка, и ублюдка тебе родить не успела. Сдохла или в подвале Таганки, или на Колыме.

Сметая всё на своём пути, Хосе рванул к мерзавцу, оскорбившему его любимую. Он бросил его на пол и вцепился в горло. Он готов был задушить его!

Друзья с трудом растащили их. Мгновенно появилась служба внутренней охраны. К удивлению друзей забрали только Хосе, а Шихова отпустили.

В полутёмном тесном помещении для штрафников Хосе, обхватив голову, еле сдерживал звериное рычание, готовое выплеснуться у него наружу. «Мадонна, за что её могли арестовать? Что этот гад говорил про неё? Неужели она ждала ребёнка? У них мог быть ребёнок!»

Мысли наползали на него, как ядовитые змеи, из тёмных углов каземата, одна страшней другой.

8. РАССТАВАНИЕ

Хосе ждал утро, которое могло, хоть немного, прояснить всё, что с ним случилось. Ночь оказалась длиной в целую прошедшую жизнь, которая калейдоскопом крутилась у него перед глазами, постоянно останавливаясь на одном и том же месте.

***

Это был печальный день. Лётчики, приехавшие из других стран, покидали многострадальную Испанию. Арина не выдержала напряжения прощального ужина. Незаметно вышла. Потоки дождя опрокидывались на землю сплошной стеной. Сквозь пелену в сумерках девушка не разглядела, но сразу почувствовала присутствие Хосе. Он стоял недалеко от порога, облокотившись о ствол платана, насквозь промокший, и смотрел на нее.

— Ты промокнешь, mí niña, — сказал он, когда девушка подошла к нему.

— Пусть. Это не дождь, небо плачет. Я хочу увезти эти слёзы с собой.

— Что ещё? — спросил он, стараясь краем куртки прикрыть её от дождя.

— Ещё я хочу увезти тебя. Но ты ведь не поедешь?

— Думаешь, я не хочу, qerida? — наконец проговорил он. — Мне это снится каждую ночь, — он поднял руку, словно предупреждая ее возглас, — но скажи мне, как я буду жить, презирая себя, как ты сможешь любить мужчину, не уважая его?

— Хосе, ты сделал все, что мог, — струйки воды стекали со лба на глаза и становились солоней.

Хосе поднял куртку над их сблизившимися головами. Холодные потоки, жаркое дыхание.

— Что я сделал? Воевал, как и другие. А теперь в трудный час, я должен оставить всех? В этом аду? Ты думаешь, если я родился в семье помещика, у меня это получится?! Я спокойно снова уйду, предав своих друзей. Уйду? А как я буду жить с этим. У меня и так слишком тяжёлый груз на сердце.

— Ты так и не рассказал мне о своих родных.

— Я хотел, после одного случая, но так и не решился.

— Почему?

— Не знаю. Однажды меня вызывал к себе Ривас после возвращения из штаба.

— Ты ничего не говорил мне. Когда это было?

— Это было после июльского форсирования Эбро. Последняя наша победа. Помнишь?

Как она могла забыть эту внезапно вспыхнувшую снова надежду. Сумасшедшие вылеты один за одним. А вечером, несмотря ни на что, его игра на гитаре. Даже после гибели друзей. Она понимала, это для неё.

— Конечно, помню, Хоселито.

— Вечером Ривас пригласил меня к себе одного. Ребята удивились. В тот день ничего такого в небе не произошло, даже потерь в нашей эскадрилье не было. Оказалось, что командира вызывали в штаб из-за меня. У одного из убитых комбатов была моя фамилия, причём полное совпадение по двум. Ривас тогда спросил меня, нет ли у меня родных. Я не мог отрицать. Но твой командир порядочный человек, он никому не сказал правды, что-то придумал про сбитый мной «мессер».

— А кто это был?

— Это был мой брат. Рамон Ривера Бласко. Единственный в моей семье, относившийся ко мне с теплотой. Я тоже, как и ты, не был любимцем ни отца, ни матери.

— Пойдем ко мне Хоселито, я хочу, чтобы ты рассказал мне. Здесь очень сыро.

Арина потянула его за руку.

Откинув промокшую насквозь куртку, они сели на её кровати на расстоянии вытянутой руки.

— Как рассказать тебе, qerida? Поймёшь ли ты меня?

— Я пойму тебя, Хосе, не бойся.

— Рамон — мой старший брат, я старался всегда подражать ему. Обязательно стал бы, как и он, военным. Вначале я и был такой же. — Он прямо посмотрел в глаза любимой — Конечно, мне было жаль наших батраков. Но не более. Я знал, что сеньоры бесчестят девушек. Что с того? Я не задумывался об этом, жил, как растение. Не плохой и не хороший… А наши крестьяне… Они почему-то любили меня, молодого сеньоритос. Почему-то жалели? Я воспринимал это как должное. Но когда на заре, возвращаясь из Эстепоны, где мы с братом прожигали деньги отца, встречал их, идущих на работу в поле, я опускал глаза. А они, видели во мне то, о чём я и сам не догадывался. Если бы не Кармела — моя первая любовь, я вряд ли бы понял их до конца, а возможно, даже стал таким же, как мой отец…. Ее смерть и всё, что потом случилось, перевернуло мои бараньи мозги и мою жизнь.

Время остановилось, Арина поняла, Хосе сейчас далеко от этой комнаты, далеко от неё.

Для него исчезло настоящее. Он видел, как выходит из своей хижины застенчивая Кармела. Видит её улыбку, цветок в пушистых волосах. Вот донья Каталина, ее мать. У нее большие печальные глаза и ранняя седина. «Сеньор Хосе, ваши встречи с Кармелитой не приведут к добру ...» Он не понимает этих слов. Что за глупости! Кармелита его невеста. Он боготворит и бережёт её. Он понимал, что не очень обрадует своих родителей, но даже представить себе не мог, какой скандал разразится в доме. Только Рамон встал на защиту своего младшего брата, только он понял его чувства, хоть и был повеса. Мать даже слышать ни о чём не хотела, но особенно озверел отец. Впервые со времен далекого детства он ударил Хосе. А когда в упор посмотрел в глаза сына, понял, что тот не отступит. И действительно, Хосе уже нашел домик в Малаге. Ничто не могло его остановить. Он твёрдо решил работать и самому обеспечивать свою семью, да и брат обещал помочь ему.

Той ночью Хосе не почувствовал ничего. Тревога пришла с утра, когда узнал, что Кармела пропала. Когда после бесплодных поисков с Рамоном по сьерре, он возвращался к ее домику... Издалека он услышал рыдания Каталины. Кармела лежала мертвая. Ее голова было покрыта платком. Праздничная юбка измазана в крови. Потом он увидел ее посиневшее от удушья лицо. Увидел синяки на тонкой шее. Он будет кричать раненым зверем, он сойдет с ума, не находя себе места, он поднимет на ноги всех гвардейцев Эстепоны... Будет искать насильника и убийцу, будет ночевать на ее могиле. С ним останется только Рамон.

Через неделю отец, будучи навеселе, опять отвесит ему пощечину и презрительно бросит: «Слабак. Если так жмут штаны, я найду тебе жену. Скажи спасибо, что я избавил тебя от нее». И во всех подробностях начнет перечислять, что он делал той ночью с Кармелой. Он не успеет окончить свой страшный рассказ, Хосе разрядит в него револьвер, в котором не останется ни одной пули. Это был отцовский подарок на восемнадцатилетие.

Беспроглядная тёмная ночь закрыла от него родительский дом. Эта страшная ночь будто проглотила все до одной звезды, освещавшие раньше ему мечты и дороги.

Единственный раз он напишет письмо домой только для Рамона. В нем он расскажет, почему убил отца. И навсегда попрощается со старшим братом. Жандармы обыщут всю Андалузию, всю Испанию. Но никому не придет в голову искать молодого Ривера Бласко на фабриках и в шахтах Астурии.

В комнате Арины звенела тишина. Голова Хосе склонялась всё ниже к коленям любимой. В её сердце маленькой змейкой шевельнулась ревность, но она исчезла, поглощённая состраданием и любовью.

— Любимый, мой любимый. Какую же боль ты носишь в своём сердце!

Первый раз она назвала его так, как он называл её всегда. Она сама придвинулась к нему ближе, а он взял руку девушки и поднес ладонью к своей щеке.

— Ты всё понимаешь, qerida!

— Я люблю тебя, Хоселито. Просто люблю...

Её руки настойчиво ведут нерешительную ладонь к твёрдой, напрягшейся груди.

— Niña mía... — он встал на колени и прижался к ней, стараясь спрятать слезы. — Ты же потом не простишь меня. Кто — я и кто — ты...

— Тише, — она прикрывает его губы ладонью, — впереди наша ночь. Хочу запомнить каждую минуту. Запомнить всего тебя.

Его горячие губы обжигают низ живота, скользят по внутренней стороне бедра. А эти обнимающие руки: нежные и сильные, они как два крыла, поднимают её над землёй! И двое становятся одним. Сладко и больно! Больно и сладко!

— Господи, любимый, останься со мной навсегда!

...Она заснула за пару часов до рассвета этой короткой ночи. Всё сторожила его сон и его явь. Всё не могла насмотреться на него. Изо всех сил надеявшаяся на жизнь, она хоронила его. Она не плакала. Она улыбалась. Хотела, чтобы он запомнил ее радостной. Лишь на мгновения закрывала глаза, чтобы снова ощутить и не потерять тот кусочек тепла и света, который теперь принадлежал ей.

А на рассвете все было просто. Совсем немного людей. И горы. Она увидела черный осиротевший город, прильнувший к спокойной морской глади, порт, баркасы и небольшие морские судна, казавшиеся издалека крохотными тёмными точками. Она увидела все то, что хотела увидеть, все то, что было так дорого ее сердцу. Она слишком любила эту страну. Настолько, что почти без ропота принесла в дар ей, смертельно раненной, своего Хосе. А небо, плакавшее еще вчера, было чистое, как по заказу. Без облаков и «мессершмиттов». Только к западу, на темном горизонте сьерры угадывалось зарево от взрывов или пожаров.

Друзья провожали их. Они прощались с ними, как прощалась Испания с интербригадовцами в Валенсии, Барселоне и других, пока ещё не захваченных франкистами, городах.

От боли перехватывало дыхание. Больно было улыбаться. Больно было в прощальном приветствии поднимать к виску сжатый кулак. Распахнутые глаза, отражающие испанское небо, умоляют: «Обними меня, Хоселито! Дорогой мой, как же мне забыть тебя?» Он принял этот невысказанный вслух упрек. Он, молча, сжал ее в объятиях. Он слышал, как быстро и неровно колотится ее сердце. Поцеловав испанца в щеку, она успеет прошептать «спасибо». Это слово станет для него, всаженной в сердце навахой, облившейся его кровью, уходящей из него, всей без остатка.

Мужчины притихли, глядя на них. Каждый думал о своем. Испанцы повернули к аэродрому, когда русские и французы прошли открытую местность и скрылись в лесу. Все молчали.

Вечером Октавио отведет друга в сторону.

— Ну что, пойдем выпьем за твое предательство, сеньоритос! Я бы сейчас намылил тебе морду, если бы это что-то изменило.

Октавио будет стараться говорить негромко, но, как всегда, у него это получится плохо.

— Бросить ее после всего! Ты думаешь, я слепой?!

Он будет стоять, сжимая и разжимая кулаки, и у Хосе промелькнет непонятно радостная мысль, что друг сейчас на самом деле ударит его.

— Какой же ты мужчина после этого!

— Ударь меня, ударь! Вот он я, перед тобой, я не подниму руки. Но что ты можешь знать?! Куда мне бежать? Дезертировать из армии, бросить вас и сломать ей жизнь в ее стране?

— Из какой армии?! Слепой! Если бы даже она умерла в твоих руках, она бы умерла от счастья! Сразу видно твою гнилую кровь. И что ты теряешь? Разве ты не видишь, что наступает конец.

— Тем более, хоть ты и назвал меня «сеньоритос», но я не предатель. Своих друзей не бросаю.

Октавио посмотрел на него долгим, проницательным взглядом.

— Прости, друг, я знаю, мы съели не одну миску баланды на двоих.

Война окончится менее чем через восемь месяцев. Погибнет более пятисот тысяч человек. Около ста тысяч испанцев бросят в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи женщин так или иначе разделят судьбу Кармелы. И более полумиллиона испанцев покинет страну. Через какое-то время многие из них окажутся и за границей в концлагерях. Только мысли о любимой помогут Хосе выбраться из французского лагеря для интернированных. Он с огромным трудом преодолеет расстояние до Советской страны, которой в эти тревожные предвоенные годы было не до бывших республиканцев, оставленных на произвол судьбы хитрым кавказцем, попыхивающим трубкой с ароматным табаком?

(Продолжение следует)

Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)

ОРДЕН ТВОРЦОВ РЕАЛЬНОСТИ

Я рада была бы вам сказать, что время с Хакимом было моей инициацией, но это оказалось не так. На исходе дня я устроилась на стремительно остывающих скалах неподалеку, почувствовав, что душою услышан некий зов, но куда звал и откуда он, мне было не очевидно.

Поэтому я затаилась и ждала, глядя на звезды. И тут нахлынула такая радость, будто родной и знакомый ветер мне весть принес: такое бывало от присутствия Толмача, и я встрепенулась, как птица. О, Боже! Так давно меня не звали в Хроники и не давали туда войти! Я закрыла глаза — и услышала звонкий смех, тогда я их открыла: ну, вот, дожили! На реальность накладывался синий дрожащий туман, дважды не будут приглашать, поэтому я отпустила тело и последовала за туманом.

И прибыла в Невер, оказавшись на боковой дороге, ведущей в другую сторону от Виль де Тресси. Я ходила и ездила там тысячи раз, но никогда не сворачивала в сторону липовой аллеи.

Теперь она была прямо передо мной и дорога, будто приглашала меня ей следовать. Я и пошла, удивившись, что пропустила такое красивое место! Вот так сюрприз: то, что я приняла за рощу платанов, было домом, окруженным деревьями и кустами так густо, что он был практически незаметен. Я подошла совсем близко. Никого вокруг не было, только беззаботно пели птицы. Дверь не заперта. И на стук никто не ответил. Оставалось ощущение, что меня здесь ждут. Поэтому я зашла и стала продвигаться интуитивно. Лестница, ротонда с красивой витражной крышей-потолком. Рисунок пола повторен в рисунке потолка.

— Садись сюда! — я вздрогнула от неожиданности, на полу, несколько в тени сидела женщина и разбирала травы на кучки. Раскладывала их на куске холста, — позади меня лежат подушки. Бери и садись!

Я взяла подушку и села. Лицо у хозяйки очень загорелое, лет неясно сколько, сорок пять с небольшим, длинные волосы подвязаны веревкой.

— Ждала тебя. Будем учиться шить, — она даже на меня не посмотрела, хотя у меня лицо определенно вытянулось. Она отложила холст, закончив раскладывать. Плавно встала и принесла кусок бумаги и карандаши, — сначала нужно определиться, что мы хотим соединить в целое. Подумаем, ага, есть инструмент — твой голос. Очень хорошо. Есть умение передавать, это еще лучше. Но что и кому передать необходимо? Какие два явления соединить? Ни ты, ни я этого не знаем. Хорошо. Попросим помощи у Источника всего Сущего. Те же вопросы. Клади руки на бумагу. Спрашивай. Чувствуешь, как энергия течет по рукам? Когда активность ее закончится, отними руки от листа. Теперь бери карандаш, линии и точки, будто бы проявляются в бе-

лизне листа, наноси их и соединяй между собой. Получается рисунок, видишь? На что похоже?

Я поглядела и увидела — похоже на титульный лист средневековой рукописи.

— Правильно, это рукопись. О чем она?

Я задумалась, разглядывая рисунок, это было нечто, вроде инструкции, как растить цветок, точнее дерево. Правда, в конце, дерево оказалось человеческой фигурой — с поднятыми вверх руками. Понимание смысла витало где-то рядом, но ускользало пока.

— Это непросто, тебе придется учиться. Сейчас я подскажу тебе: вот современная европейская одежда. Она закрывает или прикрывает нас. Как сделать, чтобы она показала, кто мы на самом деле, чего ждем? Мы принялись отрезать лишнее, пришивать нужное, соединять, то, что должно быть вместе. Это было здорово.

— Кажется, я поняла, — дошло до меня, — одежды души? о них речь, так?

— Хорошо. Почти так. Возвращайся ко мне — пора тебя научить.

Она протянула руку и коснулась моей. Я ощутила прохладу тумана и растворение.

После этих ее слов я рванула обратно, как шар, который отпустили в синее небо.

Видение исчезло, а чувство присутствия осталось.

Люди драконы, она позвали меня, и это было неспроста.

И еще, в моем недавнем опыте разделения нечто не сходилось в целое. В моем восприятии события происходили одни, а в действительности, что было там?

Я отчетливо вспомнила урок мэтра Жеана де Тресси, когда он был моим зеркалом. Он тогда сказал, что просто держал поле, а проекции были мои, то, что я вообразила.

В случае с разделением, помню, Хаким издал звук, и мне казалось, что на меня навалили груду тел. В состоянии разделения я видела совсем другое: меня подбросили вверх пять человек. Так что же было правдой?

Я спросила об этом Гийома, что было после того, как Мастер издал звук? И он мне сказал, что ничего не происходило. Я лежала, Хаким сидел, через минуту ребята меня подбросили вверх и опустили, больше ничего.

Хаким умеет «держать поле». Женщина-дракон сказала про умение передавать, что оно у меня есть.

Чего же мне недостает, чтобы магическое пространство получилось?

Теперь я знаю, на что обратить внимание. Держать поле — можно научиться. Теперь мне срочно нужен был эксперт, то есть Хаким!

Так вышло, что я ворвалась на кухню посередь мирной беседы мастера с учениками. Присутствующие изумленно на меня посмотрели.

— Горящие глаза и столп силы вокруг, нам говорят, друзья, — посмеялся Хаким, — что придется нам прерваться. Чего желает Ясин?

— Истины! Я готова увидеть и услышать. Прямо сейчас.

Мисты на то и мисты — понятливый народ — заулыбались, встали и уступили мне мэтра.

— Понятно. Садись сюда, раз уж всех прогнала. — Он налил мне чай. Помолчали.

— Мне не зачем тебя учить. Ты умеешь передавать. Ты не умеешь безоговорочно верить.

Знаешь, что такое Благодатный огонь? Он — нисходит, как знак Присутствия Духа. Он передается от одной зажженной свечи к другой. Если ты готова услышать, я скажу тебе простую вещь — смотри только внутрь, твой Благодатный огонь всегда здесь, — и он указал на центр груди. Чтобы ты ни делала, неси другому эту Благодать, больше ничего. В этом весь секрет.

— Почему же я не могла так раньше, раз это так просто!

— Душа не была готова, только и всего, — спокойно проговорил Хаким.

СНОВА РЕТРИТ

Вот так мне и открылась суть устной передачи. Слушая раньше собирателей фольклора, я снисходительно улыбалась, «из уст в уста» звучало, как милая причуда, попытка сохранить нечто, что сейчас не могло быть даже узнано. Тогда я ничего не понимала.

Это и был код для узнавания. Волшебные врата, раскрывающие пространство смысла.

Теперь, после передачи, все изменилось: будто отдернули завесу, скрывавшую от меня мироздание. И все мои представления о мире, и о людях остались позади.

Новое втекало в меня полноводным потоком, мысли растворились в нем ненужные, мелкие. В эту секунду я знала все и обо всем, потому что все сущее протекало через меня. Оставалось почтительное молчание. Состояние было полно торжественности, и я сразу поняла, что уже знаю его: испытывала подобное, когда мы пели вдвоем с Радуа.

Я вернулась в нашу комнату ночью и Гийом уже спал. Лицо его было спокойно, как у Владыки Снов. Я смотрела на него и поняла, Гийому лучше не быть в состоянии разделения, по крайней мере сейчас.

Утром он меня разбудил:

— Хаким велел тебе собираться, с ним пойдешь, сказал.

— Куда?

— Уж не знаю, милая! Боюсь и предположить. Похоже, на сговор какой-то.

Сегодня я была неспособна вскочить и бежать, тело еще было не на месте — будто меня разобрали по частям, а потом собрали. Но двигаться было еще непривычно. Еще меня потряхивало, как в ознобе.

Однако, Хаким был невозмутим:

— Тебе нужна практика в уединении, я отведу тебя в пещеру и оставлю одну. Если захочешь, вернешься в любой момент, но было бы правильно, попросить Маат поучить тебя искусству врачевания. Если ты сумеешь с нею договориться, то обретешь новое качество.

Догадываетесь, что за чувство я испытала? Опять пещера, опять ретрит, опять уединение…

Но, с другой стороны, это становилось хорошей традицией: чего-то не знаешь — идешь, и медитируешь, как добыть.

Обычно, мы задаем много праздных вопросов, за которые не несем никакой ответственности. Праздные вопросы и ответы, не обязывающие к действию. Вот я и осталась один на один со своими же задачами, правда, на этот раз паники у меня не было и бешенной психической активности, как в Невере зимой.

Теперь я располагала опытом и пониманием, что в этом деле спешка только вредит.

Сначала я устроилась; Хаким оставил мне фонарь, бурнус и термос. Вот я и «свила» из бурнуса подобие гнезда. И выбрала, для начала, позу «женщины», которую мы практиковали во время подготовки, для того, чтобы обострить свою восприимчивость.

Затем, я перешла к дыхательным практикам, только вместо партнера, представила ту силу, с которой желала соединиться. В моем случае, это была мало мне известная Маат: Египетская Богиня истины. Символом Маат я выбрала перо — это знают все со времен школьной истории древнего мира, что Маат взвешивала душу усопшего на весах истины, и на другую их чашу — помещалось перышко.

Великое дело практика!

Теперь я могла наблюдать, как ширилось мое трансовое состояние — самое время перейти на звук, потому что я почувствовала притяжение незнакомой мне силы, вызывавшей эмоцию священного трепета. Это когда немного страшно, и ужасно хочется увидеть, но мысль мелькнула и растворилась, потому что холодный, плотный и темный поток повлек меня за собой. И я погрузилась в переживания нового для меня пласта, а вошла я в него, пользуясь, как прилежный ученик, наработками с Учителем. Я позвала Ба, и на её крыльях отправилась во «внутриутробный» цикл перерождения души. Потому что Земля и её энергии были этой «утробой».

Я успела подумать о том, что как все мудро устроено — прежде, чем попасть на небо, души проходят через родовые пути Земли.

Сколько прошло времени, сказать было сложно. Я пробыла с Маат очень и очень долго. Целую жизнь. И то, что я прожила, было невозможно изложить в рамках человеческой речи.

Но Маат вложила в меня 12 песен о Неизреченном.

Мне было нечем их записать, но они эти песни, остались запечатанными во мне, в крови и плоти, на кончике каждого нерва, я стала посланием, очень странное ощущение.

Дело сделано. Больше мне нечего делать в пещере и я вылезла на свет Божий, словно новорожденная.

К моему возвращению отнеслись буднично, без фанфар, и это потому, что Хаким всех четко проинструктировал, как со мной себя вести, чтобы я в новом состоянии окрепла.

На день меня оставили в покое, только кормили до отвала. Заземляли, как могли.

Наконец, когда Хаким был один в зале, я постучала для порядка, и он поднял на меня глаза:

— Как думаешь, сможешь ты сделать свою работу завтра?

И я поняла, что без сомнений смогу. Послание в моем теле очень хотело быть распечатанным.

Я вспомнила о флейте, которую подарил мне при прощании Хассан. Она поможет мне дойти. Как Папагено помогла дойти Волшебная флейта. Оставалось понять, в какую форму вложить все 12 песен, чтобы сделать должное.

Есть такая Богиня ночного Света — Амоа. Она является и укрывает своими крыльями, под ее покровом я и увидела детали действия.

— Могу я выбрать себе помощницу? — спросила я Хакима.

— Конечно! Это — твоя Мистерия, Ясин!

Думала я недолго: прекрасная Нубийка — вот моя помощница! Не зря же моя душа выбрала ее из всех, кто в доме пребывал.

Сейчас я оглядываюсь назад, на весь процесс подготовки, и вижу, как сошлись для правильного начала звезды; все, каждый шаг, был правильным и своевременным, складывался, как слово в песне.

Пока я излагала суть, моя помощница слушала с распахнутыми от удивления глазами, не всякий день тебе предложат пройти через смерть и воскрешение. Мы проживали мой «сценарий» очень долго, разгадывая суть каждого этапа, как ребус.

Мне было необходимо, чтобы Фатима знала все трудные моменты и была бы мне деятельным помощником. Наконец, мы прожили все сложные состояния и получили ясность в том, как действовать.

Гийом и Базиль не трогали меня, наблюдая молча. Иногда взгляд Гийома был тревожным. Теперь я знала: это потому, что близился его шанс понять наверняка, почему его так заботил вопрос, как правильно умереть.

Хорошо, что он был занят на репетициях, и я могла целиком посвятить себя подготовке. Он заглянул вечером и сказал, смеясь:

— Хаким запретил нам сегодня спать вместе, сказал, что невозможно спать со жрицей!

Он помахал мне рукой и скрылся.

Я снова видела во сне ту женщину из Виль Трэсси, что учила меня магии действия. На этот раз она повела меня искупаться.

Она показала мне пещеру в холме, там по камням сочилась вода и наливалась в небольшое озерцо. Своды пещерки гулко отражали звуки капающей воды, плеска.

Мы заглянули в озерцо: вода была прозрачной, и видно было дно и камни, что заполняли его чашу.

— Смотри, вот таким должно стать твое сознание, прозрачным до дна. Все твои действия, такими, как вода, она отовсюду стремится к своей цели. Эта цель — Чаша озера, просто вместить и держать. Как долго? Сколько будет нужно, чтобы обрести ясность. Что тогда случится?

Ты увидишь все в истинном свете. Поймешь, что все важное, до этого момента, больше не является таковым. Страхи исчезли. Муки растворились. Растворилась тяжесть. Ты — как Земля — все вмещаешь, ты — как вода — все отпускаешь, идешь, подобно ветру — соединяя невидимое с видимым. Тепло твоего огня согревает, а будет нужно, в нем сгорит до тла все, что угодно и обретет новую форму.

Она помогла мне зайти в воду, и поливала из ладоней мою макушку трижды:

— Один, все стирает! Два, все обновляет! Три, все отпускает!

Я закрыла глаза: звук капель и плеск бегущей воды складывались в мелодию. Хотелось слушать и слушать, но через какое-то время, она тронула меня за плечо.

— Выходи! Вот тебе вторая кожа, — она засмеялась, протягивая мне рубашку. Рубашка была пурпурного цвета. Гладкая, без вышивки. Отделана только тонким золотым шнуром.

— Теперь садись! Будем править тебе видение вещей, — и она открыла коробочку с пудрой или мазью, сразу не разобрать.

— А что не так с моим «ви́дением»? — спросила я.

— Оно тебя уводит от Истины, это еще не сиддхи, а случайные образы. В них нет толку — они отпечатки мыслей, эмоций. Тебе лучше не видеть, а ощущать. Тогда тело расскажет тебе, что происходит на самом деле. И ты будешь понимать, как с этим быть.

— Эх, — вздохнула я, — ведь это было так занятно, как в кино.

— Ничего, теперь будет еще интереснее, поверь мне! Только нужно интегрировать кристалл в центр ви́дения.

— В третий глаз, что ли? — уточнила я, хорошо себе представив, как вбивает мне она кристалл прямо в лоб. Хоть это и сон, конечно, но перспектива все же жесткая.

— Живое у тебя воображение, — заметила она, всякие глупости придумываешь! Я растерла минерал в порошок: это почти что краска. Добавила каплю сандалового масла. Вотрем в точку на лбу, будет выглядеть, как бинди у индусов. Теперь оно начинает работать, как фильтр — ты изменишь ви́дение, вот и все. Внутренние свойства минерала переходят вовнутрь, никакой тайны, просто условия нужны необычные.

— А они у нас налицо!

— Правда! — она втирала мне минеральную краску в третий глаз.

И сначала я совсем ничего нового не ощутила, а потом случился будто бы «полет» чувств и резкое приземление в тело. Оно «заговорило» покалыванием, мурашками, теплом. Ого! Целая гамма ощущений!

— Ну, я смотрю, у нас получилось, — Тэя следила за выражением моего лица.

— Кажется так, — я погрузилась внутрь себя.

— Не будем суесловить, все что нужно: с этим быть и постигать язык этого состояния. С этим ты справишься, тут я больше не нужна. Один ключ для завтрашнего процесса я все же оставлю: Вторая кожа! Надень ее мысленно перед мистерией и потри пятно на лбу. Вот так, — она потерла большим пальцем точку на лбу. А я ощутила себя так, будто протерли окуляр бинокля, в который я смотрю.

— Удачи тебе!

Мы дошли с ней до развилки дорог в Виль де Трэсси и она направилась к себе. Я помахала ей рукой.

Для ночи перед мистерией мне выделили чуланчик-нишу и бурнус. Я чувствовала себя кочевницей, не ведающей, где проснусь поутру. Прекрасное чувство!

Перед рассветом я забылась в глубоком сне без сновидений.

ТАИНСТВО ОТПУСКАНИЯ

Жизнь подарила мне немало инициаций, но та, Таинство отпускания, стала главной, ключевой и развязавшей застарелые узлы кармы. Она была завершением моего становления. Сейчас я понимаю, что Хаким это знал с самого начала, как только мы трое появились на его пороге. Тэо помог найти предназначение, Хассан дал инструмент, задача Хакима была дать мне вспомнить, что душа давно умела. Вселить веру. Последний штрих.

В нашем странном треугольнике Гийом, Базиль и я — были запутанные связи судеб, взаимные долги и жертвы, и все это видел Хаким.

Мы думали наивно, что едем на постановку, покорять мир и изумлять его своим талантом, но вся эта внешняя канва нужна была, чтобы очистить наши судьбы, нашу карму, как сказали бы буддисты.

Без этого мы снова бы угодили в сети иллюзий, и я, и Базиль, и Гийом, завязывая новые узлы. Оставляя новые долги и делая новые жертвы.

Хаким оказался великим Мастером исправления кармы, хотя об этом, может и не думал. Собственно, этого и не требовалось: он видел, что мы нуждались в помощи, и понял, как ее оказать.

Таинство смерти проходили четверо: я, Гийом, Фатима и Базиль.

Мисты участвовали в действии как круг поддержки.

Я сделала то, чему научила меня во сне женщина-дракон: повторила мысленно весь ритуал омовения, пропевая сам путь, и погружая в это состояние ясности и связи Базиля, Фатимы и Гийома.

— Один, стирает!

— Два, обновляет!

— Три, отпускает!

Вокруг нас безмолвно сидели мисты и Хаким, я знала, что будет момент, когда энергия пения превратится в чистую духовную действия и тогда смотрящие — очистятся через нас.

Мне помогала Фатима, из состояния ясности, нужно было прожить состояние разделения тела и Ка.

Каждое упражнение, которому научил нас Хаким, теперь становилось священнодействием. И занимало надлежащее место. Я выполняла роль «тела» Гийома, а Фатима — Базиля.

Круг дыхания, один за другим, пуазы между вдохом и выдохом все больше, пока мы не дошли до чувства тонкой, рвущейся связи. Таким получился последний выдох: Ка покинула тело. Теперь Гийом и Базиль лежали ничком на полу, соскользнув со ступней лежащих, мы завязали им платками ноги, скрещенные на груди руки, и глаза.

Душа, лишенная тела — неподвижна и безмолвна.

Первая песня вышла наружу. Это был плач.

Лишились зрения очи твои,

Раскрыв над тобой свои крылья,
Амоа, владычица Света Ночи,
Кружит и печально, протяжно поет,
Поет о часе, что пробил!
Недвижная слушай, душа!
Ты чувствуешь токи, бурлящее море,
И грозные воды, ты жаждешь, без шанса напиться!
Не бойся и вспомни о Свете Всевышнего, что защищает тебя!
Из тела уходит вода.
О радостных вспомни моментах, когда отдавала,
Питала других — их сила с тобой!
Теперь же и хлад ледяной сковал члены тела,
Никак не согреться и холод, как боль, пробирает до сердца!
Не бойся и вспомни о Свете Всевышнего!
Это из тела уходит огонь.
Скорей вспоминай о любви, которой делился,
Как светом, как Благодатным огнем! Её сила с тобой!
Теперь неподвижность сковала, и давит на тело,
Ты заперта и воздух покинул тебя.
Не бойся, Сила Света Всевышнего здесь освещает тебя!
Рушатся камни, разверзлась земля и осыпается прахом!
Не бойся и помни о Свете Всевышнего!
Это уходит земля.
Не поддавайся и вспомни о тех,
Для кого ты служила опорой при жизни! Их сила с тобой!
Вспомни и двигайся к свету!

Это был самый нелегкий момент, потому что требовалось «тело» поднять и перенести, положив себе на спину. Но добрые руки мистов нам помогли, и с этого момента считалось, что Амоя забрала Ка в царство мертвых.

Песня вторая Урэс.

Берег пустынный сберегает ладью Урэс.
Подобно солнцу сияет свет Гора — Сила Света Всевышнего!
С ним Владыка Озирис, Маат, и Владычица Слова Священного Нот.
— Ты несешь, душа человека, две правды в себе, и отныне,
Мы отдаем все лишь одной, обликом схожею с Нот.
Если же правда твоя на нее не похожа, исчезнешь
И превратишься в ничто.

Здесь волна мистерии накрыла и унесла нас четверых, а вместе с нами и всех смотрящих.

Меня, как Ясин, не стало, не стало и Фатимы. Остались два духа-Врачевателя, что безжалостно помогали душам отсечь лишнее, все, в чем не было ни созидания, ни радости, ни любви.

Все, наполненное ненавистью, алчностью и болью, разрушительное и шаткое.

Собирали вместе драгоценные моменты — открытия, озарения, опыт высоких чувств, наполненных состояний.

Отделяли моменты ошибок и заблуждений.

Мы плакали и смеялись, помогая переживать друг-другу. Поддерживая, подбадривая или бескомпромиссно жестко ставя перед фактом.

Сначала было чувство, что мы попали с головой в осиное гнездо жалящих, болезненных эмоций, с ворохом ролей и предвзятостей, странных убеждений. Но родовой путь души предполагал движение только в одном направлении, к свету. Вверх. Поэтому не было возможности отвлечься, нужно было достучаться до внутреннего двигателя каждой души — желанию во что бы то ни стало слиться со Всевышним.

Ведь ничего нельзя было ни вернуть, ни поправить. В этом главное правило игры — опыт души в прошедшей жизни, как будто «заморожен», можно только осознавать, душа теряет волю.

Маат показала мне правду о самых трудных моментах пути души.

Первый: это Пожиратель Осла во втором часе царства мертвых. Причиной многих страшных заблуждений жизни часто является непокорность Творцу. А вот в чем она состояла. Можно увидеть только после исхода Ка. Творец давал — человек противился. Теперь, в посмертии, приходится жертвовать этим упрямством, иначе не пройти даже в чистилище.

Второе и очень трудное испытание: Тьма сознаний царства Сокариса. Душа погружается и затягивается в коллективное неосознаваемое, забывает жизнь. В Тьме сознаний — хаос боли, страхов и заблуждений. Все, что породили люди в своем сознании. Теперь дано в это состояние погрузиться, и почувствовать. Потому, в этот момент, Духи-врачеватели дают возможность, чтобы Ка смогла кружить над оставленным телом. Это очень красиво называется: «лактация плотью». Наше драгоценное тело несет в себе память, это то, что к нашей эволюции имеет прямое отношение, ведь тело вбирает в себя до уровня клеток, то, что было истинно ценно. Что таковым не было — вызывало болезни. Если об истинно ценных моментах Ка сможет вспомнить — она сможет покинуть Тьму сознаний.

Третий сложный момент, это не быть сожранным Змеем Апописом, потому что он — забвение, беспамятство о прошлой жизни. И победить его нельзя — можно только обойти. Поэтому здесь Ка сопровождают Изида и Хек — олицетворение высшей творческой энергии. Ка здесь не целостна, а разделена на разум, эмоции, силу, память. И ей придется постараться, чтобы не забыть все, что она взяла из мира живых и мертвых. Тогда разрозненные качества воссоединятся, и Ка станет самой собой. Какую форму примет Ка — зависит от памяти, а память от времени.

Как человек, я думала об этом и то, и это, но опыт чувств оказался сокрушительнее: я чувствовала физически, до судорог, что нас четверых, непокорность Творцу связывала цепями крепче железа! Именно внутри тела родилось желание действия: катать, валять, сминать, как будто «вытрясти» из души желание эту ослиную непокорность отдать.

И я принялась делать это с Гийомом, а вслед за мной и Фатима проделала то же самое с Базилем.

Внезапно Гийом прокричал, что сдается. Отдает, оставлят, отторгает свое упрямство — и тогда я почувствовала, как растворяются фантомы прошлого, связанные с Невером, мадам, Орденом. Он кричал, выпуская свои эмоции

через крик, это было похоже на крик обреченного: ничего не изменить, можно только отбросить.

В этом крике было исцеление — не зря те, кто смотрел, откликнулись и стали поддерживать этот крик до полного отпускания, до катарсиса.

Следующий мучительный момент настиг нас на этапе оставления привязанностей.

Ни Гийом, ни Базаиль не сказали этого вслух, но я почувствовала безмерную тяжесть, которая говорила мне, что я вхожу в число их привязанностей. Но «меня» теперь не было, а привязанность была всего лишь к женщине, которая тогда-то и тогда-то делала то-то и то-то.

Здесь меня коснулась сила Маат, и позволила быть внутри и отстраненной одновременно.

Я, Гийом и Базиль словно присутствовали на поле гигантской шахматной доски.

Гийом, я и Базиль — одна позиция, одни комбинации связи, жизнь кончена, и нас стряхивают с доски, как фигурки.

Новая жизнь, новая комбинация, конец, опять, стряхнули...

Все заново.

Все по кругу. Мы угодили в ловушку чувств. Но почему?

Я никогда не делала этого с Гийомом, я имею в виду, не входила в его «ячейку души». Все шло само собой. Но на этот раз я попросила увидеть причину его самоутраты.

Никаких привычных «сценариев», я просто с почтением отдала свой вопрос, прямо в руки Маат, с пожеланием, пусть все будет истинно.

И Маат показала мне, пещеру «безмолвно ждущих» Царства Мертвых, тех, кому не хватило сил трансформироваться. Там оставался Гийом. Он забыл обо всем ценном, что знал. Теперь он ждал, пока кто-либо, из тех, кто прошел дальше по утробе земли до 8 часа Царства Мертвых, пожертвует ему часть энергии для движения вперед.

Сейчас у меня был шанс сделать нечто по-настоящему важное. И я пожертвовала ему часть своей энергии для движения. Как я это сделала? Да, по-шамански: просто вдула её между его лопаток.

Все прояснялось: Гийом «завис» и стал волоцаться внутри «ловушки чувств», как и происходит с «безмолвно ждущими», круг за кругом. Пока моя душа не созрела, и не нашла решение. Ведь его Ка не могла вспомнить и двигаться дальше.

Буду водой, стремящейся к цели. Цель проста — помочь душе Гийома пройти этот час осознанно.

Движение по утробе земли, это школа: много раз мы рождаемся и умираем, чтобы продвинуться вперед в нашей трансформации, еще на одну ступеньку, еще на один час.

Получается, я постоянно была у Гийома под рукой, но он должен был мне помочь стать его лекарством.

Теперь ясен стал смысл моего видения Сада Аллаха у Хасана, я выбиралась из нашей с Гийомом «ловушки чувств».

Но что же Базиль, отчего мне всегда казалось, что он привязан к земле, через меня, будто я — его пояс.

Снова, обратив взор к Маат, я просила постигнуть смысл.

И пришло ко мне откровение. Это было давно.

Я была ребенком где-то на Ближнем Востоке, с тяжелою и злой судьбой. Но всегда в трудный час я звала своего Хранителя — он утешал меня, его присутствие было счастьем.

И с детским жаром я взяла с него слово, что он вечно будет со мной рядом. Чтобы скрепить договор, приложила ладошку в дорожную пыль. Он знал, что этот договор будет испытанием, но не стал огорчать ребенка. Из любви, он приложил свою ладонь рядом в дорожную пыль. Договор погрузил его в плотный мир — чтобы быть рядом. Из жизни в жизнь, он поддерживал меня, как и обещал.

Базиль, вот почему не было тебя в Хрониках, среди людей!

Мое сердце исполнилось такой горячей благодарностью, щемящей, исторгающей слезы. Именно здесь, внутри Мистерии пора было его отпустить. Я посмотрела на Фатиму, и она поменялась со мной местами.

Я обратилась к Ка Базиля: «Благодарю тебя! Ты — свободен!» и подула на открытую ладонь, представляя, как сдуваю наши отпечатки ладоней в пыли веков.

Слезы градом полились из глаз, но я и не думала сдерживаться, сидела рядом с Базилем, и плакала.

Когда Гийом, так внезапно, вернулся в Марокко и мы остались с ним наедине, я сказала ему:

— Понимаю, почему ты уехал. Скажи, почему ты вернулся?

— Чтобы не утратить направление. Это как-то с тобой связано. Ты рядом — и я его вижу. Тебя нет, и я блуждаю. Это не очень-то почетно признать. Но дом — там, где ты, понимаешь?

Я понимала. Сейчас — даже больше, чем раньше.

Своим присутствием в Невере Гийом помогал мне выстроиться, понять, он вдохновлял меня!

Сначала любовь к нему заставляла меня совершать подвиги. Потом, она привила доверие к потоку жизни. А дальше я уже не могла по-другому жить. И теперь, рядом он, или нет — я не могла без доверия к потоку. Это дар Гийома. Хотя он об этом и не знал.

Финал этой истории был неожиданным: по окончании Мистерии, я уснула на целые сутки, а Базиль и Гийом внезапно уехали, пока я спала.

— Куда? — спросила я Хакима.

— Не знаю, но они вернутся, — Хаким похлопал меня по плечу, — человеческое сердце — материя загадочная! Жди! Все решится!

Я стала ждать. Целыми днями слушала тех, кто делился со мной опытом, полученным во время Таинства. Потом накал эмоций спал, и наступила медитация — все, не сговариваясь, погрузились во внутреннюю тишину.

Ночью мне опять приснилась женщина-дракон. Я решила назвать её Тэя.

Мы были в ее доме. Она усадила меня за стол, уставленный снедью. Я удивилась, а она прокомментировала так:

— Думала, будут опять наставления? Нет, мы будем готовить, и учиться радоваться жизни! — «Готовить» в исполнении Тэи, означало бесспорное волшебство. Она его совершала, вкладывая в свои блюда — разные состояния.

В лепешки — безмятежность кочевников. В рис — изысканность китайского императорского двора. В овощи — жгучесть энергии тайских фокусников, которые жонглируют огнем. В печеные яблоки — роскошь итальянского вечера.

А потом мы сидели и вкушали эти прекрасные состояния, и чувство счастья разливалось по телу и вызывало истому.

Безмятежность возобладала — Тэя соорудила гору подушек, зажгла свечи разных цветов и налила масло апельсина в аромо-лампу:

— Давай, ложись! Ты это заслужила!

Утром меня разбудил гвалт.

Сполоснув лицо и натянув платье, я скатилась по лестнице вниз.

В эпицентре событий оказался Базиль ... и с ним была Радуа! Поодаль радостно улыбался Гийом. Остальные поздравляли на разные лады.

Вы знаете, что это значит? Только одно — Базиль женился! Как еще тут могла очутиться Радуа!

Я подошла, и когда мне дали пройти, обняла Радуа, а потом и Базиля:

— Живите долго и счастливо!

Вот чудеса! Впервые Базиля можно было принять за обычного счастливого человека.

Гийом подошел ко мне бочком и обнял тихонько, осторожно заглядывая в глаза.

— Да, ладно, я уже поняла, что ты был с ним в сговоре, — я нежно взяла его за руку, — пойдем мэтр Гийом, я хочу побыть с тобой.

Гийом мне рассказал, как ночью после Таинства, его разбудил Базиль, возбужденный до крайности. Как рассказал, что понял смысл своей встречи с Радуа.

В пустыне, проживая опыт своего Ветхого человека, он испугался открывшихся чувств. И не смог остаться.

Теперь же — узлы были развязаны и он последовал зову сердца.

— Невероятно! Разве все это — о Базиле, которого мы знали? — я прижалась к Гийому.

— Да, никто не остался прежним, — Гийом обнял меня крепче, — я опасаюсь одного, что будет с нами теперь?

— О, не беспокойся! Это только становление на путь, но не сам путь. Тэо взял с меня обещание, что в ближайшее время я буду жить жизнью обычного человека.

— Ты? — с сомнением в голосе переспросил Гийом.

— Да, я! И первое, что я сделаю, прежде чем вернусь в Невер, это приготовлю вам с Радуа и Базилем ужин.

— Ты едешь в Невер? Сейчас? Зачем?

— Мы трубадуры, милый! А мне нужно кое с кем встретиться.

— С кем это так срочно? — было видно, Гийом не знал, как меня урезонить.

— Ты ее не знаешь. Она — знакомая Жеана, ее псевдоним — Тэя.

— Боже мой! Тэо — Тэя, драконий народ!

— Милый, похоже на зависть, — я улыбнулась ему.

— Как же Мистерия, кто будет петь?

— Петь будет Радуа! Ты же так хорошо все чувствуешь: здесь я больше не нужна, мое дело — сделано.

Ты и Базиль были моей задачей. Теперь завершите ваше посвящение, а я буду ждать тебя в Невере новым, другим!

Гийом не хотел меня отпускать, и точно знал, что я не послушаюсь.

Утром на репетиции я снова задумалась о том, что мне пора.

Я об этом только подумала и тут же встретилась взглядом с Хакимом, и прочитала в этом взгляде, что он знает, о чем я думаю. Хаким дождался, пока все выйдут из зала. Когда мы остались с ним одни, он встал и обнял меня, будто бы укрыл огромными крыльями:

— Ты доставила радость моему сердцу Ясин!

Я посмотрела ему в глаза, сегодня они казались светом ночи Амоа:

— Значит, я принята в Орден?

Хаким засмеялся:

— Орден? Не знаю, о чем ты, но ты там — где должна быть, не сомневайся! Хвалить я не умею, скажу тебе так: я позову тебя, когда ты будешь нужна!

— Благодарю — это честь для меня, Мастер! — это была чистая правда, потому что он — поставил меня рядом с собой! Это наполнило меня счастьем.

— Ясин, я знаю — ты собралась уехать. Поезжай! Твое дело здесь — завершено.

— Значит, вы знали, зачем я тут появилась?

Хаким тихонько засмеялся:

— Вижу, тебе нужно поговорить. Давай поговорим! Идем ко мне.

По дороге Хаким попросил тех, кто были на кухне, принести нам чай. Мы оказались в кабинете Хакима, он указал мне на диванчик:

— Садись, Ясин. Спрашивай!

Я немножко волновалась, в свой кабинет Хаким никого не пускал, по крайней мере за весь тот период, что мы тут были. А здесь было на что посмотреть! Если соединить кабинет ученого и художника, то мы получим примерно то, что я наблюдала у Хакима. Атмосфера располагала к покою и медитации, но через пару минут она стала разворачиваться в многомерное пространство, казалось, тут тысячи входов и выходов. Маркус постучал в дверь, он принес чай. Пока Хаким его наливал, я размышляла, что же мне еще не ясно. Он подал мне пиалу:

— Ну, что подумала?

— Да. Только это даже не вопрос, мне скорее нужно подтверждение. Получается, вы не удивились, увидив нас троих на пороге, потому, что знали — Базиль особенный?

— Это и так и нет. Я увидел его светимость, это меня поразило, большая среди нас редкость! Но смущало то, что он ведет себя, как незрячий. Идет на ощупь, как будто не видит, куда и как надо идти.

Потом он приехал с вами, и я понял, что ваше появление — просьба Базиля о помощи вернуть зрение.

То, что вы трое крепко увязаны друг с другом, было очевидно. Обычно, проблема или вопрос несут в себе ответ. Я стал смотреть, кто же из вас найдет лекарство? Гийом был потерян, Базиль — слеп. Оставалась ты, Ясин. Стал

приглядываться к тебе, и почти сразу ко мне заглянули «гости», — тут он засмеялся лукаво, — а я смекнула, кто конкретно мог к Хакиму «заглянуть».

— Тот, кто заглянул, просил тебя поучить, сказав, что ты — понятливая. Вот я и сделал свое дело, а уж лекарство ты нашла сама. Так вот, Ясин!

— Значит, Мистерия, постановка, оказалась поводом?

— Она всегда повод для тех, кто ищет изменений. Она наполняет тех, кто в нее приходит. Твои друзья исцелены, но еще не встали на свой путь! Поэтому смело оставь их, Мистерия — их инициация. Пусть трудятся, пусть ищут!

— Хорошо. Пусть так и будет.

Мы в молчании посидели пару минут. Затем я встала, поблагодарила Мастера и ушла.

ЭПИЛОГ

Я приготовила ужин так, как научилась у Тэи; и радовала Радуа, Базиля и Гийома разными состояниями легкими и вольными. Радуа призналась, что знала о том, что Базиль вернется за ней. Я попросила ее занять мое место в Мистерии и сказала, что уезжаю. Базиль не удивился, а Радуа меня поддержала:

— Иди — если слышишь, что тебя зовут!

Так я и делаю.

Я иду по дороге к перекрестку дорог на Виль де Трэсси.

Кое-кто мне сказал, что надо идти — если слышишь, что тебя зовут.

Так и делаю.

Уже подхожу!

Июль 2019 г.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (17 в.) — Д. МИЛЬТОН, У. УИЧЕРЛИ, У. КОНГРИВ, Д. БЕНЬЯН, Д. ДРАЙДЕН

Джон Мильтон (1608-1674) — крупнейший английский поэт 17 в. Родился в семье лондонского нотариуса; обучался в школе при соборе св. Павла в Лондоне, а затем в Кембриджском Университете. В 1632 г. посетил Францию, а затем Италию. С 1640 г. он вернулся в Англию. Человек фундаментальной образованности, он впитал достижения философской и научной мысли своего времени. Ему принадлежат произведения различных жанров, написанные на нескольких языках. Он является автором философских, исторических и политических трактатов, лирических стихотворений, сонетов, поэм и драматических произведений.

Особенность творчества молодого Мильтона составляет сочетание ренессансных мотивов с пуританской дидактикой. В 1630 г. он написал стихотворение «Шекспиру», где славит Шекспира и его творчество; отмечает связь, существующую между поэтами Возрождения и писателями 17 в. В 1632-1634 гг. Мильтон написал стихотворения «Жизнерадостный» и «Задумчивый», связанные друг с другом и составляющие лирический диптих. После 1640 г. Мильтон пишет серию памфлетов: «Ареопагитика», «О воспитании», «Иконоборец», «Защита английского народа», где поэт выступает убежденным противником монархизма и сторонником буржуазной республики.

Крупнейшие произведения Мильтона — «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), драматическая поэма «Самсон-борец» (1671). Они воскрешают мятежный дух революционного крыла английского пуританства. Поэт обращается к библейским сюжетам и образам и придает им остро политическое звучание.

Поэма «Потерянный рай» — это эпос пуританской революции. Библейские мотивы использованы для раскрытия революционного содержания: в восстании мятежного Сатаны против могущества Бога отражен конфликт современной поэту эпохи. Основным героем поэмы становится не Бог, а восстающий против него Сатана, предпочитающий оказаться в аду, чем быть слугою в небе. Лишаясь блаженства небесной жизни, Сатана обретает свободу, и это для него дороже всего. Поэма «Потерянный рай» написана белым стихом и состоит из 12 частей. В ней рассказывается о поражении мятежных ангелов, поднявшихся под предводительством Сатаны против Бога, об их изгнании с небес в преисподнюю. Здесь, на берегу горящего пламенем озера, Сатана собирает своих единомышленников. В его дворце — Пандемониуме — происходит совет. Сатана призывает своих соратников двинуться на завоевание небес. Сатана

проникает в рай и решает погубить сотворенных Богом Адама и Еву. Он оборачивается птицей, которая сидит на ветвях «древа жизни», и узнает о том, что под угрозой смерти людям запрещено вкушать плоды от древа добра и зла. Архангел Рафаил предупреждает Адама и Еву о коварстве Сатаны. Но Сатана соблазняет Еву, и та вкушает запретный плод. Вслед за ней плод вкушает и Адам. Бог изгоняет их из рая. Теперь они должны познать жизнь, состоящую из повседневного труда и многих бедствий. Исследователи отмечают свойственное автору поэмы стремление к синтезу эпоса, драмы и лирики. Эпические картины истории, драматическое изображение судьбы Адама и Евы, лирические монологи, сливаясь в едино, составляют специфику поэтического произведения.

Поэма «Возвращенный рай» написана автором в иной тональности и отражает переживаемое им в конце 60-х годов настроения разочарования, вызванные примирением народа с реставрацией монархии. Теперь писатель возлагает надежды на самоотверженность стойкой одинокой личности, способной противостоять силам зла. В «Возвращенном рае» этим героем становится Христос, отдающий себя служению народу. Основная тема поэмы — искупление греха, которое может быть достигнуто борьбой с искушениями. Сатана становится посрамленным стойкостью Христа.

Творческий путь Мильтона завершается драматической поэмой «Самсон-борец», в которой вновь прозвучал призыв к действию и мести. Герой поэмы — библейский герой Самон, преданный Далилой и оказавшийся в плену у филистимлян. Самсон не сломался, он вступает в смертельную схватку с противником.

Творчество Мильтона явилось выражением прогрессивных идеалов своего времени.

Уильям Уичерли (1640-1716). **Уильям Конгрив** (1670-1729). Комедии этих авторов пользовались большим успехом в период реставрации (60-80-е годы 17 в.) В этих произведениях отразилась легкость нравов дворянской среды. Оба автора ориентировались на образцы французской драматургии. Комедии этих авторов отличаются некоторым цинизмом и вместе с тем мастерством и остроумием в построении диалога, внешней занимательности интриги («Джентльмен — учитель танцев», «Деревенская жена», «Любовь за любовь», «Пути света»).

Комедия Конгрива «Пути света» (1700) раскрывает борьбу влюбленных с возникающими на их пути препятствиями. Автор разрешает их с помощью остроумной интриги и тонкого юмора.

Джон Беньян (1628-1688) — английский прозаик. В его творчестве проповедываются идеи пуританства. Он родился в семье крестьянина, принимал участие в гражданской войне, находясь сначала в армии короля, а затем перейдя на сторону его врагов. В 50-е годы он известен как деятельный проповедник-пуританин. В истории литературы он известен аллегорической повестью «Путь паломника» (1678) и произведением «Жизнь и смерть мистера Бэдмена»» (1680). Эти повести были созданы в годы Реставрации, когда писатель подвергался гонениям и 12 лет про-

был в тюрьме, куда был заключен за отказ прекратить деятельность проповедника.

В повести «Путь паломника» Беньян изображает человеческую жизнь как поиски высшей правды. Отмечая, что обрести ее можно только на небесах, но для этого надо преодолеть все искушения и трудности в земной жизни. Смысл жизни писатель видит в духовном совершенствовании. В своем стихотворном предисловии он пишет:

«А было так: описывая бремя
И жизнь святых в евангельское время,
К высокой славе трудный путь и горе,
Вдруг оказался я во власти аллегорий».

Этим он подчеркивает характер данного произведения. Сюжет довольно простой — герой повести Христиан отправляется на поиски «Небесного Града». На пути ему приходится преодолевать множество опасностей: Топь Уныния, гору «Затруднения», дороги «Опасность» и «Погибель», «Долину уничижения Христиан», долину «Смертной Тени», и другие. В завершении повести Беньян просит читателя не принимать созданную им аллегорию буквально, но «самому выбрать из нее суть идеи».

Эта повесть написана автором в традиционной форме видения, берущей начало в средневековой литературе («Видение о Петре Пахаре»).

«Жизнь и смерть мистера Бэдмена» — это образец социально-бытовой повести. Она строится в форме диалога «мудрого человека» мистера Уайзмена и «внимательно слушающего» мистера Аттентива, и содержит историю «плохого человека» Бедмена. В образе Бедмена обобщены характерные черты дельца и лицемера.

Произведения Беньяна в годы Реставрации имели сильное политическое звучание — они выражали пуританские идеалы гражданственности и обличающие установившиеся в стране порядки.

Джон Драйден (1631-1700). Свой путь в литературе он начал в годы республики. Получила известность его ода на смерть Кромвеля (1659). Однако позже он начал в своих одах и сатирах прославлять Стюартов, защищать монархию, сделался придворным поэтом и историографом. Ему свойственна политическая нестойкость, начав с осуждения католицизма, он затем принимает католическую веру и в поэме «Лань и пантера» (1687) выступает с прославлением римско-католической церкви.

Драйден-поэт интересен стихотворением «Чудесный год», в котором рассказывается о событиях пережитых Лондоном — пожар и чума.

Интерес представляет драматургия Драйдена, в которой он следует образцам французского классицизма (Корнель, Расин).

В комедиях Драйдена отражены нравы эпохи Реставрации — «Дикий волокита». Среди его трагедий известностью пользуются: «Тайная любовь», «Дон Себастьян».

Интересны его статьи по драматургии («Опыты о драматической поэзии», «Опыты о героических пьесах»), где писатель изложил взгляды на литературу, подчеркнув, что он ориентируется на французский классицизм и творчество Шекспира. Исследователи считают Драйдена «отцом ан-

глийской критики». Им были созданы литературные портреты Шекспира, Бена Джонсона, Бомонта и Флетчера, Спенсера и Мильтона.

Литературоведы считают, что классицизм в литературе периода Реставрации впервые представлен творчеством Джона Драйдена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (17-18 вв.)

ЛИТЕРАТУРА 17 ВЕКА

В истории культуры между Возрождением и Просвещением 17 век занимает срединное звено. Хронологические рамки здесь обусловлены индивидуальной писательской деятельностью на рубеже 16-17 и 17-18 веков.

В истории развития литературы 17 века (западноевропейская) отчетливо выделяются три основных художественных направления: ренессансный реализм (Лопе де Вега), продолжающий гуманистические традиции литературы эпохи Возрождения; классицизм, основной литературный стиль эпохи, получивший преимущественное развитие на французской почве; литература барокко (Кальдерон, Расин, Мильтон, немецкие писатели и поэты 17 в.), порожденная кризисом государственной системы.

Свои поиски и находки 17 в. передает в наследство 18 в. Плутовской роман, во многом натуралистичный, уступает место просветительскому роману. Свое художественное самовыражение появилось в лаконичности афоризма и в своеобразии мемуаров. Публицистическая стихия ощутимо проявляется в утопиях 17 в. и в повествовательных жанрах странствий. Сжатую новеллу теснит социально-бытовой роман. Богословская проза, которая стремилась захватить сферу своего влияния, проникает в беллетристские жанры.

ЛИТЕРАТУРА 18 ВЕКА

18 век входит в литературу с бурным натиском. Особенностью взглядов и творчества просветителей было то, что они основывались на иллюзии обособленности человека от общественного развития. Они защищали идеи просвещения масс, свободу, отстаивали интересы народно-демократических слоев общества.

В испанской литературе рационализм принял вид более острого понятия, в котором остроумие возводилось в ранг основного эстетического требования.

В Англии, Германии, Франции идея самоутверждения личности основывалась на преобразовании чувства над классицистической рассудочностью.

В 18 столетии в западноевропейских странах развивается мощное идеологическое движение, известное под названием Просвещения. Свое название просветители получили потому, что главным средством преобразования общества они считали просвещение народа. В просветительской литературе выделяют три больших направления: просветительский классицизм, просветительский реализм и сентиментализм. Высшую цель искусства классицисты видят в перевоспитании человека, в превращении его в идеального героя. Ведущим жанром литературы просветительского классицизма стала трагедия. В поисках образцов — примеров гражданской доблести — просветители ориентировались на античное искусство и французский классицизм 17 века. Просветительский реализм, творчески переработав традиции плутовского и бытового романов 17 в., обратился к изображению реальных людей в бытовой обстановке. В творчестве писателей-реалистов важное значение приобретают прозаические жанры и особенно роман. Сентиментализм возникает во второй половине 18 в. В этом течении рационализм уступает место сенсуализму, что способствует психологическому насыщению романа и драмы и расцвету лирической поэзии. Просветительская литература дала человечеству таких великих художников, как Дефо, Свифт, Филдинг и Бернс в Англии; Вольтер, Дидро, Руссо и Бомарше во Франции; Лессинг, Шиллер и Гете в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. ОРЛОВА

Джон Мильтон "Потерянный рай"